

Михаил Кривошеин

Мама, прости...

М. А. Кривошеин

Мама, прости

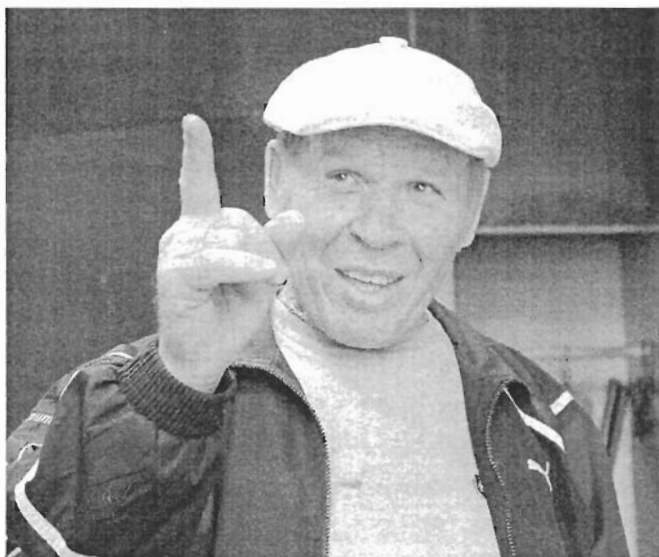
**Кемерово, 2011г.
Типография «Ректаймс»**

ББК 84.3Р7

К 82

**Книга издана в честь юбилея
города Мыски
55 лет**

**Автор благодарит Управление культуры
города Мыски за финансовую поддержку
в издании книги**

Михаил Александрович Кривошеин родился в селе Кривошеино Кривошеинского района Томской области. С 5 лет жил в селе Быстрый Исток Алтайского края. В 1976 году с семьей переехал в город Мыски Кемеровской области.

Писать начал в 1987 году.

Автор трех книг. Свою четвертую книгу приурочил к юбилею города (55 лет) и своему юбилею – 60 лет.

С 2006 года - член Союза писателей Кузбасса.

И СМЕХ, И СЛЁЗЫ, И ЛЮБОВЬ...

«Смешное и не очень» – так намеревался назвать свою третью книгу мысковчанин Михаил Кривошеин, однако его опередил собрат по перу из Кемерово Александр Ярошук. А ведь название это во многом бы соответствовало содержанию книги, а ещё точнее – двум предыдущим книгам Михаила, где и впрямь жизненно-смешное было на первом месте.

Тем не менее, и здесь Михаил Кривошеин остаётся во многом верен себе – ненароком подсматривая и подмечая курьёзные случаи, кои сама жизнь преподносит – нарочно и не придумавшись! Потом всё это довольно мастерски он передаёт своими словами, уже выработавшимся оригинальным авторским стилем, и получаются добротные литературно-художественные миниатюры – рассказы и зарисовки, на одну-три странички печатного текста.

Часть рассказов из этой книги уже прошли читательскую апробацию, не остались они незамеченными и среди литературной братии, не обошли их стороной и придирчивые критики. Среди таковых можно назвать: "Умная вода", "Переиграл", "Как сосед соседу", "Как Петька Ваньку вылечил", "Иванов сад", "Мама, прости", "Разоблачили", "Черти в ступе табак толкли". Одни из них прошли горнило читок и оценок членами редколлегий журналов и газет,

другие – напечатаны в журналах "Огни Кузбасса" и "Новый Енисейский литератор", третьи – в "газете для души" "Охотник и рыболов Сибири" или иных периодических изданиях. Но даже и эти названные рассказы подверглись новой авторской обработке, либо вообще были написаны в последние два-три года.

Большинство же рассказов, а это: "Цветы для мамы", "Эх, кого обидели", "Сон рыбака", "Пока петух не клонет", "Пари", "Слива", "По щучьему велению", "Тётя Мотя и кот Котя", "Купание красного коня" и прочие – новые, нашли своё отражение здесь впервые и широкому читателю ещё неизвестны.

Что отличает эти рассказы от многих напечатанных прежде, так это то, что смех в них получается с грустинкой, а порой проступает даже и сквозь слёзы. А ещё для Михаила Кривошеина, точнее его прозы, вообще характерна мягкая, в пастельных тонах, беззлобность, которая в последние годы в таком дефиците у наших многочисленных авторов-сатириков и пародистов. Вместе с тем, смех-смехом, а призадуматься есть над чем: простачки-то его – и не такие уж прямолинейные и бесхитростные – вроде шукшинских "чудиков", которые всегда были и есть "себе на уме".

А, может, и вовсе неслучайно, что его персонажи и герои сродни шукшинским – ведь вырос-то Михаил на Алтае, совсем невдалеке от знаменитого села Сростки. Впрочем, и его Быстрый Исток – теперь

уже тоже место для многих людей культовое – именно там родился и вырос знаменитый и всеми любимый народный артист Валерий Золотухин. По словам самого Михаила, они и жили-то с Валерием на одной улице. Только вот разделяет их время в одно десятилетие. Потому-то и происходит всё в рассказах и повестях М. Кривошеина то на Алтае, то на юге Кузбасса, где он проживает теперь, то в приобском Нарымье, где он родился и куда были сосланы его раскулаченные родители.

Помимо юмористически-назидательных рассказов в эту книгу вошли две новые повести – вещи серьёзные, смешными их никак не назовёшь. Обе они не очень велики по объёму, да и с точки зрения чистоты жанра не совсем подходят под это определение. И тем не менее, заслуживают всяческого читательского внимания.

Мини-повесть "Тёплый цвет холодного апельсина" – если в двух словах: о любви и дружбе, о товариществе и взаимовыручке. В ней есть некий классический "треугольник": к выпускному школьному вечеру двое ребят (Дима и Женька) влюблены в одну и ту же одноклассницу Ольгу. Увы, выбор Ольги оказывается не в пользу главного героя повести Димки. Разумеется: страдания, переживания, самокопание, самооценка и сравнение с соперником – в общем, всё что сопутствует любви, которая, как поется в популярной песне, "не бывает без грусти". А

после выпускного школьного вечера – жизненная школа, во многом отличающаяся от того, чему учили десять лет. Однако, бывшие одноклассники-соперники волей случая опять оказываются вместе, и даже в "одном классе", который теперь именуется шахтой. Шахтой – самой настоящей, со всеми её проблемами и последствиями, которые так хорошо и горько ведомы всем жителям шахтёрского Кузбасса. И, как правило, этот жизненный класс предлагает нашим героям совсем иные задания, нежели на школьных уроках.

Застарелая обида на соперника всё ещё не даёт покоя Димке. И мнится ему даже злорадная месть. Но... И Женька, и Димка оказываются в одном забое, мало того – в экстриме, под завалом. И вот тут уже – как в экзистенциальных романах с пограничной ситуацией: самому ли спастись, бросив напарника, либо, рискуя и жертвуя собой, спасти своего соперника – собрата по несчастью. Видимо, не так уж плохо проходили уроки нравственности в школе у Димки с Женькой, если забываются обиды, исчезают злорадные мстительные помыслы, и руководствуют действиями простой человеческий долг, точнее даже застрявший "в печёнках" догмат советской этики: "Сам погибай, а товарища выручай". Вот и отдаёт задыхающийся Димка свой самоспасатель Женьке, которому гораздо хуже вчерашнего соперника, вот и тащит на себе его Димка, выбиваясь из сил, к спасительному месту... Ну, и при чём тут апельсин, что

предложен в заглавии повести? – вправе задать вопрос читатель, – да ещё с таким метафорично-интригующим эпитетом – «холодный», зато "тёплого цвета"? Мне думается, что апельсин – это символ, как маленькое оранжевое солнышко, освещающее жизненный путь. И у каждого – оно своё.

Гораздо серьёзнее и драматичнее предыдущей повесть "Бедная Нюра". И она невелика по объёму – всего порядка тридцати страниц, зато насколько спрессована по событиям и накалу трагического – вполне и на роман бы потянула, да и не один – диологию, если не трилогию, или входящую опять в моду сагу. Правда, на мой взгляд, да и сам автор это отмечает, повесть эта не везде и не всегда чиста в художественно-стилистическом аспекте. В ней больше чисто событийно-повествовательного, как в документально-публицистическом или историческом произведении. Она – как некий реферат, костяк огромного произведения, где выделено лишь содержание, и ему в угоду выхолощены все литературно-художественные особенности. Ведь предлагают же американским школьникам и студентам "Анну Каренину" Льва Толстого на десяти страницах...

"Бедная Нюра" – бедная – ещё мягко сказано! Куда там до неё "Бедной Лизе" Николая Карамзина – со своими сентиментальными переживаниями... Тут – жесточайший реализм, и ничего лишнего. По своему драматизму, социальной остроте и актуальности она

близка к "Колымским рассказам" Варлама Шаламова или документально-публицистической книге томского писателя Вадима Макшеева "Нарымские хроники. Трагедия спецпереселенцев". Тема нарымских спецпереселенцев для нашей литературы долгое время находилась под запретом, и не только в 40-50-е годы, но и в "хрущевскую оттепель" и даже во времена "брежневского застоя". Раскулачивание и ссылка в Нарымский округ сотен тысяч ни в чём неповинных людей, начиная с 30-х годов, где искусственно, на заболоченно-рямном пространстве были созданы целых четыре района, по территории превышающие Кузбасс. Вот уж где судьбы людские и впрямь гроша ломаного не стоили... Привезли по Оби и её притокам, разбросали, как чёрт репу насеял, на голые кочки – живите и выживайте – если сможете и как хотите...

Мне, родившемуся и выросшему в тех краях, в местах спецпоселений, где родители оставались безвыездно-бесправными на спецучёте в комендатурах аж до 1958 года, очень даже хорошо знакомо то, о чём написано в повести. Только вместо "бедной Нюры" у меня могла бы быть "бедная Стеша" или "бедная Настя". Да мало ли я перевидал таких вот "бедных Нюр"?! Так что повесть эту можно считать сыновним долгом Михаила перед его матерью, да и перед многими родителями, оказавшимися там. Не скрою, с детства вынашивал и я идею написать книгу про раскулаченных и репрессированных, сосланных туда,

"где Макар телят не пас". И даже начал писать, совсем ещё юным, не имеющим ни опыта писательского, ни достаточных знаний. Но прекратил: сначала – ещё время не подошло говорить во весь голос всю правду, потом другие темы пленили, а теперь уже и "руки не доходят". А вот у Михаила Кривошеина, видать, эта тема созрела, и выплеснул он всё это на бумагу, как умел. А если уж быть точным, скорее так, как ему мать поведала обо всех своих мытарствах... Пересказывать не хочу и не буду. Тут надо читать и сопереживать, сочувствовать героине повести. И сказать спасибо автору, за то, что написал такое.

В общем, как мне представляется, книга эта у Михаила Кривошеина получилась. В ней всё, как в жизни: и смех, и слёзы, и любовь...

*Кемерово, июль 2010 г. Виктор
Ариаутов - член Союза писателей
России*

Бедная Нюра. (Повесть)

Скрип-скрип, скрип-скрип.... - скрипело несмазанное колесо у телеги. Этот скрип вошёл в её сознание навсегда и преследует всю её длинную жизнь. А пока ей пять лет, и её везут чужие дяди на телеге. Лица у них сердитые, за плечами винтовки.

В телеге ездовой и дети. Старшая Физа, ей восемь лет, вторая Лида – семь, Нюре – пять, Грише – три, младшей Оле всего шесть месяцев. Позади телеги идут папа и мама, а за ними два вооружённых человека. Их везут на ссылку. Вчера раскулачили, забрали всё, в том числе эту телегу и Серка, который выполняет недобрую миссию – везёт всех в Бийск, в пересыльную тюрьму. Неулыбчивые дяди собрались ехать, а телегу не смазали и солидол с собой не взяли. Скрипит телега и ранит слух и сердце.

На почлег остановились в какой-то деревне. Хозяин – местный активист, подошёл к телеге, заговорил с ездovým: - Что, кулаков на ссылку погна́ли? Пора от этой заразы землю очистить, - и кивнул в сторону детей. Дети постарше опустили глаза - им неприятно, что о них так говорят, а Гриша зажал кулачишко и поднял его этому дяде. Мужик крикнул от досады и заматерился: - Ишь ты, порода. Кулак – он есть классовый враг, даже их сопливые ребятишки и то кулаки показывают. Нищё, закатают вас на Соловки, запоёте «репку».

Гриша снова показал кулачишко. Что он ребёнок понимает. Слышит слово «кулак» вот и реагирует, мол, у меня свой есть.

Ночевать семью в дом не пустили. Хозяин рыкнул: «Вон в сенцах за дверью устраивайтесь».

Апрель месяц. Ночи холодные. В углу стояла старая дверёнка. Отец – Иван Васильевич взял её и положил, надел на себя полушубок и лёг, запрокинув здоровую руку за голову. К нему села и привалилась мать – Мария Ивановна с маленькой на руках. Остальные дети облепили их, и все сверху накрылись одеялом. Так клубком и ночевали. Иван Васильевич перелопачивал в уме все последние события: «Что, как, почему?»

Раскулачивать их пришли пять человек: Копрунов Захар Андриянович – председатель сельсовета, секретарь – Ольга Кобылина. Она самая активная и без «царя» в голове доводилась Лайкову дальней родственницей. Во время первой мировой войны его ранило в плечо разрывной пулей. В госпитале его наградили Георгиевским крестом. Награждал Великий князь Михаил. После ранения его списали подчистую, потому что он стал инвалидом. Вернувшись домой, он взял в жёны Марию Ивановну Горлачёву из зажиточной семьи. Они жили крестьянской жизнью. Вместе построили дом. Вели хозяйство. Один за другим появилось пять детей. На любой праздник Иван Васильевич надевал костюм с Георгиевским крестом, а родственница приступалась: -Сними ты это дьявольский крест, - и писала в районное ГПУ, что, дескать, Лайков не уважает Советскую власть. Может быть, их не раскулачили бы, потому как кулачить нечего. Одна корова, шесть овец, десятка полтора кур и одиннадцать десятин земли. Ну, и, конечно же, лошадь и весь инвентарь к ней. Ну, уж если им сильно надо для создания колхоза лошадь и земля – заберите. Но зачем же с насиженного места срывать такую семью с малыми детьми? Давно Копрунов

говорил: - Иван, у тебя самый лучший дом на селе». Завидовал. Вот и добралась шайка бандитов, обличённых властью, и разорила семью.

Третьим из той губительной команды был представитель из района, одетый в кожанку и кожаную фуражку. Он постоянно доставал из драного портфеля бумагу и тряс её перед теми, кто подлежал раскулачиванию. На местах её исполняли по-своему. Четвёртым в комиссии был милиционер из РГПУ. А пятый, для счёта, кто-то из нищеты. К Лайковым пришёл Калистрат. У него было семь детей. Сам он был лодырь из лодырей. Калистратиха уже с нового года ходила по соседям с чашкой – кто что даст. А когда в Вознесенке началась коллективизация, Калистрат стал самым востребованным у власти. Любил он участвовать в разорении зажиточных семей – что-нибудь да тащил домой. Богател.

У одного охотника разжился волчьей шубой. Позже его найдут в этой шубе скрученного верёвками, в проруби реки Пени. Когда Лайковым велели собираться, Мария каждому ребёночку собрала его вещи в узелок, а себе навязала в узел свои да мужнины, а в другую руку - одеяло. Когда закручивала одеяло, Калистрат вцепился в угол и потянул на себя. Мария Ивановна метнула гневный взгляд и сказала: - Детей укрыть. Сама посмотрела на Копрунова, тот кивнул головой, Калистрат отстал. Иван Васильевич надел на себя побольше вещей и старый полушубок. Новый описали. Здоровой рукой он нёс мешок с инструментами. Топор, молоток, рубанок, центровка и лучковая пила им оченьгодились на новой месте.

С мучениями они пережили ночь. Утром снова в путь. Заморосил дождь. Марии Ивановне разрешили сесть

в телегу, а старших – Физу и Лиду ссадили, чтобы шли пешком. Дорогу развезло. На колёса наматывалась грязь, лошадь шла тяжело, от неё исходил пар. Девчонки быстро выбились из сил. Нюра смотрела на них, и у неё были полные глаза слёз, так ей было жалко сестёр. Гриша спал, зажав в кулачке корочку хлеба. Мария Ивановна не могла долго смотреть на муки дочерей. Она положила маленькую рядом с Гришей, соскочила с телеги и хотела посадить малышек. Ездовой буркнул: - Узел брось в телегу, а они пусть идут, лошадь умаялась.

В этот день хотели доехать до Бийска, но вымотались и остановились заночевать в Сухой Чемровке. Ночевали все вместе у одной старухи. Та натопила печь и отправила туда ребятишек. Конвоиры и ездовой не обращали внимания, они купили четверть самогона и всю ночь пили, пока не попадали.

Утром поднялись поздно. Иван Васильевич запряг Серка, погрузил в телегу ездового и конвоиров вместе с винтовками и поехали дальше – в неизвестность.

С утра выглянуло солнце, запарило. Шли очень медленно. Мария Ивановна несла на руках Олечку. Старшие держались за телегу, а Нюра вцепилась в материн подол и шла, шла.... Остановились на привал. Один конвоир вылез из телеги и пошёл в кусты. Ушёл и пету. Иван Васильевич пошёл его поискать. Зашёл за кусты, а тот спит себе на старой траве. Кое-как поднял его, привёл и уложил в телегу. Другой бы в такой ситуации перебил конвой, свалил бы их где-нибудь в лог, семью на телегу и - куда-нибудь в глухомань. Можно было уйти по Чуйскому тракту в Монголию. Но эти люди ещё не осознавали всего трагизма происходящего. Они не думали, что их определили врагами, что их костями, как арматурой будуТ

скреплять нарымские болота. Нет! Иван Васильевич не был трусом, в жизни никого не обидел. На фронте ходил в штыковую атаку и одного австрияка даже заколол штыком. Но, то был явный враг - или он тебя, или ты его. И он делал то, что следовало солдату. А тут, вроде, свои люди, в душе теплилась какая-то надежда, и она не давала перейти черту. Этим, которые отнимают всё и изгоняют людей с насиженных мест, запретили иметь душу, и они её отрунули враз. призрели все нормы морали, не щадя ни старых ни малых.

Иван Васильевич часто размышлял над этим. Он очень любил русских людей. И раньше, не задумываясь, отдал бы жизнь за любого, но на его глазах прошли все последние события: гражданская война – где брат убивал брата, и вот эта коллективизация, которая рушила основу государства, не заглядывая в будущее, даже на один год. Иван Васильевич шёл и размышлял, не замечая галдежа птиц, которые без конца перелетали с одной ветлы на другую, видимо, подыскивая подходящее место для гнезда. Мысли сто уносили далеко на запад, туда, в окопы первой мировой, где люди сближались и готовы были к жертвенности. Где, в какой момент между народом вбили клин и разодрали по живому, как раздирают ствол дерева, и вековые «кольца» истории не удержали государства, и со стоном и грохотом разлетелось всё в дребезги. Было ощущение, что всё летит в тартарары. Мужики рассказывали, что где-то в газете отец народов сказал: «Лес рубят, щепки летят». Это значит, мы – щепки, то есть, мусор. Кто же будет определять: кто есть отходы общества? И вообще, после такой «прополки» - кто останется? Мысли эти не покидали Ивана Васильевича до самого Бийска.

К Бийску подъехали с высокой стороны. Город был, как на ладони. Среди частного сектора возвышался Дмитровский собор. Мария Ивановна перекрестилась. Она до первой мировой училась здесь в гимназии и пела в этом соборе на клиросе.

Золотое было время. Бийск, хоть и провинциальный городишко, но имел даже свой драматический театр. Торговые палаты, здание городской думы, речной вокзал, купеческие дома – всё было достопримечательностями города. Гимназистки любили ходить по городу пешком. В выходные дни в плохую погоду ездили на извозчике, а в хорошую бродили пешком. Ходить по частному сектору было интересно, наблюдать, как живут люди. Где-то собралась стайка ребятишек и играла в бабки. В другом месте ребята повзрослей, играли в городки. Игра обычно останавливалась, и все пялились на гимназисток в белых фартучках. Малышня кривлялась, показывая языки, а те, кто постарше разглядывали девочек с нескрываемым интересом. Помнит Мария всё: как училась, как мечтала съездить в Москву или хотя бы в Новониколаевск. Какие были праздники в гимназии, как один мальчик Гриша подарил большой печатный пряник.... Ёкнуло сердце и затрепетало. Это уже было в прошлом. А сейчас их лишили крова и свободы и прогнали сюда, чтобы отсюда отправить на место ссылки.

Бийск стал не таким, каким его помнили Мария и Иван. Кругом было грязно. Мусор кучами тлел на улицах. Зловоние и бедность говорили о том, что здесь плохие хозяева. Много домов стояло заколочено. Люди бежали от безработицы, голода и преследования. Под горою находился кирпичный завод. И вновьприбывших загнали на территорию кирзавода под дощатый навес, где сушили

кирпич-сырец. Кирзавод давно не работал, и в нём устроили пересыльный лагерь для раскулаченных. Политических и уголовных держали в тюрьме - и она была переполнена. Дети испуганно смотрели на всё, что там происходило: на таких же детей, как они, на взрослых, на людей в форме, которые открывали и закрывали большие ворота, сменяли друг друга и куда-то уходили, держа винтовки наперевес.

Иван Васильевич нашёл свободное место, и семье выпала возможность отдохнуть. В этом навесе не было пола, а под ногами лежала истоптанная солома. Крыша была тесовая, а стены в разбежку забиты досками. Люди сами позабывали щели, чем попало, и врезали несколько рам, так как навес был большой, света не хватало, и поначалу ничего не было видно, но потом присмотрелись. Спали вповалку на соломе. Под соломой - промёрзлая земля. Потому-то все люди здесь простывали, ходили с воспалёнными глазами. К Лайковым подошла какая-то девочка и громко сказала: - Моя мама умирает. К ней подошла Иора и спросила: - Как тебя зовут? Девочка ответила: « Глаша», - и они, взявшись за руки, пошли поглядеть на Глашину маму. Та лежала с закрытыми глазами и что-то бормотала, видимо, в бреду. В лагере не было медика и никого не интересовали больные. Каждый день кто-нибудь умирал. Утром охрана проходила по всем навесам, а их насчитывалось десять, загружали трупы на двуконную брочку и везли на кладбище. Сваливали в общую яму, присыпая немного землёй, а на другой день новую партию сваливали вторым слоем - и так, пока не наполнится. Кладбище называли Мочища. Мочища образовалось после победы в гражданской войне. Собрали классовых врагов, человек сорок, угнали в глухое место,

заставили рыть общую могилу и «замочили» всех враз. Позже расстреливали служителей церкви, и вот добрались до кулаков. Кулаков не расстреливали, а создали им такие нечеловеческие условия, что они начали умирать и их свозили на Мочищу и закапывали без крестов и могил, как скот в общую яму.

Кормили спецпереселенцев один раз в сутки. Варили в общих котлах квашеную капусту, немного картофеля и добавляли крупы. Иван Васильевич становился в очередь и приносил полный котелок этого супа. Мария Ивановна прихватила с собой две ложки и кружку. Ели по перемене. Дети всё заглядывали в котелок: много ли там осталось, но еда убавлялась быстро. У матери стало пропадать молоко. Олечка плакала часами. Ребёнку не объяснишь, что мать голодная, поэтому и нет молока. Каждый день к забору приходили менялы из городских жителей, приносили хлеб, молоко, варёный картофель и даже сало. Мария променяла пуховую шаль и расшитое полотенце. Кто-то уже сложил частушку, и дети напевали: «Кулаки, вы кулаки – спецпереселенцы, на капустные листья меняли полотенца».

В Бийске они пробыли ровно месяц. Все перепростыли, обовшивели. Но вот пошёл разговор, что скоро их пароходами отправят на север – в Нарым.

В тот день их подняли рано. С утра накормили баландой, выделили по буханке хлеба на семью. Дали полчаса на сборы. Построили в колонну и погнали на пристань. Шли долго. Конвоиры без конца орали: «Подтянись!» Сзади тащились старые и больные люди, женщины с детьми на руках. К пристани были причалены две баржи и большой паровой катер. Баржи трюмные, людей набили почти что стоя. На верхней палубе была

деревянная надстройка, где находился конвой. Паровой винтовой катер взял на буксир баржи, и они отчалили. По дороге они причаливали к островам, и мужиков выгоняли на заготовку дров для катера. Грузили часть на катер, а часть на баржи. Во время остановок людей из трюмов не выпускали. Только дежурные выносили параши. Люди страдали от холода, голода и недостатка кислорода. Вскоре появились покойники. Охранники выносили их на палубу и сбрасывали в воду на ходу. У одной женщины умер двухлетний мальчик, и она сошла с ума. Она прижимала его к себе, разговаривали с ним. Охранники начали отбирать у неё дитя, но не могли справиться с обезумевшей матерью, тогда они вытащили её на палубу и сбросили в воду. В мае вода в Оби ещё холодная. Видимо, не долго мучилась бедная, но никто не смог разлучить её с сыном.

Целый месяц катер буксировал эти баржи, которые провожали и пропитались человеческой трагедией. На Оби, севернее Томска находился небольшой городишко – Колпашево. Там действовали большой лагерь и местная тюрьма. Прибывших выводили под руки и выносили на руках. Женщин, детей и стариков поместили в лагерь, а мужиков погнали в тюрьму. У Марии Ивановны было страшное предчувствие, что муж не вернётся. Но на радость всей семье он вернулся через четыре дня и объявил, что они скоро поплывут на место назначения. Буквально на другой день их погрузили в те же баржи и потянули вверх по реке Кеть. У посёлка Наломовский высадили на пустынный дикий берег. Люди рыли землянки руками, ломая ногти. Ивану Васильевичу пригодились инструменты. На первую ночь соорудили шалаш, обложив его пихтовой ланкой, но ночевать в нём

пришлось не единожды. Мужик он был смекалистый и, присмотрев взгорок, решил строить свою землянку там. Землянка получилась просторная, с нарами и печкой «буржуйкой». Осень показала, что Иван был прав: дожди не повлияли на внутренне и внешнее состояние строения. Хуже было самочувствие людей. Те, которые умели выращивать хлеб, ухаживать за животными, строить добротные дома и амбары, жили в привычном для себя климате. Их забросили сюда в Нарым на вымирание. Непонятно, что хочет власть? Кто будет их кормильцами и защитниками? Те, которые охраняют? Но это - самая трусливая и подлая часть народа – христопродавцы. Эти размышления часто посещали каждого думающего из ссыльных, но они боялись друг друга и носили это каждый в себе, не позволяя даже дома рассуждать вслух, потому что ребёнок мог по своей глупости где-нибудь, что-нибудь сказать и всё: политическая статья и тюрьма, а без мужика семья погибнет быстрее.

Нарымское лето холодное и короткое. Мария Ивановна с детьми копали какие-то корни, собирали ягоды и грибы. Всё это сушилось и складывалось на хранение. Надо было выживать любой ценой. Из ссыльных создали промартель. Сделали смолокурню – гнали дёготь для фармацевтических нужд. Делали сани, телеги. Построили бондарный цех. Ивана Васильевича назначили кладовщиком, он принимал готовую продукцию, и сдавали это всё в госпароходство, которое взамен привозило муку, соль, мыло, спички, порох, мануфактуру. В промартели работа оценивалась по трудодням. Но этого товара и продуктов было так мало, что жизнь теплилась еле-еле. Дети директора - и те падали в голодный обморок.

Первую зиму Лайковы бы вымерли все. Помог лось, который провалился в полынью. Видимо, он пришёл на водопой. Лось был крупный и упитанный. Иван Васильевич ставил петли на зайцев и этим ранним утром пошёл на охоту. Ночи стояли лунные. Он встал на лыжи и пошёл через реку. Там услышал фыркание. Подошёл поближе к полынье, а там лось. Он доставал дно, но никак не мог вскочить на лёд. Иван метнулся в деревню к охотнику Демьяну, поднял ещё двух мужиков, те захватили санки и верёвку. Когда прибежали к полынье, лось, при виде людей, сделал последний рывок и ему удалось выскочить на лёд, но он поскользнулся и завалился набок. Демьян был наготове, и только лось поднялся, сделал выстрел под переднюю лопатку. Лось рухнул на самом краю полыньи. Тушу разделали и поделили поровну. Ивану достались килограммов семьдесят мяса и шкура, так как это было его находкой. Это мясо не дало согнуть семье в первую зиму, а шкура после выделки пригодилась в большие морозы занавешивать дверь.

Зима 1931-1932 года выдалась очень суровой, и на окраине посёлка Наломовского выросло кладбище ссыльных. Умирили целыми семьями. Хватятся соседи, что из трубы какой-то землянки не идёт дым. Пойдут посмотреть, а там все мёртвые. И всем миром долбят одну общую могилу, и ставят один крест.

Весной семью Лайковых направили в Тогур. Там старшие Лида и Физа пошли в школу, но зима закончилась, и год пропал: они отстали от своего возраста. Ивана Васильевича назначили на работу в больницу завхозом. Мария пошла работать в хлебопекарню. Нюре шесть лет, она уже знает буквы и складывает слова, ей

тоже охота в школу, но мама говорит, что ещё мала. В Тогуре им стало жить полегче. Иван Васильевич привёл жилище в божий вид. Сбили новую русскую печь, побелили, стало светлее и на душе. Часто вечером они вспоминали, как жили в селе Вознесенске. За огородом у них жили дедушка и бабушка Лайковы - родители Ивана Васильевича. Они сильно скучали по сыну и внукам. Бабушка каждый день ходила на яр встречать любимого сына с семьёй. По полдня. Всё глядела вдаль, но, не дождавшись, возвращалась. К осени она слегла и умерла, а за зиму и дедушка Василий Семёнович истаял, как свечка. Ничего этого сын не знал, спецпереселенцам переписка была запрещена.

В 1933 году Нюра пошла в школу и стала круглой отличницей. Иван Васильевич хорошо играл на мандолине, стал приучать к музыке детей, получился семейный ансамбль. Физа играла на гитаре, Лида и Нюра на балалайках, папа на мандолине, а мама пела. Когда-то Мария Ивановна пела в храме на клиросе, у неё был хорошо поставленный голос, и особенно красиво получались украинские песни. Гриша ещё не играл на инструменте, зато хорошо выстукивал деревянными ложками по крышке от кастрюли. Им разрешалось выступать в школе на праздниках. Грише давали настоящий барабан, и он, шестилетний ребёнок, выдавал такие дробы, что зал взрывался аплодисментами. После поклона семья уходила за кулисы, а Гришу папа посылал на второй поклон, и люди кричали «браво». До 35-го года жили в Тогуре. Даже завели корову. В огороде выращивали картошку. Физа и Лида были у матери первые помощницы. Нюра следила за Гришей, и он, как хвостик, не отставал от неё ни на шаг.

Однажды они пошли на пристань. Юора что-то отвлеклась с подружкой, а Гриша подошёл близко к берегу. Берег был сыроват после дождя, и Гриша соскользнул в воду. В это время к берегу на коне подъехал водовоз, дети показали, куда упал Гриша, и мужик стал черпаком искать его. Черпанул раз, другой и на третий раз вытащил. Видно, не судьба была пацану утонуть. Пришли домой все мокрые и перепуганные. Мария Иванова выломала прутик и дала им по штанам, чтобы не ходили к реке. Мария была суровая женщина, видимо, это шло по родовой. Дед Марии Ивановны Маркел ходил в сабельные атаки на Шипке, под командованием великого князя Александра – будущего императора Александра III. Великий князь набрал себе двести человек, особо крепких и мужественных бойцов из казаков. Все были бородаты. В атаки ходили в нижних белых рубахах. С палашами – длинной, почти прямой саблей весом тридцать фунтов – это двенадцать килограммов. Орудовали такой саблей одной рукой. При удачном ударе перерубали туловище человека пополам. Этот особый эскадрон направляли туда, где турки пачинали наших теснить. Они оставляли лошадей и амуницию в укрытие под охраной, которая, в случае чего, могла перегнать лошадей в другое место, чтобы не достались врагу. Этот эскадрон был создан специально для прорыва редутов и преодоления рвов и надолбов. Мало гибли сабельников в рукопашной схватке, в основном гибли от шрапнели. Направит враг пушку и чуть ли не вплотную шарахнет. Смотришь – несколько человек полегло, но так было редко, потому что эти двухметровые гиганты наводили панику на врага. Однажды отряд пошёл в очередную атаку, а великий князь так увлёкся, что его окружили с десятков кирасиров. Это

заметили Маркел и его друг Андрон, они рубились плечом к плечу и стали пробиваться на выручку к командиру - и прорубились, спасли будущего императора. В том бою Маркел был ранен в ногу. Его наградили серебряным крестом и Георгиевской лентой. Маркела списали подчистую, как инвалида, и выдали двести рублей серебром.

Вернулся Маркел в имение своего барина в Черниговской губернии. А барин свирепствует, порет крестьян на конюшне. Мать Маркела работой в гроб загнал, хотя, когда она была молоденькая, принудил её к сожительству. От этой незаконной связи и родился Маркел. Он знал кто его отец. Он приехал, огляделся, показал барину награду, и батрачить на него не собирался. Хоть уже отменили крепостное право, но барин никого на волю не отпустил и не дал никому ни клочка земли. Закон не признавал. Маркел интересовался кузнечным делом, пошёл в помощники к местному кузнецу Назару и жить устроился в его курене. У Назара была дочь Прасковья. Красавица и веселая, озорная девка сразу приглянулась Маркелу, да и она поглядывала на Маркела ласкающим взглядом. Но и ей не давал проходу барин. Однажды он преследовал её на коне. Когда она забежала в свой двор, навстречу вышел Маркел, и, увидев это, забежал в дом, а выскочил с саблей. Барин был верхом, потребовал, чтобы отдали девку, но Маркел угрожающе пошёл на них, и те ретировались. Маркелу передали, что барин обещал запороть его. Он думал несколько дней. Купил ещё одного доброго коня. Ночью поджжёт имение барина со всех четырех сторон. Прихватил Прасковью и верхом двинулись в Сибирь.

Чернигов и Киев объехали стороной, чтобы его не арестовала полиция. И так к концу лета они прибыли на Алтай в Бийский уезд. Его определили в село Новотроицк Солтонской волости. На землю Маркел стал твёрдо. Построил дом, кузницу, нанял хорошего кузнеца. Пахал, сеял и собирал урожай. У него родилось одиннадцать детей, семеро из них выросли: четыре дочери и три сына. Старший сын Иван – отец Марии Ивановны. После того, как окрепло хозяйство, Маркел занялся строительством мельниц и построил аж три на реке Пине. Одна из мельниц стояла в селе Акатьево. Когда Иван повзрослел и женился, Маркел отдал ему эту мельницу, и в Акатьево построили дом на два этажа. Низ - кирпичный, верх – рубленный. И зажил Иван безбедно. Доходы свои вкладывал в ценные бумаги; купил акции Бийской табачной фабрики, затем Барнаульской спичечной фабрики. Детей стал к грамоте приспособливать. Дочь Марию, как особенно способную, отправил в Бийскую гимназию. Перед революцией Иван стал членом золотопромышленной Сибирской компании. В городе Барнауле построил двухэтажный каменный дом, завёл прислугу.

Иван Маркелович гордился своими достижениями, но особой гордостью его была помощь односельчанам. Первое, что он сделал, построил церковь. С церковным батюшкой открыли приходскую школу. Он закупил три машинки «Зингер» и к первому сентября обшивали всех крестьянских ребятишек. Четыре дочери Ивана Маркеловича день и ночь работали портными. Из тёмно-синего шевюта шили костюмы и картузы, из бордового – девочкам платья с черными фартуками в будни и белыми - в праздники. Всё детям шилось по индивидуальной мерке и выдавалось перед первым сентября. Иван Васильевич с

особой гордостью приходил первого сентября в школу для открытия учебного года и, несмотря на то, что это был огромный и суровый человек, он умилялся, когда смотрел на строй учеников. В школе было буквально всё и даже один раз в день детей кормили обедом.

После революции рухнуло всё разом, в девятнадцатом году в их село пришли четыре красноармейца с винтовками и начали требовать лошадей. Все стали указывать на Горлачёва, мол, миросд. душегуб. Красноармейцы пришли к нему, в первую очередь застрелили собаку прямо на цепи, потом потребовали лошадей и, когда получили отказ, попросили его проводить их за околицу. Шли мирно, о чём-то беседовали, но только скрылись за бугор, все услышали выстрел. Жена Ивана Маркеловича кинулась бежать за село и увидела его лежащим ничком. Они просто застрелили его, и пошли дальше.

Прошло десяток лет. Началась коллективизация и, когда большевики разорили село окончательно, то оставшиеся крестьяне часто добром вспоминали Ивана Маркеловича и называли хозяином.

У Маркела отняли всё, что могли, выгнали из дома, дом разобрали и перевезли в Солтон. В нём до сих пор располагается военкомат. Во дворе у Маркела был срублен небольшой домик под тёсовой крышей, туда и переселили Маркела вместе со старухой, и он умер в 1957 году в возрасте 105 лет. Но он дождался и пережил смерть Сталина.

В 34-м году лето было тёплое. В огороде всё росло хорошо. Весной не было заморозков, потому в лесу наспело много ягод, но за ягодами нужно ходить со взрослыми. Если вдоль забора у кого росла дикая малина,

то её уже всю объели. Нюра с Гришей ходили вдоль заборов в поисках ягод и увидели высокое растение с серыми цветочками, попробовали на вкус: цветочки имели кисловатый приятный вкус. Они объели все цветки на этом кусту, пошли искать другой, но вдруг у Нюры закружилась голова, она взяла Гришу за руку и заторопилась домой. Дома им обоим стало плохо. Физа сбегала за мамой. Та прибежала домой, начала допытываться, что ели, оказалось, наелись белены. Мать напоила их молоком и толкала им пальцы в рот, Гришу вырвало, и он потерял сознание, а Нюра стала бредить. Вызвали врача, но никто ничего не мог сделать, её не могли удержать даже три мужика. Её связали, погрузили в телегу и повезли в Колнашево в больницу, лечили там целый месяц. В больнице она встретила свой восьмой день рождения. Главный врач больницы подарил ей тряпичную куклу с пластмассовой головой. Радости не было предела, и последствия психических приступов постепенно исчезли, не оставив следа. Дома её встретили радостно, кукла всем так понравилась, что из-за неё между сёстрами возникали ссоры, и Нюра решила подарить её маленькой Оле. Оля так и выросла с этой куклой.

В тридцать пятом году работники комендатуры заметили, что семья кулака живёт не хуже вольных, имеют корову. Каждый вечер из их дома доносились инструментальные звуки и весёлое пение, и семью направили в посёлок с ужасным названием Могильный Мыс, где всюду свирепствовал голод. Это в сорока километрах от Тогура. Корову принудили продать, но Ивану Васильевичу как-то удалось уговорить начальство забрать с собой нетель. Он сколотил плот, нанял опытного плотогона, и они вдвоём сплавились вниз по реке вместе с

тёлкой и пожитками. Там и голодней, и школа хуже. По осени Иван Васильевич сумел насшибать по кустам сена. Таскали домой волокушами. Срубят черемуховый куст, накладывают маленькую копёшечку и тащат её всей семьёй к дому, чтобы скотина зимой не пала. К весне, когда первотёлка принесла бычка, Иван Васильевич купил воз сена на сэкономленные деньги от продажи коровы. Так и перебились зиму. Жили очень трудно, голодно.

Но в тысяча девятьсот тридцать седьмом году грянула настоящая беда. Ночью пришли и арестовали отца и угнали в колпашевскую тюрьму. Всю зиму мать проходила туда, надеясь где-нибудь встретить своего Ивана. Но напрасно она ходила вокруг тюремного забора. Её мужа уже не было в живых, его расстреляли, как врага народа. Видимо, за то, что был он грамотный и умный человек и в первую мировую за храбрость получил Георгиевский крест. Или за то, что знал крестьянское дело, любил жизнь и детей своих....

Дети тяжело переживали отсутствие отца. Сначала, просыпаясь утром, они спрашивали у мамы, не пришёл ли папа? Затем, рассказывали, что видели во сне папу. Потом стали говорить о нём меньше, только Мария Ивановна украдкой вытирала слёзы, накатившие вдруг. Все тяготы жизни легли на её хрупкие плечи. Она замечала, что дети стали худеть, редко играли в подвижные игры, у них просто не хватало сил.

После ареста Ивана Васильевича Марию Ивановну пригласили в комендатуру и зачитали ей постановление, что теперь они не спецпереселенцы, а ссыльные и местом ссылки им определен вот этот посёлок Могильный Мыс. И она теперь не имела права пойти в другой посёлок и много чего не имела права, даже на переписку, хотя, когда они

были спецпереселенцами, переписки фактически не было. Много раз она писала своим старикам, но письма доходили лишь до Колпашева, там их прочитывали и мешками сжигали во дворе в железном ящике, а люди думали что-то письма не доходят.

Чем ближе к войне, тем становилось голоднее и голоднее. Начались случаи людоедства. В одной семье отца арестовали, мать осталась с тремя детьми. Старший был уже большенький и младшеньких двойня – мальчик и девочка. Им надо было идти в школу, но они не пошли. К ним пришла учительница. Мать плакала и говорила, что детей не во что одеть в школу. Как только вошла учительница, старший сразу куда-то ушёл, а на печке нагишом сидела девочка. Учительница спросила, где младший сын. Мать стала что-то городить, что ещё летом отправила его в Парабель к тётке, да вот не смогла забрать, пусть там зимует. Учительница не поверила, доложила директору школы, а директор заявил в комендатуру. На следующий день туда отправилась целая делегация. Начали допрашивать мать, сделали обыск и нашли свежеврытую землю. Откопали, а там расчленённый труп ребёнка. Стали допрашивать старшего сына, и тот признался, что они с мамкой отрезали ему голову, варили его мясо и ели. Мать арестовали и увезли в Колпашево. Там она сошла с ума. Через несколько дней забрали детей и увезли в детский дом. Там власть хоть как-то кормили детей-сирот.

Этот страшный случай дополнялся всякими деталями и подробностями, расплываясь по посёлку. Однажды Мария Ивановна сидела дома. Собрала детишек в кучу и говорит: - Я сейчас пойду на реку и утоплюсь в проруби, а вы завтра идите в комендатуру и расскажите.

Вас заберут в детдом, может, не умрёте с голоду, у нас есть некого – все худые. Дети заревели все в голос: - Не надо, мама! Мы поголодаем, но лучше будем с тобой! Заплакала даже маленькая Оленька. Все плачут и она тоже. Марии Ивановне это придало сил, и она просто отчаянно боролась за выживание. Она, вспомнив навыки, когда пришлось шить форму школьникам, подумала, а почему бы не попробовать?

Первый заказ она просто выпросила. По улице шла жена начальника комендатуры, на ней было осеннее пальто, явно великоватое. Мария Ивановна осмелев, подошла к ней и сказала, что на ней плохо сидит пальто, и что она могла бы его подогнать. Та поглядела с удивлением и велела придти к ним вечером. Вечером Мария собралась, поглядела на голодные глаза детей, перекрестилась и пошла. Заказчица не дала ей унести пальто с собой, а потребовала, чтобы перешивала тут при ней. Домой Мария Ивановна вернулась далеко за полночь. Дети все спали. Она присела к печке, подкинула дров и пошла голодная спать. Зато у неё в шкафу лежала булка хлеба и два больших куска сахара.

Утром её разбудил шёпот. Она приподняла голову и увидела такую картину: на столе лежал хлеб и сахар, а вокруг столпились её дети и спорили, на сколько дней им это поделить. Печка уже топилась, на печи шумел чайник. Мать поднялась, разрежала на шесть частей булку хлеба, исколола мелко один кусок сахара, принесла из заначки пачку фруктового чая и сказала: - Заваривайте чай, пейте с сахаром, и хлеб можете съесть, сегодня я принесу ещё. Дети перестали шептаться и зашумели, закричали. Мать стукнула ладонью по столу и все стихли, только слышно было почмокивание и пошвыркивание.

С первым заказом Мария Ивановна справилась блестяще. Жена начальника комендатуры вертелась перед мужем, демонстрируя ему пальто. Он сказал, что она выглядит очень стройной, и что ей не мешало бы перешить некоторые платья. Работа закипела. У кого-то нашлись старые выкройки, кто-то подарил портняжный метр, нашлись и хорошие ножницы. Эту зиму Мария Ивановна обшивала жён работников комендатуры, а весной ей помогли устроиться на льнозавод. Ей платили сто девяносто рублей. Булка хлеба стоила три пятьдесят. Но если есть приработок, то уже как-то можно жить.

Весной отелилась корова – жить стало веселее, но отсутствие отца повергало их в уныние. Умел Иван Васильевич создавать даже и здесь праздничную атмосферу. Особенно без отца страдал Гришка, ему было уже десять лет. Мальчишки его обижали, называя то врагом, то капустником. Гришка убегал за угол школы и, обливаясь слезами, бормотал, как молитву: «Папа, папочка, помоги мне, если бы ты только знал, как мне плохо. Возвращайся домой, помоги нам, мы тебя ждём и любим». Наплакавшись, он приходил на урок с опозданием. Учительница замечала, что у него глаза красные и говорила: - Ничего, Лайков, ты умнее всех и твои обидчики ещё будут тебе завидовать. Она не смогла заступаться за него открыто, могли не так понять. Гриша учился на отлично, уроки всегда знал назубок. Хорошо рисовал, знал много стихов наизусть и поражал всех своей эрудицией. Только мужским навыкам научить было некому. Физически он рос слабым и не складным, вытянулся выше всех, а грудь узкая, руки тоненькие. На гурнике не мог подтянуться, зато бегал быстро, кому надо сделать два шага, а ему шаг, и сопротивления ветра

небольшое. Ему дали обидную кличку «Оглобля», и он ничего не мог возразить и никого побить, потому что драться совершенно не умел. Мать другой раз говорила: - Ничего, Гришка, оглобля тоже вещь полезная, главное, ты им всем учёбой докажи. Так и рос Григорий в будущем Иванович, как прутик в тесных зарослях.

На Могильном Мысу создали колхоз. Собрали кое-какой сельхозинвентарь. Вокруг посёлка находилось несколько десятков гектар земли, покосы-корчёвки. Всё это колхоз объявил своей собственностью. Частникам негде было пасти своих бурёнок, и пасли они на верёвках вдоль дорог да по кустам. Коров начинали выпускать, когда ещё не совсем стает снег, и коровы блукали вдоль заборов, обгрызая прошлогодний бурьян, да на дороге вытаивал упавший зимой с воза клочок сена.

Недалеко от Лайковых жила семья Витюговых. Они были местными. Хозяин считался хорошим охотником. Даже строение тела у него было настоящего охотника: короткое туловище на длинных мощных ногах напоминало гепарда. Он мог часами бежать на лыжах. У раненного зверья не оставалось шансов уйти от преследования. Охотился Витюгов на все виды зверя: соболь, белка, куница, рысь, лиса и даже медведь. Но самой хитрой и коварной была россомаха. Он за всю жизнь взял только две. Однажды он добыл крупного медведя. Шкура понравилась начальнику районного ГПУ, но охотник подарил её директору школы. Тот затаил злобу и хотел арестовать Витюгова, как врага, но кто-то шепнул ему, и тот, взяв побольше боеприпасов и соли, ушел в тайгу. Два года пришлось ему скрываться. Шкуры сдавал то в одной, то в другой заготконторе, а деньги семье присылал со

знакомыми. Через два года сменили начальника, и Витюгова оставили в покое. У них было семь детей.

Они держали корову. Однажды по весне они выпустили её побродить, пошибать где, что найдёт. Она забралась в чей-то огород и пристроилась к стожку. Хозяин оказался злым мужиком и рубанул корову по боку. Корова домой притащила волоком кишки. Вся семья Витюговых ревела на весь посёлок. Лишиться кормилицы в такое трудное время – это смерти подобно. Витюгов зарезал корову, мясо съели, подрастала тёлочка. Верили: хоть на следующий год опять будет корова, а тому, кто порубил корову, Витюгов надежды не оставил.

Встретил однажды его на реке, оба были на обласках. Витюгов – мужик сильный, пробил противнику багром грудь и пустил того на дно рыб кормить, а обласок обложил дровами сжёт. Искали того мужика всей деревней. Было подозрение, что это дело рук Витюгова, но никаких улик не нашли. Как говорится, «концы в воду». Витюгов спокойно дожил до войны. Когда началась война, он позвал сыновей. У него было четыре сына. Старшему – семнадцать, второму – шестнадцать, третьему – четырнадцать. Потом шли три девочки и младшему – четыре года. Отец распорядился так: «Раньше положенного в добровольцы никто не идёт. Будете промышлять охотой. Через год на фронт пойдёт Андрей. Ружьё отдаст Витьке, потом пойдёт Витька, ружьё отдаст Стёпке, а там, глядишь, и война кончится. Дома работать не ленитесь, берегите мать. А пуце всего берегите ружьё – оно накормит и напоит. Кое-чему я вас уже научил, остальное сами догадаетесь. Приду с войны, спрошу с каждого строго». Больше он ничего не говорил. На другой день собрал вещьменок и пошёл.

Воевал, как надо. Сразу сам в снайперы попросился. Сколько врагов положил – счёт потерял, а вот особенной гордостью были снайперски дуэли.

Победы отмечались зарубками на прикладе, всего одиннадцать штук. Ведь каждая могла стать последней, но он – настоящий охотник, да ещё и сибиряк. Это, как фирменный знак. Ранение получил одно: в ухо на вылет. Ухо зажило, но как-то скукожилось, как некачественный вареник, зато весь цел и невредим. После ранения его сразу демобилизовали, чуть ли не первым эшеленом отправили домой. Молодые поехали через всю страну бить японцев, а Витюгову уже сорок пять исполнилось – человек уставший. От Томска до дома добирался на перекладных – где пешком, где бегом, редко кто на лошадке подвезёт. Подходя к Тогуру, тянул носом воздух, как охотничья собака. Вот она родная сторонка! Кому – ссылка, кому – колыбель.

Дома его встретила тяжёлая картина – жена больная лежит. Старший сын, как и наказывал отец, пошёл на фронт на другой год, но через три месяца уже пришла похоронка. В сорок третьем пошёл второй и пропал без вести. Третий сын подхватил охотничье дело, да провалился в речку и сильно простудился. Теперь дома кое-как теленает – чахотка его изводит. Одна из трех дочерей умерла непонятно от чего. Вот так война разобралась с его семьёй.

У Лайковых тоже жизнь не лучше Витюговых. В тридцать девятом году заболела Лида, начала быстро худеть. Слегла и мать. Она работала на льнозаводе, и из-за постоянной пыли у неё заболело горло. Освобождений не давали, и ей становилось всё хуже и хуже. Однажды утром она не поднялась, стала задыхаться. Пришёл врач,

посоветовал мёд с маслом растапливать и поить. Девчонки обошли весь посёлок, достали мёд, сбили масла своего и поили мать с ложечки. Поставили на ноги. Если бы не корова, остались бы сиротами.

Летом того года Нюре досталось всё время пасти корову. Лида болела. С Физой начались какие-то странные дела: то она сутками плачет, то может по нескольку дней не вставать с кровати и лежит, отвернувшись к стенке. Она старшая, больше всех переживала за отца, за маму, вот психика её и не выдержала, дала надлом. Нюре мама сказала: «Будешь пасти корову, на тебя вся надежда». Одну корову пасти – не великий труд, но каждое утро надо вставать рано и весь день никуда не убежишь. Корова привязана на верёвке, и Нюра привязана к ней. Корова сильная, идёт туда, куда хочет - где лучше трава. Так и болталась сзади на верёвке. Но это ещё не беда. Беда начиналась, когда стаи оводов кружили над коровой, кусают они ведь не только корову, но и Нюру. Весь день отмахивалась она от них, а когда жарко и корову одолевает стая паутов, слепней и комаров – корова прёт в кусты или в воду, и бедный пастушок бегаёт за ней, ветки по лицу хлещут. А когда весь день идёт дождь и некуда укрыться – ещё хуже. Была бы хоть одежонка хорошая: сапоги да плащ, а то ведь нет ничего. Весь день Нюра пряталась то под одним кустом, то под другим, а корова поволокёт, и с куста вода, как с ушата на неё. В такие дни она приходила вся синяя, зуб на зуб не попадал. Специально для неё затопляли печь, и она, согревшись, моментально засыпала, даже не поев. Просыпалась ночью и просила у мамы поесть. Мама зажигала свечку и кормила дочь: одна картофелина, сто граммов хлеба и кружка молока – всё, что она могла дать. Нюра съедала всё и снова засыпала, а

как только начинало светать – опять подъём. И так каждый день. Для девочки в тринадцать лет это было тяжким испытанием. Днём к ней приходил брат Гриша, и становилось веселее. Хотя она не страдала от одиночества: почти всё лето с ней на пару пасла свою корову подружка Морька. Но с ней их разлучил страшный случай.

С Морькой они учились в одном классе. Их семью послали на ссылку своим ходом. Отца звали Ефлан, фамилия Власов. Жили они в том же Нарыме, только южнее, в селе Кривошеино. Этот род, как и род Кривошеиных, являлись родоначальниками этого села. Власовы были глубоко верующими людьми и придерживались старообрядчества, за что и преследовались всеми властями. Ефлан был хороший кузнец. Знал себе цену, держался независимо. Несколько лет его гнули и ломали, загоняли в колхоз, но он никак не сдавался. Держал собственную кузницу и даже имел коня. В тридцать седьмом, когда начались поварные аресты, с ним поступили весьма оригинально. Пришли из НКВД и сельсовета, вышвырнули из дома все вещи, иконы. Дом заколотили и предупредили: «Если откроете – расстреляем», Кузница была в конце огорода. Её обложили соломой и подожгли, правда, разрешили Ефлану взять некоторые инструменты. Дали Ефлану расписаться в листке, где его семье было определено место ссылки – Могильный Мыс. И предупредили, что если они не уедут из села в течение трёх суток, то он будет арестован. Два часа хватило, чтобы разрушить годами налаженный семейный быт и растоптать людей, как личностей. Уходили раскулачивавшие через ворота, повели корову на верёвке, погнали десяток овец и десяток гусей. Ефлан

смотрел им вслед и думал: «Вот кто настоящие враги народа, а они нас врагами нарекли».

Не решился Ефлан со смертью в бирюльки играть. Сразу же на другой день собрал самое необходимое. Погрузил на телегу. Запряг лошадь, сзади привязал на верёвку тёлку и в ночь, чтобы никто не видел, подался, помолясь, в путь. Лошадь везла пожитки, а сами четверо шли пешком. Старший у Ефлана сын, ему шестнадцать лет, дочке – одиннадцать. Сам Ефлан – блондин могучего телосложения, а жена чёрненькая, стройная, проворная женщина. И дети у них пополам, поровну: сын Пронька красивый и крепкий паренёк, весь в отца, а дочка смугленькая, но красоты неопишуемой. Только имя ей отец дал неказистое – Морька.

Дорога шла до Молчаново. Дальше вдоль Оби дошли до посёлка Могочин, который располагался на другом берегу реки. Пришлось переплываться на пароме, который толкал катер-газоход. От Могочина дорога повела на Колпашево. Так семья Власовых, не спеша, за полмесяца добралась до Могильного Мыса. Отец сразу пошёл в колхоз, им дали две комнаты в общежитии. А уже на следующий год отец сдал в колхоз лошадь и жеребёнка, и им выделили отдельный дом. Ефлана сразу зауважали за мастерство. Инструменты он привёз с собой, а кузню построили по плану кузнеца. Жили они не голодно, трудились. По вечерам молились. Казалось, всё будет так всегда, но грянула беда.

Шюра, как всегда, вела на верёвке корову и направилась за посёлок. Там её уже поджидала Морька. День обещал быть погожим. Стоял август, гнуса стало меньше, и коровы пасутся спокойнее. Морька напевала какую-то песню. Она вообще часто пела и говорила, что

обязательно будет артисткой. Ей верили, потому что она необычайно красива, и в её жестах угадывалась какая-то величавость. Мальчишки называли её принцессой. Как-то незаметно пролетело полдня. Девчонки захотели есть. Им бы надо было перекусить поочерёдно, но они решили сбегать одновременно. Коров привязали. Нюра пришла домой. Обед для неё был на столе, накрытый полотенцем. Мама сварила молодой картошки, в чашке лежали малосольные огурцы. В льняной тряпочке был завёрнут кусок хлеба, в крынке простокваша. Нюра быстро поела, прибрал со стола, побежала туда, где договорились встретиться с Морькой. Морька тоже появилась быстро, она принесла подружке кусок жареной рыбы, завёрнутый в бумагу, и рассказала, что за то, что её папа отковал уключину к новой лодке какому-то рыбаку, тот принёс рыбку ростом с неё. У забора лежало старое бревно. Нюра присела и ела рыбу, ей казалось, что такой вкусотищи она ещё не пробовала. Управившись с лакомым куском, Нюра поднялась, и они пошли туда, где паслись коровы. Ещё не доходя, заметили, что Морькина корова завалилась в ложке кверху копытами, а её напарница как-то тревожно мычала. Подбежали и поняли: корова запуталась в верёвке, стала биться и запуталась ещё больше. Верёвка перехлестнула ей горло и так натянулась, что корова хрипела и билась в конвульсиях. Распутать её сами девчонки не смогут, надо звать взрослых, и Морька со всех ног побежала за отцом, а Нюра отошла подальше. она не могла смотреть, как погибает животное. Вскоре прибежали отец и его помощник – молотобоец. Но корова уже не билась, по телу лишь пробежали редкие судороги. Отец перерезал верёвку, распутал корову, достал из-за голянки нож и дорезал корову. Кровь долго вытекала из

раны. Морька стояла в сторонке с глазами полными ужаса, она чувствовала свою страшную вину. От переживаний её бил озноб. Отец повернулся к дочери и вдруг грозно так замахнулся верёвкой, потом растянул петлю и накинул её на шею дочери. Морька упала в обморок. Отец, спохватившись, снял петлю, отбросил верёвку в сторону и начал приводить дочку в чувства, но она не приходила в сознание. Он сгрёб её на руки и понёс домой, навстречу уже бежали мать и брат. Отец дал команду сыну, чтобы он с молотобойцем ободрал корову, пообещав, что придёт и сам. Сам он не пришёл, потому что дочь не приходила в сознание. Нашлись ещё помощники. Корову разделали, и мясо привезли домой. Ефлан вышел на крыльцо, мужики топтались в ограде, и скомандовал: «Берите, мужики, мяса кто сколько хочет». А Проньке велел одну заднюю ляжку изрезать и в бочке засолить. А сам опять пошёл домой. Дочь очнулась на другой день, лицо её перекосило, правая рука и нога висели безжизненно. Ефлан стоял перед её кроватью на коленях три дня, а дочь лежала и бессмысленными глазами смотрела в потолок. Ефлан клал голову на кровать и гладил дочь: лицо, её холодную ручку и голову и всё просил у неё прощения. Через три дня он встал, но опять рухнул, отказали онемевшие ноги. Он потирал ноги, поднялся с каким-то очумелым взглядом и вдруг, как заревёт голосом его давних предков. Потом начал срывать образа со стен и швырять их через порог. Он их колот топором, топтал ногами, и ему казалось, что лики святых кривляются и строят ему безобразные гримасы. Жена, перепугавшись насмерть, побежала в школу за сыном. Ефлан, расправившись с иконами, собрал осколки от них, сложил в печь и поджёг, а сам снял верёвку со стены, пошёл в сарай и повесился. Он считал,

что Бог его предал и несправедливо обошёлся с его дочерью. Жена и сын поспешили домой и обратили внимание, что из трубы идёт дым. Зашли в дом. Тихо. Только в печи догорают угольки. Пронька заметил, что дверь в сарай открыта, он зашёл туда и отпрянул назад. Отец висел на той же верёвке, на которой задавилась корова. У отца помутился рассудок, он отверг Бога, и сам пошёл на страшный суд.

Осенью брата забрали в армию. Морька осталась с матерью. Она уже понемногу ходила, хотя рука висела, как плеть, а из перекошенного рта постоянно текла слюна. В школу она уже не пошла, говорила разумно, но плохо. На следующий год поздней осенью соседи обратили внимание, что у них уже несколько дней не идёт дым из трубы. Пошли проверить и увидели страшную картину: на кровати лежала дочь, а на коленях у кровати стояла мать, положив голову дочери на грудь. Обе были мертвы. Только кот на печи орал бешеным голосом от холода и голода. Их похоронили в одной могиле в стороне от основного кладбища, рядом с могилой отца. Два староверческих креста сиротливо стояли в тени огромной ветлы. Пронька служил в армии, потом началась война, и кто знает, как сложилась его судьба. Может, он погиб на фронте, а может, жив и сейчас.

Нюра тяжело пережила потерю подруги. Она уже не так часто улыбалась, и её задорный смех слышался реже, чем раньше. Брат Гриша любил слушать и смотреть на неё, когда она смеётся, запрокинув голову, и старался её развеселить. Но ушло беззаботное детство, наступала тревожная юность.

В сороковом году Марии удалось уговорить коменданта переехать сй с детьми в Тогур. Работать на

льнозаводе она не могла по состоянию здоровья. Дочь Лида угасала, у Физы начались психические расстройства. И как-то надо кормить семью. Им разрешили переехать. В Тогуре организовали швейную фабрику, шили обмундирование для армии. Мария Ивановна пошла работать, а Физа и Лида пошли в последний класс. Нюра - в седьмой. Её посадили за одну парту с мальчишкой, которого звали Вилька, фамилия Липатов. Это много позже она узнает, что тот стал писателем. А пока он был не таким как все, никогда ни над кем не подсмеивался, был добрый и какой-то не по-детски задумчивый. Когда они закончили седьмой класс и успешно сдали экзамены, он пригласил весь класс к себе в гости, и его мама накормила всех пирогами. Вилька сам не ел, а только угощал и подливал чай. В восьмом классе первого сентября классный руководитель спросила: «Липатов, с кем бы ты хотел сидеть?» - он обернувшись, нашёл Нюру глазами и показал пальцем. Учительница кивнула головой и сказала: - Хорошо, только пальцем на человека нельзя показывать. Садитесь за первую парту. Так они три года просидели за одной партой.

В сорок первом, в начале июня, Лида уже умирала. Ей не было страшно, она только говорила: «Жалко, что я не дождалась возвращения паны. Что вы ему скажете, когда он вернётся? Скажите ему, что я уехала учиться, чтобы он не волновался». Она шептала своими бесцветными губами стихи и тот, кто был рядом, всё записывал. После смерти её стихи читали и все плакали. Думали, умерла сестра, а с ней умер и талант. Но это обязательно в ком-нибудь возродится и разовьётся. Тринадцатого июня она начала бредить, а четырнадцатого вдруг очнулась. Взор её был ясный, ясный. Она сказала,

что ей стало легче, и что если ей дадут клубничного варенья, то она обязательно выздоровеет. Нюра взяла с собой Гришу, и они пошли по знакомым, но, ни у кого не было клубничного варенья. Тогда они решились зайти к начальнику продбазы, у которых Нюра по выходным была в няньках.

У них было два сына: старшему семь лет, а младшему - два года, и ей приходилось нянчиться с обоими. Только старший имел привычку бить её, чем попало. Она терпела долго. Однажды он запустил в неё стаканом и разбил голову. Она взяла ремень, отхлестала его, как следует и ушла. Больше она к ним не ходила, но считала, что они ей что-то должны, и потому они с Гришей пришли в этот дом и стояли, робко переминались у порога. Вышел пузатый хозяин и грубо спросил: - Что вам надо? Нюра сказала: - У нас сестра Лида умирает, хочет клубничного варенья. Заведующий базой заухмылялся: - Избила моего сына и ещё пришла клянчить? На что Нюра сказала: - Он мне стаканом голову разбил! Хозяин наступал на них и грозно заорал: - Вы – дети врага народа, вас нужно уничтожать, даже ребёнок это знает! Идите отсюда! А ваша сестра и так сдохнет, без варенья! Нюру захлестнули слёзы, она выскочила, за ней выбежал и Гриша. Он начал её успокаивать, чтобы она не плакала, но она не могла удержать слёз, было такое чувство, что кто-то залез в душу и потоптался там грязным сапогами. Они ещё походили по улицам и вернулись ни с чем, а сестра была уже мертва. Это случилось четырнадцатого июня тысяча девятьсот сорок первого года, а ровно через неделю началась война.

Война привела этих несчастных, растоптанных властью людей, вообще в состояние безысходности, когда

у людей каждый день – это борьба за выживание, и, кажется, что во время борьбы отняли последние возможности выжить. До войны в Тогур провели радио, но оно было не во всех домах, а в центре, на почте, в сельсовете и в школе. Когда началась война, в центре на столбе повесили большой радиодинамик, и люди собирались, чтобы послушать сообщение Совинформбюро. Вести были нерадостные до декабря месяца, а в декабре наши всё же дали врагу такую баню под Москвой, что фашисты отступили. Это как-то воодушевило всех, люди стали работать вдвойне, втройне самоотверженней. Это было массовое самопожертвование. Мужиков позабрали всех на фронт и из комендатур тоже потребовались кадры. Для выявления неблагонадёжных, заградотрядов, расстрела трусов. Репрессивный аппарат немного ослабил пресс ссыльных. Их детей стали призывать на фронт. Многие заканчивали школы и шли учиться дальше, хотя не везде принимали детей врагов народа.

Нюра, после окончания девяти классов, поехала в Томск и сдала документы в лесотехнический техникум. На другой день пришла на первый экзамен, по ей велели зайти в приёмную комиссию. Там секретарь без обиняков заявила: - У нас такой техникум. Мы сюда детей врагов не берём. Нюра дрожащей рукой взяла документы из рук этой улыбающейся женщины и на ватных ногах вышла на улицу. Там остановилась и поглядела, все ли документы на месте. На анкете в строке о родителях она написала папа арестован. Кто-то эту строку жирно подчеркнул красным карандашом. Много позже она узнала, что там училась её одна знакомая, у неё тоже отец был арестован, но она в анкете этого не указала и даже вступила в комсомол. Оказывается, никто не сверялся в ИКВД, и это могли

узнать случайно, а могли так и не узнать, но дети были запуганы и сами писали правду, которая выходила им боком.

Нюра ни с чем вернулась домой, а осенью набирали в Западно-Сибирское речное пароходство на курсы «Управление речным транспортом от двадцати до двух тысяч тонн». Кроме стипендии им давали паёк от пароходства, которое находилось на военном положении. Учились в Колпашево. Набрали всего две группы; учились и жили в одном здании. Педагоги тоже жили здесь, потому что они сами были из Новосибирска, из речного училища.

Весной, получив корочки на право управления плавсредствами, Нюра направилась в Томск, где её приняли на работу в качестве шкипера на малотоннажные суда, которые ходили по малым рекам - Васюган, Парабель, Кеть, Чая, Чулым, Шегарка. Эти реки – все притоки Оби. По рекам, на удобных местах располагались посёлки. Везде были колхозы и леспромхозы, которые занимались разного рода деятельностью. В колхозе выращивали рожь, овёс, ячмень, просо, лён, коноплю. Из льняных и конопляных семян давили масло, лён теребили, коноплю разбивали и вили верёвки. Также в колхозах держали скот и готовили сыр, масло. В реках водилось много рыбы, её ловили, солили в бочках и отправляли. В леспромхозах гнали дёготь, пихтовое масло, собирали живицу для химической промышленности – занимались буквально всем и лозунг был один: «Всё для фронта, всё для победы!»

В каждом посёлке работал приёмосдатчик от пароходства. Он принимал всё от колхозов и других организаций, а так же от частных лиц, вплоть до шкур - у охотников. Приёмосдатчики от голода не страдали. У

них на складах находились: мука, сахар, соль, папиросы, охотничьи ружья, порох, дробь, капканы, вязкий и капроновый шнур для рыболовных снастей, крючки, якоря, блёсны. У хорошего приёмодатчика было всё, если умел ладить с начальством и угодить людям. Вывозилось всё это добро на малых судах в Колпашево или Томск. Каниган судна брал груз себе в подотчёт, и, если при сдаче чего не хватало, его ожидала тюрьма.

Шёл сорок третий год. Год тяжелейший, год переломный. Стояла весна. Нюра получила приказ, продуктовые карточки, спецовку. Спецовка – это не форма речника, туда входили: комбинезон, какие давали трактористам, кирзовые сапоги и телогрейка. Она пришла на пристань на своё судно и была весьма разочарована. Оказалась двадцатитонная баржа с рулём на длинном шесте – называется паузок. Когда катер тянет баржу, её сносит течением, и поэтому на барже тоже нужно подруливать и отвечать за груз. Баржа крытая с трюмом. Весь груз находился в трюме. У рулевого не было никакого мостика, он хоть в дождь, хоть в жару всегда стоял на открытой палубе. Ей дали матроса. Вдвоём они покрасили баржу в чёрный цвет и отвели ватерлинию. В первый рейс их паузок ^мнагрузил солью – для посёлков по реке Шегарке. Катер притащил их в устье и бросил на широком плёсе, а сам ушёл снимать какой-то пароход с мели. Три дня они просидели голодом, потом матрос насыпал в мешок соли и подался в ближайший посёлок менять на продукты. Принёс картошки, хлеба и даже яиц – ждатель стало легче. Через неделю вернулся катер, и они двинулись вверх по Шегарке. Сначала катер проходил сам, промерял дно, а баржа в это время кидала якорь, потом катер возвращался и доводил баржу по разведанному

руслу. В общем, ползли на ощупь. Рейс оказался тяжёлым ещё потому, что был май месяц, а в Нарыме в мае случаются и снегопады, ночи очень холодные, вещей тёплых нет. На катере ещё можно согреться в трюме, в моторном отсеке, а на барже – нигде. Так с трудностями, в нечеловеческих условиях наша героиня становилась профессионалом в своём деле. И было ей семнадцать лет.

Заканчивалось холодное нарымское лето. На Оби бакенщики уже снимали обстановку. Вдруг в пароходство поступил приказ: идти в последний рейс, забрать хлеб вверх по Чае в посёлке Подгорном. До устья Чаи их дотянул пароход «Товарищ» и оставил, а сам пошёл выше по Оби до посёлка Каргасок, забрать студентов, которых забросили на лето строить конюшни и забыли про них. Они голодные, в летней одежонке, вот пароход должен их забрать и доставить в Томск. Нюра с матросом на паузке дождались катер-газоход и пошли на Подгорное. Целый день их загружали в Подгорном, а катер зачем-то ушёл в устье Чаи. Паузок должен был сплавиться по течению в устье, но в ночь ударил мороз, и паузок обмёрз льдом. Весь плёс захватило, сделать уже ничего было нельзя. В Подгорном не было телефона, и Нюра собралась идти пешком в Молчаново. Следовало сообщить начальству и узнать, что делать? Дорога лежала через лес. Справа и слева - сплошная тайга и никакого жилья.

Нюра пошла быстро и километров пятнадцать шла ходко. Ни попутно, ни навстречу никакого движения. Дорога подмёрзла, и видна, перед этим шёл трактор, была вся разбита гусеницами. Идти приходится обочиной, где стояла сухая трава и мелкий, как щётка, кустарник. Шла тяжело. Но она шла и шла. На болотистых местах была накатана лежнёвка из тонкого леса. Через ручьи - поперёк

несколько хлыстов и на них накатник – лесина к лесине. В одном месте попался большой ручей, через него был построен мост. Всё скреплено металлическими скобами. К концу дня Нюра прошла полпути. Её удивило и обрадовало, когда навстречу вдруг выскочили две лайки и сопровождали до избушки, которая стояла на чистом взгорке. Избушка была обнесена изгородью из жердей. Причём, изгородь очень высокая и довольно частая - и зверью не пролезть. В избушке жила старуха, но взгляд у неё был ясный и какой-то сверлящий. Нюра попросилась переночевать. Старуха кивнула и без слов дала поесть. Каша и козье молоко придали сил и бодрости. Нюра заговорила с хозяйкой: - Как вы тут одна живёте? Та посмотрела на неё и ответила: - Я не одна, у меня собаки, козы, да вон ещё кот с кошкой. Мне с ними весело. У меня ружьё есть, если волк или медведь шастанут, я выйду, выстрелю – уходят. Спать легла хозяйка на высокую кровать, а Нюре вслепела лезть на полати – там теплее. Действительно, на полатях было тепло и пахло травами, которые были развешаны пучками по стенам. После такой дороги она моментально заснула, но ночью неожиданно проснулась, её что-то беспокоило. В тёмной хате появилось какое-то свечение, и в воздух начали взлетать разные предметы: ковш, кастрюли, ложки, чашки, потом полетел лук, и всё это закружилось в бешеном ритме. Кот и кошка стали орать и прыгать то на стол, то на печь. Нюра присмотрелась по углам, хозяйки нигде не было видно, у неё волосы поднялись дыбом. Но вот скринула дверь, на пороге появилась хозяйка, глаза её горели зелёным цветом. Она вдруг хлопнула в ладони, и все предметы приземлились туда, откуда взлетели. Потом она разделась и легла на кровать в длинной белой рубахе, закрыла глаза, и махнула

рукой в сторону Нюры и сказала: - «А ты спи» - и Нюра вновь заснула. Утром хозяйка ходила по хате, как ни в чём не бывало. Накормила гостью, вышла на улицу её провожать. Нюра спросила: «А что это было ночью?» На что хозяйка отвела в сторону глаза и переспросила: А что было? Нюра помялась и добавила: - Лук летал. Старуха сказал: - А.... лук. Надо же его проветривать. А то загниёт и начнёт прорастать. Нюра поблагодарила хозяйку, сказала «до свидания» и двинулась в путь.

Земля подмёрзла, под ногами похрустывала трава. С утра со свежими силами она шла быстро, но через некоторое время спиной почувствовала чей-то взгляд. Она резко обернулась. И о, ужас! Метрах в пятидесяти за ней

шли два здоровых серых волка. Они остановились и сели на дорогу. Её парализовал страх, и она не могла сдвинуться с места. И волки не делали никаких движений. Когда прошёл первый испуг, и она стала способна рассуждать, она подумала: «А что они не нападают?» Ещё постояла и потихонечку пошла. Она не стала оборачиваться, хотя по спине бегал холодок. Она думала: «Вот сейчас они накинутся и начнут рвать её. Хорошо бы скорес, а то страшно», но никто сзади не нападал. Она шла и шла. Впереди дорога пошла на подъём. Она подняла голову: наверху, на самом бугре сидели два волка. Нюра обернулась – сзади никого не было, значит, это те. Она остановилась, постояла, постояла. Делать нечего, не пойдёшь ведь назад. И пошла вперёд. Волки сидели и смотрели на неё. Она подошла так близко, что даже видно было их жёлтые глаза. Нюра остановилась и крикнула им: «Пошли!» - и махнула на них рукой, они встали и побежали рысцой вперёд. Нюра пошла дальше. Поднялась на самый бугор, а волки исчезли. Никого впереди не было, она обернулась и даже обрадовалась – они опять шли позади. Нюра совсем успокоилась и подумала: «Наверное, они сыты и есть меня им не хочется. Я худая, чего во мне есть?» Ей стало совсем спокойно с такой охраной, и она шла ходко, не чувствуя усталости. Но вдруг впереди появилась стая волков, они вели себя совсем по-другому. Скалились, поджимали под себя хвосты, покусывали друг друга. Нюра испугалась, пошла медленнее, но вдруг её сопровождающие ринулись вперёд, обогнали Нюру слева и справа, она даже слышала их дыхание. И как только они приблизились к стае, те сразу убежали в лес. Нюра пошла дальше и всё оборачивалась. Дело шло к вечеру. Её сопровождающие опять находились сзади, и, как только

показались крайние дома посёлка, они исчезли. Шли годы, и она часто вспоминала, что это было? Настоящие волки, если бы даже были сытые, всё равно бы разорвали просто так, потому что они хищники. В детстве она видела картину «Иван Царевич на сером волке», и эти два волка были огромные, шерсть на них аж блестела, точь-в-точь, как на картине. На этом отрезке пути они ей помогли, чтобы она прожила длинную жизнь.

Она пришла в Молчаново, нашла ночлег, а утром по телефону ей сказали, чтобы дождалась своего паузка, катер пойдёт, пробьёт лёд и заберёт паузок, а здесь по Оби пароход будет возвращаться и подхватит их на буксир. Через сутки потеплело, весь лёд ушёл шугой, а ещё через сутки к причалу подошёл катер с её паузком. Трое суток дожидались парохода, но кое-как дождались. Паузок он взял на буксир до Томска, а газоход вернулся в Колпашево. Эту зиму её паузок остался в Томске, а её отправили на грузовой машине в Колпашево. С поломками, кое-как за два дня доехали.

В то время все плавсредства - либо газоходы, либо с паровыми двигателями. Газовый двигатель работал на дровах, пилились газочурочки по двадцать сантиметров и постоянно на ходу подбрасывались в топку. Газоходы были винтовые, а пароходы - лопастные. С обеих сторон парохода крутились два огромных колеса с лопастями, которые до половины находилось в воде, и лопастями отталкивались от воды, и судно плыло. Дизелями оснащались морские корабли. Но перед самой войной уже выпускались дизельные катера, однако их было ещё очень мало. Для газоходов и пароходов все работники пароходства в зимнее время готовили в лесу дрова, вывозили на пристань, пилили по размеру, кололи и

складывали в штабеля, весь лес принимали приёмосдатчики. С начала зимы Нюра готовила лес наравне с мужиками. Но среди зимы она сломала ногу, и со сломанной ногой её отправили учиться на приёмосдатчика. Нога срослась неровно. Ходила она кое-как, но время было военное. Весной сорок четвёртого года только сошёл снег, её отправили в посёлок Максимкин Яр. Это двести пятьдесят километров от Колпашево вверх по *Кета* Оби. Там приёмосдатчик сбежал. Вот и пришлось Нюре дикими берегами пробираться в такую даль пешком. Шла от села к селу. На палке узелок с продпайком, в кармане приказ о назначении. До Белого Яра дошла ещё ничего: где на лошадке подвезут, где на тракторных санях. Ночевала у людей. Бедность везде страшная, голод. В Белом Яре ночевала у начальника пристани. У него шестеро детей - голодные, худые, одни только косточки торчат. Нюра подумала о брате Грише и сестре Оле, со слезами на глазах развязала свой узел и отдала свою булку хлеба. Утром чуть свет соскочила, и чтобы не видеть голодных ребятишек, собралась в дорогу. Начальник пристани вышел проводить. Рассказал, что там берега болотистые, гляди в оба, а то провалишься, и некому будет вытащить. Но снег уже стаял, а болото ещё промерзлое, и как-то обошлось, но опять появились волки.

Весной они голодные и злые. Её окружила стая, но она успела залезть на берёзу. Метра три от земли у берёзы отрос большой сук. Она сидела на суку, а внизу - волки ждут, когда она уснёт и свалится оттуда. Сначала они прыгали. Прыгали высоко метра на два и щёлкали в воздухе зубами. Нюра, чтобы не упасть, привязалась к дереву верёвкой. Дальновидный начальник пристани дал ей кусок метра два, и она пригодилась. Так она всю ночь

просидела на дереве, то задремлет, то проснётся, а волки всю ночь кружились в ожидании добычи. Нюра разобралась кто у них вожак. Одна волчица была с большими сосками, видимо, кормила щенят. Они выли, устраивали между собой драки, некоторые куда-то убегали и снова возвращались. Утром у Нюры затекли руки и ноги. Она достала из узелка хлеб и стала есть, волки аж взбесились и принялись прыгать, один даже клацнул зубами возле самой ноги. Вдруг где-то недалеко раздался выстрел. Волки сразу убежали, и на дороге появились два человека верхами. Это были охотники. Нюра стала кричать, они подъехали к ней, спросили, как она здесь оказалась, сняли с дерева и один посадил её позади себя. Ехали так километров десять, пока не доехали до маленького поселка. Это были сын с отцом. Ночлег ей определили у своей тетки. Она накормила Нюру мясом лося, рыбой. У неё была даже квашеная капуста. За полдня и ночь Нюра отдохнула и собралась идти, но хозяйка сказала: - Ты что, сдурела, что ли, да тебя волки сожрут, или росомаха - это еще страшней. Сходила к охотникам и вскоре вернулась: - Тебя до следующего поселка проводит Федька на коне, а там те пусть дальше проводят, глядишь и доберёшься целёхонькая. Тебе ещё жить да жить, а ты к волку в пасть. Через некоторое время подъехал на лошади Федька и привел в поводу ещё одну. За спиной ружьё, патронташ поверх фуфайки пристёгнут. Немного потоптался у порога и скомандовал: - Ну, что, поехали! Ехали весело, Федька оказался разговорчивым. На вопрос Нюры: «Почему ты не на фронте?» - он сказал, что ему только что стукнуло семнадцать, а немцы ему ничего плохого не сделали, это Сталин с ними в ссоре, он и пусть воюет. Нюру удивили такие слова и ей расхотелось с ним

разговаривать, но Федя тараторил без умолку и Нюра, соскучившись по общению с ровесниками, стала опять с ним говорить и хохотала всю дорогу. К обеду они добрались до следующего посёлка. Федя передал её местному леснику, а сам вернулся. До следующего посёлка её довёз лесник на телеге, а там она шла несколько километров пешком. И вышла напротив посёлка. Посёлок стоял на другой стороне реки, и ей пришлось переходить через лёд, как говорят, «по последнему пути».

Через неделю начался ледоход, а ещё через неделю пришёл первый катер с паузком: привезли муку, растительное масло, папиросы, спирт. Нюра быстро вошла в курс дела: принимала рыбу, пушнину, сушёные грибы, орехи прошлогодней заготовки и даже сушёную оленину от остяков. В июне она отправила ещё груз, а в июле ей привезли сменщика – инвалида войны и приказ прибыть в Томское пароходство. И она, передав за два дня дела, уплыла вниз по Кети, и никто уже не вспомнит ту девчонку, которая пришла к ним по льду весной тысяча девятьсот сорок четвёртого года. Только река журчит, записывая всю историю на свою нескончаемую тугоструйную ленту.

В Томске Нюру назначили капитаном на большой дизельный буксирный катер. У неё в подчинении были моторист и два матроса. На катере капитанская рубка со штурвалом, в трюме каюта на два лежачих места и там тепло. В каюте по два иллюминатора с каждого борта. Дизель с генератором - свет был в каюте, на палубе и в дизельной, а на капитанской рубке стоял прожектор, и катер мог плавать в ночное время. Мотористом оказался фронтвик без ноги. Один матрос чахоточный, а другой - парнишка лет шестнадцати, только лишь окончивший

курсы шкиперов. Он сильно завидовал Нюре – восемнадцатилетней капитанше. Команда её уважала, а она слушала советы старших. На дизеле они буксировали большие баржи по Оби и Томи. Работы много: только доведут до пункта назначения свой груз, нужно куда-то срочно мчаться, кого-нибудь снимать с мели. При скоплении барж на пристани приходилось их подавать под разгрузку и погрузку и отводить на дальний причал. Самая нудная работа: «передний ход», «задний ход», то «подай чалку», то «отдай». Матросы в «мысле», капитан напряжён, надо как можно мягче подходить к барже, чтобы не проломить борт. То ли дело в рейсе: идёшь себе по бакенам, патефон играет музыку, которая льётся далеко по воде, с берега тебя приветствуют рыбаки. Женщины, полощущие белье, грозят пальцем или кулаком. Волна, набегающая на берег, поднимает муть, и им приходится пережить, пока муть отнесёт течением.

В целом, ей эта профессия очень нравилась, хотя женской её не назовёшь. Порой она требует невероятных усилий. Однажды, в сорок третьем году, паузок подняли далеко вверх по Шегарке, там в каком-то колхозе нагрузили табаком, и ей пришлось ночевать в трюме. Она положила матрац прямо на тюки с табаком, укрылась одеялом и уснула. Катер за ней пришёл утром. Матрос спустился в трюм и тут же выскочил, прибежали остальные. На одеяле вытащили её на палубу, и давай откачивать. Она была зелёного цвета от отравления. Матрос побежал с чайником в деревню за молоком. Кое-как привели её в чувства. Она пила молоко, а её рвало. Три дня ещё ходила зелёная.

Война катилась к концу. Власть опять «закручивала» гайки, готовилась принимать фронтовиков,

чтобы они, хлебнувшие «вольницы», сразу бы, по возвращении, окунулись в работу.

В августе сорок четвёртого года пароход «Большевик» шёл на Белый Яр и вёз в трюме сахар комковой. Команда разорвала мешок сахара, и каждый взял по шестьсот граммов. В Белом Яре недостача обнаружилась. Прямо там всех взяли под стражу и осудили, и каждому дали по десять лет лагерей. Измученные голодом люди лишились и последнего – свободы. Среди населения ходили частушки:

«Когда Ленин умирал,
Сталину наказывал:
«Хлеба вдоволь не давай,
Сала не показывай».

За опоздание на работу давали пять лет лагерей. Женщину с тремя детьми, опоздавшую на пять минут, осудили на пять лет. У неё на фронте погиб муж. Осудили её прямо на другой день. Дети, старшему было девять лет, остались в доме без куска хлеба. Мать на ночь закрыли в комнатушке сельсовета, а утром хотели гнать в Томск. Утром открывают дверь, а она висит. Дети посидели два дня и пошли побираться. Только через месяц их забрали в детдом выковырять из них сталинских соколов – беспощадных и бездушных. В детдоме они каждый день писали на доске: «Спасибо товарищу Сталину, за наше счастливое детство». И хором декламировали: «Мы говорим партия – подразумеваем Ленин, мы говорим Ленин – подразумеваем партия». Из них готовили кремнёвых комсомольцев, послушных зомбированных роботов, чтобы они всныхивали и сгорали для Родины, которая лишила их отца, матери и не оставила им в память ни рода ни племени, никакого материального и духовного

наследия. Духовное наследие подменили портретами Ленина и Сталина в букваре.

Сорок пятый год. Весна. Победа! Природа будто радовалась победе. Весна была дружная, лёд крушил всё на своём пути, реки вскрывались за одни сутки. Холодные ветра сменялись тёплыми, и на деревьях почки набухали на глазах. Нюру вызвали к начальству. Она получила особое задание – будет сплавливать по Чулыму геодезическую экспедицию. Здесь же познакомили с начальником. Инженер Черданцев, а с ним две студентки из Новосибирского геодезического института. Сборы были недолгими. В трюм нагрузили масло, пшено, муку. Газоход много дней тащил их в верховья Чулыма до большого Улуя. Там их оставил и ушёл вниз. И началась их непростая жизнь. Нюра сплавливалась с паузком вниз по течению, ставала на якорь, а геодезисты работали с приборами. Нюра ходила в деревни, искала дом с русской печью, пекла хлеб и несла на паузок, там готовила обеды, чтобы члены экспедиции всегда были сыты. Однажды она возвращалась из посёлка с мешком хлеба и заблудилась. Уже стемнело. Она вышла на прошлогодний стог. Кое-как взобралась на него и всю ночь просидела на стогу, а утром увидела между деревьями проблески реки, подошла к берегу, а метров двести ниже, посреди реки на якоре, стоял её паузок. Обидно до слёз. И Черданцев всю ночь курил на палубе, переживал. За два месяца работы по Чулыму много было всяких случаев.

Однажды в паузок залезли воры. В такое голодное время там было чем поживиться. Воры приплыли на лодке ночью и залезли в трюм, а Нюра спала в рулевом отсеке. Услышав шум, потихоньку пробралась в лодку воров и угнала её. Геодезисты ночевали выше, километрах в двух

по берегу. Она привязала лодку за дерево. Сколько раз падала и поднималась, вся исцарапалась о кусты, но дошла. Черданцев взял ружье и фонарь и хотел идти на поимку воров, но студентки боялись остаться одни и всё спорили, как им быть? Решили сниматься полностью. Сняли палатку, нагрузили на себя все приборы и ночным берегом шли до лодки. Погрузились на лодку и подплыли к паузку. Начальник экспедиции выстрелил в воздух для устрашения. Залезли на паузок. Воров видно не было. В трюм спуститься побоялись, закрыли люк на засов. Поставили палатку и легли спать. Утром, когда рассветало, открыли люк и Черданцев приказал ворам уходить. Немало удивились, когда в трюме никого не обнаружили, видимо, вору поняли, что дело пахнет тюрьмой и пришлось им нырять с борта. Обследовав трюм, убедились, что ничего не пропало и успокоились. Но всё же было интересно, кто придёт за лодкой. Геодезисты отработали эту местность, паузок пришлось снять с якоря и спуститься вниз по течению. Хозяева лодки так и не объявились, и потому её пришлось привязать за корягу и оставить. Конечно, потом хозяева нашлись. Так с приключениями и, усердно трудясь, они дошли до устья Чулыма. Там их взял на буксир пароход «Сибиряк» и увёл в Томск. Прощалась Нюра с геодезистами, как с родными. Инженер приближал её, и она всплакнула. Что ж, редко можно было встретить человеческое отношение в такое сложное время всеобщего недоверия.

Этот сезон она доработала капитаном на буксире. И на зимний отстой загнала его в Моряковку. Моряковка – это затон для стоянки судов близ Томска. Кое-какие дела задержали её в Госпароходстве. Получив зарплату и карточки, отбыла в Колшанево. Её отравили

приёмосдатчиком на заготовку леса. И опять пешком. За городом встретила попутчиков – двух женщин с детьми. Одна шла на свиданку к мужу. Муж сообщил, что его записали в штрафные роты, и если они не увидятся, то могут не увидеться совсем, и ещё, он очень хочет видеть сына. И вот она с шестилетним парнишкой пошла на расстояние в триста тридцать километров. Только любовь способна поднять человека на такое безумство. Можно заболеть и слечь, можно потерять ребёнка. Страшно, когда разум в плену у чувств. Но она шла, шла и шла и вела за руку сына, поднимая ему дух тем, что он скоро увидит папу. Другая женщина шла домой и везла на санках дочку. Дочка была больная, лет девяти от роду. Она всю дорогу что-то пищала. Ещё шли два парня, они поступали в институт, но не были зачислены, потому что оказались детьми врагов народа. Учиться не давали, на работу не брали. Всё делалось так, чтобы человек почувствовал полное бесправие и беспомощность. А когда брали этого измученного человека на работу, он должен был быть благодарен товарищу Сталину.

Старшая сестра Нюры – Физа поступала несколько раз: в Томский лесной техникум, в Новосибирский строительный и в горный, что в городке Анжеро-Судженске. Сдаст экзамены на «отлично», а в списках поступивших её нет. Она обращалась в комиссию, там однозначно отвечают: «Ты - дочь врага народа». Физа возвращалась домой, плакала. Психические приступы становились всё более затяжными. В 1944 году зимой она встала ночью, накинула на плечи шаль и, как «в воду канула». Её искали везде, но напрасно. Куда может деваться девушка в небольшом посёлке, которая вышла из дома в длинной, белой ночной рубашке с шалью на плечах?

Либо утопилась в проруби, либо забрали НКВДэшники, в ту ночь они вели аресты, а утром, чуть свет, увезли «врагов» на двух подводах в Колпашево. Это была третья потеря в семье.

Вернёмся к той компании, которая двинулась пешком из Томска до Колпашево. Во время третьей почётки у одной из женщин умерла дочь, она осталась, чтобы её похоронить, а которая с мальчиком – шла ещё два дня с компанией. В очередном селе их пустили на ночлег и, когда она разула сына, то ужаснулась – у ребёнка все ноги были в крови. Каким мужеством обладал шестилетний ребёнок, чтобы идти молча, видимо, любовь к отцу помогала ему преодолевать страдания. На следующий день и она отстала. Что стало с ней? Дошли они до Колпашево или нет? Кто знает? Нюра и два несостоявшихся студента добрались до цели за четырнадцать дней, а на следующий день ударил мороз до двадцати градусов. Видимо, Бог им помогал. Это было её последнее пешее путешествие на такое расстояние.

Окончилась война. Осенью сорок пятого разбили японскую армию на востоке, и солдаты возвращались домой. Много техники было направлено в народное хозяйство, распределялось по колхозам. Только голодно было по-прежнему. Сохранялась карточная система отпуска хлеба. В 1947 году сняли хороший урожай зерновых в стране, и в декабре месяце отменили карточки. Люди вдоволь наелись хлеба. Но до сих пор старый человек, который знал, что такое голод, не бросит сухую корочку в помойку. Они знают цену этому хлебу.

Нюра продолжала работать в госпароходстве. Брат Гриша окончил школу в 1946 году и поступил в Томский педагогический институт. Учился по ускоренному курсу, и

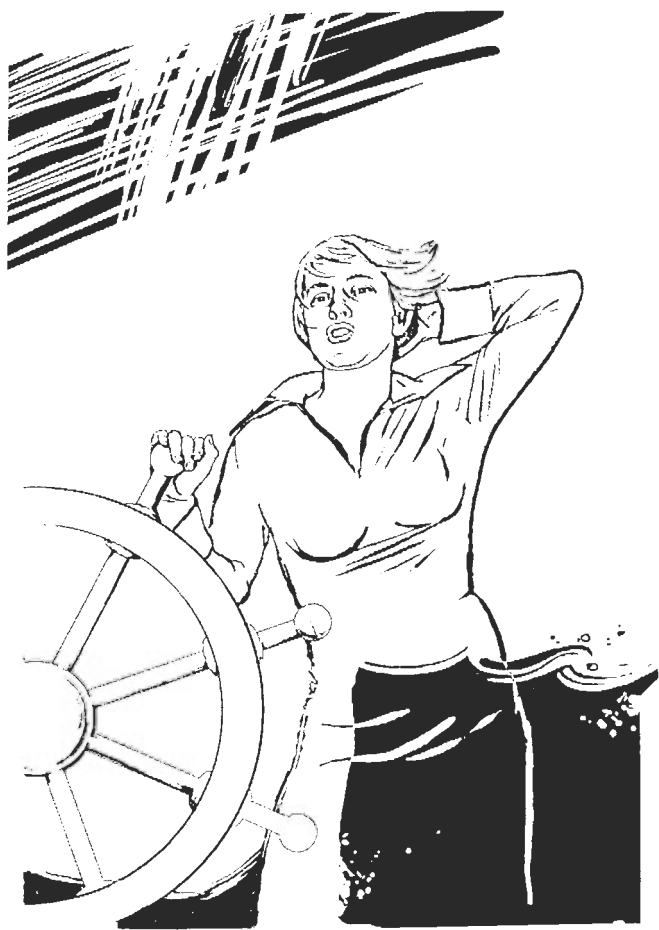
1948 году его направили на работу в посёлок Копыловку. Учителем русского языка. С ним в Копыловку переехала мама, а младшая сестра Оля поступила в лесной техникум и жила в Томске в общежитии. Она была очень худая и заболела туберкулёзом. В 1950 году, в возрасте двадцати лет она умерла. Из пятерых детей, тех, что везли в телеге на спецпоселение, осталось двое, бесследно исчез отец. Ни креста, ни могилы. Такую цену заплатила одна семья за безумствование властителей, которые пришли к власти и боялись её потерять. Об этом в семье никогда не разговаривали. Мария Ивановна понимала, что если эту тему дома развивать, то кто-нибудь из детей где-нибудь выскажется и всё, тогда в лагерь по 58-й статье. Выжить в лагере шансов почти не было.

Нюра работала до сорок восьмого года в Колпашево, в 1948 её направили в село Кривошеино, там тоже была пристань. Работы хватало. Нюра нашла квартиру и жила в отдельной комнате. Матрос у неё был семейным человеком, а жил в Колпашево, поэтому он попросил перевода на другое судно и ей прислали другого матроса – Кривошеина Александра Петровича. Это был смуглый парень, фронтовик крепкого телосложения, прихрамывал. Жил с отцом и двумя младшими братьями, мать у них умерла в 1945 году. Отец – Пётр Иванович работал по найму, кому дом срубить, кому печь сложить. В колхозе не работал ни одного дня. Сыну Александру говорил: - Это власть нарошешная, я можа не доживу, а ты доживёшь и увидишь, как она развалится. Александр дожил и видел развал коммунистического строя, вспоминая отца своего.

Он пришёл на катер и весьма удивился такому молодому капитану в юбке. Работу свою делал быстро,

непринуждённо. В 1949 году позвал Ниору замуж и привёл к отцу в дом. В 1950 году у них родился первый сын, в пятьдесят первом – второй. Так закончилась её совсем не девичья работа, которая требовала огромные усилия и терпение.

Когда она была в первом декретном отпуске, к ней в гости приехал брат Григорий. Они сидел вечером за столом и разговаривали. Гриша попросил её рассказать, как она жила, уйдя из семьи в 1942 году, и вся её жизнь протекала отдельно. Выслушав рассказ, он качал головой и несколько раз повторял: «Бедная Ниора!» А она и не знала, что ещё в 1942 году с них сняли надзор. Что же надзирать? Коллективизация прошла успешно, как звучало из докладов. А что касается народа, многие не выдержав – сгинули, а которые остались живы, так ещё и войну выиграли.

Теплый цвет холодного апельсина

Повесть

Завтра выпускной, завтра решающий день его жизни. Но Димка имел ввиду не то, что ему выдадут аттестат. У него на первом, на заглавном месте было то, чего он сам боялся, что его ввергало в грёзы и бессилие, что лишало сна и покоя. Это – девушка Оля. Девочка – с косичками с первого по десятый класс, и девушка – красивая и уверенная, остроумная и веселая, нежная и трогательная. Он не замечал в ней ни одной отрицательной черты, ни одного изъяна. Любил её всю, с головы до пят. Однажды она обронила носовой платок, он поднял его и мгновенно положил себе в карман, а когда шёл домой, то нюхал его. Ему даже не пришло в голову, что она вытирала этим платком нос, он только ощущал аромат её духов и молодого тела.

Началось это в День Святого Валентина. Они делали вечер и играли в фанты. Она вытянула бумажку, в которой было написано, поцеловать человека напротив, а напротив был он. Поцелуй был в щёку, но от этого прикосновения ему обожгло душу. Что-то сработало внутри и всё. Она не выходила из ума ни днём, ни ночью. Он делал ей всякие знаки внимания, и она вдруг задерживала на нём взгляд, больше обычного. Понято, что она догадывалась, но ответных действий пока никаких не было.

Весна будоражила молодую кровь. По улицам устремлялись ручейки, слизывая за зиму накопившуюся грязь. Остальное доделывали дворники. Веснушками расцветали ребёчьи носы. На окраинах города галдеж прилетевших птиц. Город стал значительно чище, потому

что за время революционных перемен, почти все производства остановились. Десятки труб торчали памятниками былой советской мощи, не изрыгая угар и сажу. Город стал, будто спальный район. Утром воздух был чист, как в деревне, только за день накапливались выхлопные газы от вездесущих машин, которых становилось всё больше и больше.

Выпускники готовились к экзаменам. Начались консультации. Класс поделили пополам. Димка попросился в одну группу с Ольгой, чтобы чаще видеть её и самому попадаться ей на глаза. Она по-прежнему вела себя ровно по отношению к нему. Он решил сменить тактику и стал относиться к ней холодно, а «ход конем» оставил до выпускного вечера. Но вдруг стал замечать, что она заигрывает с Женькой. Женька парень неплохой, много уделяет внимание спорту, но учится слабовато. Институт ему, конечно, не светит, но парень с характером и, наверняка, найдёт свое место в жизни. Нет, они ещё не дружили, но чувствовалось, что если он сделает к ней шаг, то она не оттолкнёт, и тогда всё — Димка останется за бортом. Мысль эта, как инородное тело, вошла в мозг и свербела, мешая всему: предстоящим экзаменам, отношению с друзьями и дома, будто у него склеились и не перелистывались страницы жизни. Он делал всё как-то неосознанно. Много валялся на кровати и глядел в потолок. Иногда принимал решение, что пойдёт и поговорит с Женькой, но тянул. Тянул и клял себя за трусость последними словами. Может быть, из-за слабости характера не совершал глупых поступков, которые нередко совершают влюблённые. Никто не замечал его душевных мук. «Может быть, это и к лучшему», — думал он.

Экзамены сдал легко. Помог запас знаний, полученных в серых школьных буднях. И вот он, выпускной вечер, уже на носу. Завтра. А сегодня с утра Димка начал готовиться: то гладиться, чиститься, а потом бесцельно шляться из комнаты в комнату, то вдруг упрётся в телевизор, а смысла, что там происходит – не понимал, то долго стоял у окна, старался разглядеть лица прохожих. Он подгонял время и с волнением проживал часы ожидания. День наконец-то закончился, а ночь успокоения не принесла. Снились какие-то кошмары. Он просыпался, лежал с закрытыми глазами и снова засыпал. Под утро уснул крепким сном. Проснулся от звонка телефона, полежал в ожидании, что кто-то возьмёт трубку, но не дождался. Пришлось вставать, потому что дома кроме него никого не было. Звонила мать, используя телефон, как будильник. Она сказала: «Пора вставать. Завтрак в холодильнике. Оденешься и зайдёшь ко мне». Работала его мама в салоне красоты, дамским мастером. Димку никому не доверяла, подстригала всегда сама. Вот и сейчас велела зайти, чтобы причесать, как следует.

Димка почувствовал какое-то душевное облегчение, настроение улучшилось, и всё встало на свои места. На улице солнечно, здоровье хорошее, впереди целая жизнь, а сегодня праздник. Врубил музыкальный центр. В стену сразу же застучали. Видимо, сосед пришёл с ночи, ему надо отдыхать. Димка убавил звук. Позавтракал и позвонил другу Игорю. Игорь спросил: «Может, твоя мать и меня причешет?» Договорились созвониться и выйти одновременно. Одевался долго и тщательно. Подозрительно смотрел на себя в зеркало, но, в конце концов, решил, что будет выглядеть не хуже других. С другом встретились у крыльца салона и весело вошли в

бывшую парикмахерскую. Но здесь от того, что было, не осталось и следа. Салон блеснул современной отделкой. Димкина мать соответствовала интерьеру. Видимо, от счастья. Боже мой! Сколько бессонных ночей, сколько слёз и тревог. И вот кажется всё позади. Сын – выпускник. Но это только кажется. Главное ещё впереди. Период взросления самый сложный и чувственный, самый тонкий и хрупкий. Вокруг раздевают, убивают. Наркоманы омолодили кладбища. Надо пройти этот путь, как по струне и не упасть, не исчезнуть в это страшное время. Сына не запрёшь под замок. Ему самому придётся закрепляться в обществе. Это как у птиц. Чтобы пойти на дальний перелёт, нужно дать птенцам облетаться и не важно, сколько раз они упадут. Жизнь – штука не простая.

Из салона Димка с другом вышли, как начищенные медные пятаки. Прохожие смотрели на них с удовольствием и многие даже оглядывались. Молодость и красота притягивает взгляды и заставляет людей постарше приободриться, а пожилых уводит в воспоминания.

Выпускной в их школе проходил, как и везде – слишком заорганизовано. Много лестных слов и подарков получили учителя. Больше всего лести было адресовано руководству школы и каким-то начальникам, которые выходили и говорили что-то неинтересное. Всех уже утомили эти речи, но наступило время, и начали вручать аттестаты. Димка ждал, когда выйдёт Ольга, когда очень резко выкрикнули «Недорезова», ему показалось, что кого-то дорезали и в размышлениях он упустил её шествие.

Когда начались танцы, он понял, кого дорезали – это его. Ольга с Женькой не отходили друг от друга, когда-то успели, сделали тот шаг? Димке стало горько до слёз. Ноги у него ослабели, горло душили спазмы. Он решил

уйти с вечера и направился к выходу. Но ему наперсрез шла Лена. Она с улыбкой перегородила дорогу и заговорила. Ленка неплохая девчонка, и фигурка гитарная, но не в его вкусе. Она заговорила с ним ласково, как лиса Алиса:

– Куда это наш Димочка собрался? Наверное, Димочка придёт домой, пососёт титьку у мамочки, наденет памперс и баиньки.

Димка присмотрелся к однокласснице, и ему показалось, что она выпивши. Он начал ей подыгрывать:

– Я не надеваю на ночь памперсы, у меня горшок под койкой.

Лена расхохоталась и, протянув парню руку, предложила потанцевать. Танцевали они, касаясь друг друга. Это волновало воображение Димки, и он прижал её к себе, а той, видимо, того и надо было. Заиграла быстрая музыка, Лена потянула партнёра из зала. Он шёл послушно. Поднявшись на второй этаж, они вошли в свой класс. У Лены за шторкой, на подоконнике была спрятана бутылка наливки и два апельсина. Бутылка была начата, а на горлышко надета стопка. Лена взялась наливать, а ему предложила очистить апельсин. Он сделал это с успехом, так как это был его любимый фрукт. Они выпили и начали кормить друг друга дольками апельсина, а Лена вдруг обняла его и стала страстно целовать. У Димки закружилась голова то ли от выпитого, то ли от поцелуев. Хмель и интимная обстановка возбуждали в парне страсть. Своими действиями он начал требовать от девушки близости, но она вдруг резко отодвинула его от себя и, взяв за руку, потащила на танцы.

Было уже за полночь, когда они решили сбежать с вечера. Всё равно многие уже начали устывать и

потихоньку разбредаться. Кто-то гулял по улице, за кем-то пришла машина. В этом разброде не заметно кто, с кем и куда удалились. Дима с Леной пошли по улице, обнявшись, и зашли в сквер. Здесь их ждала скамейка, и Димка готов был прямо немедленно исполнить роль Адама. Но Лена сопротивлялась и шептала: «Не здесь, не здесь». Потом вдруг решительно взяла его под руку и сказала: «У меня с собой ключ от тётинной квартиры, я кормлю кошку и поливаю цветы, пойдём туда». Они шли быстро, чуть ли не бегом. Сердца их бешено стучали и других звуков, казалось, не существовало.

Замок открылся быстро, и они очутились внутри хорошо обставленной квартиры. В спальне стояла огромная кровать. Лена сняла покрывало, отвернула угол одеяла, достала из тумбы две подушки и бросила их на свои места. Делала это как-то деловито, по-хозяйски, а Димка стоял с другой стороны кровати, опустив руки. Он не мог говорить, потому что его потряхивало от нервного озноба. Лена командовала: «Что стоишь? Раздевайся и ложись, но сначала расстегни мне платье». Парень обошёл кровать и трясущимися руками расстегнул крючки на платье, потом начал раздеваться. В майке, трусах и носках полез под одеяло. Лена сняла платье и ушла в ванную. Немного погудев кранами, пришла совершенно голая. У Димки захватило дух, а она ловко нырнула под одеяло и прижалась к нему.

От того, что происходило дальше, Димке показалось, что он побывал на небесах, а после появилось чувство брезгливости, и ему хотелось немедленно сбежать от подружки, а она продолжала его целовать и ласкать. Её быстрые руки побывали везде, а он не мог отделаться от

чувства омерзения. То, что она оказалась не девочкой, давало право ему её презирать.

Вскоре он уснул, а проснувшись, быстро встал и начал одеваться. На душе было гадко, в теле уже не было того озноба, а появилось ощущение, что из него выпили половину крови. Ему хотелось скорее скрыться в своей комнате на родной мягкой постели, и чтобы его никто не трогал.

На улице прохладно. Он поднял воротник пиджака и заспешил домой. Дома встретила мать, она сегодня не сомкнула глаз. И, естественно, спросила:

– Ты где был?

Димка замахал руками, чтобы его не трогали и сказал:

– Мам, у меня все хорошо, я пошёл спать.

На другой день он не выходил из дома. Слушал длинные гудки припадочного телефона и не хотел никого видеть и слышать. Только на следующий день он выбрался из дома и то, только за хлебом. Позвонил другу Игорю. Тот настойчиво требовал от Димки, чтобы он рассказал, что у них было с Ленкой. Но Димка каким-то предчувствием доходил до того, что такие вещи не стоит выносить на суд, это тайна двух сердец, и где она зародилась, там должна и умереть или храниться на потаённой полке памяти. С Ленкой встретились в школе. Пришли брать характеристики для поступления в вуз. Она болтала без умолку, и ему в первый раз пришла мысль, что она глупая, какая-то поверхностная и пустая. Если ему продолжить с ней отношения, его скоро начнёт в ней всё раздражать. Это означало, что он её не любил. Она снова приглашала его на свидание в тёткину квартиру. Димка поглядел ей в глаза и сказал:

– Ты извини, Лена, я не приду, – повернулся и быстро ушёл.

Лена ещё долго досаждала ему: писала записки, звонила, подсылала подружек, но Димка искушению не поддавался.

Димка поступил в технический вуз. Лето проработал на строительстве обогатительной фабрики. Зарплату задерживали, но его, как студента, всякими правдами и неправдами рассчитали. Он неплохо приоделся и поехал в соседний город на первые занятия. Началась его студенческая жизнь. В эту жизнь окунулся, как говорят, с головой. Ему это нравилось. Стали поговаривать, что скоро институт закроют. И закрыли. Какому-то чиновнику не нравилось, как ведёт себя руководство вуза, не выдали лицензию – и всё. Их не интересовало, скольким молодым людям они сломают жизнь.

Как и многие, Димка пытался перевестись в другой институт, но бюджетные места были везде заняты, а на коммерческую основу не хватало средств. Он переживал, мать плакала, но слезами горю не поможешь. Окончив полтора курса, Димка вернулся домой недоучкой. Летом можно снова попытаться на второй курс какого-нибудь института. Дома собрали совещание. Приехал дядя Витя, мамин брат, и решили, что время терять нельзя – надо идти работать. Когда-то в городе было пять шахт, но в ходе перемен три закрыли. На одной из двух оставшихся и работал дядя Витя. Он был мастером, имел орден Шахтёрской Славы, так что его авторитета хватало, чтобы племянника взяли хотя бы рабочим ГРП, потом курсы и т.д. Через несколько дней Димка уже работал. Работа ему не нравилась. Мало, что на поверхности, так ещё и куда пошлют, т.е. на подхвате. Мать вечером ему внушала:

– Не оговаривайся ни с кем, а в работе старайся, – и он старался. Через месяц его направили на курсы в учебный комбинат. Курсы закончил успешно и получил свидетельство, что он теперь полноценный шахтёр. На другой день пошёл в отдел кадров за назначением, там ему дали три дня отгулов.

В один из выходных дней он прогуливался по центру и увидел Олю, она шла ему навстречу, и когда их взгляды пересеклись – улыбнулась. Димка остановился. Она задала ему вопрос: «Как жизнь?» Он вкратце поведал ей о своих похождениях за эти два года и задал ей тот же вопрос. Хотя кое-что знал. Знал, что она вышла замуж за Женьку, и что у них есть ребёнок. Знал, что мужа забрали в армию. Теперь она ходила в военкомат, и в связи с тем, что у них ребёнок, его должны демобилизовать. В общем, у неё всё хорошо. Димка приглядывался к ней. Внешне она не изменилась, только стала гораздо серьёзнее. Они попрощались, и каждый пошёл своей дорогой, но Ольга опять не выходила у него из головы. На него нахлынула вторая волна тех чувств, и никуда от них не денешься. Эти милые черты приняты сердцем навсегда, и человеку не дано понять, как это происходит. Ясно одно – это любовь.

На работе всё устроилось. С помощью дядьки его зачислили в хорошую бригаду. Он начал работать под землёй. Каждый день одна и та же схема. Утром забутовку в сумку и на остановку. На вахтовке до шахты. В шахту спускались по наклонному штреку на монорельсе, а там – работа. Работа тяжёлая и грязная, опасная, не позволяющая расслабляться – работа для человека неестественная. Человек ведь не крот – это же существо наземное. Но разум поднял его в воздух, опустил под землю и на дно морское. Одни всё придумывают, другие

берут всё в свою власть, а третьи исполняют их волю только ради того, чтобы остаться человеком, зарабатывать и чувствовать свою сопричастность к прогрессу. Раз ничего невозможно остановить, значит нужно помогать двигать общество вперед. Димка понимал, что он очень маленький винтик в этом механизме. Он спускался в шахту, чувствовал вздохи земли, но надеялся, что с ним ничего не случится и постоянно думал, скорее, мечтал, что станет более крупной деталью, чем винтик, но надо учиться.

Несмотря на трудности в стране, зарплату у них давали вовремя. Димка, хорошо одетый и приятно пахнущий, нравился девушкам. За короткое время он поменял троих. Девушки красивые, но ни одна не вызвала тех чувств, какие были у него к Ольге. Одна оказалась глупой, другая – алчной, а третья – помешанной на марше Мендельсона. Значит, и цена им была такова. Он решил, пока воздержаться от новых знакомств. Он жил не ожиданиями, а просто по инерции. Бывает такое, что живёшь себе и живёшь, не думаешь о потерянном времени, о вечном. Зато позже, когда начинаешь размышлять, оказывается, что этот период жизни был самый счастливый. Вот и Димка проживал самый счастливый период своей жизни, потому что он не был обременён никакими серьёзными заботами. И ему это нравилось. Но вдруг в душу закралась тревога.

Как-то весенним утром он стоял на остановке, где его подбирала вахтовка, подошёл какой-то парень. Димка не обратил на него внимания, но тот приблизился и протянул ему руку. Димка вскинул глаза и узнал своего однокашника Женю. Пришлось подать руку и спросить, откуда он и куда. Выяснилось, что они теперь будут вместе

работать. Вот это его и встревожило. Он понимал, что это ему будет мешать, но насколько, он ещё не представлял. Все сюжеты развиваются по какому-то жизненному сценарию, а пишут их обстоятельства, о которых ты и не предполагаешь.

Первые дни работы с новым членом бригады Димка был в напряжении. Женьки сторонился, а тот дома разговаривая с женой, необдуманно пошутил:

– Ольга, мне, кажется, он тебя всё ещё любит. Останемся в забое вдвоём, он отоварит меня кувалдочкой по затылку и скажет: «Обрушение породы».

Он пошутил и забыл, а Ольга не на шутку перепугалась. Время-то не дай Боже! Каждую смену она была в тревоге. Тем более что часто, то там, тот тут взрывались шахты.

В выходной день Димка отправился на рынок за картошкой. Мать прочитала ему лекцию, как выбирать разные овощи, и сын, сунув в карман пакет, прогулочным шагом брёл по тротуару. Вдруг кто-то взял его под руку. Он повернул голову... «О Боже! Это Ольга!» Она взглянула на него и быстро заговорила:

– Как жизнь, Дима? Как работа?

Димка пожал плечами и ответил:

– Да нормально.

Вдруг Ольга повернула его к себе и как-то угрожающе спросила:

– А ты ничего плохого не задумал?

Он в свою очередь спросил:

– Что ты имешь в виду?

Она продолжала:

– У тебя с Женей натянутые отношения. А вдруг авария ли ещё что – ты ему не поможешь, а наоборот

бросишь. Он ведь тебе ничего плохого не сделал. Я выбрала его, я и виновата перед тобой.

Димка вытаращил на неё глаза и резко ответил:

– Ты что ерунду городишь! У меня к нему нет претензий! Что я должен его обнимать, или что ты хочешь?! Я думал ты нормальная, а у тебя «гуси!» Он отдёрнул свою руку, покрутил пальцем у виска и быстро зашагал прочь. Его распирало негодование: «Все бабы дуры! Придумала же! На хрена он мне нужен! Завтра я ему скажу, какой он дурак!»

До базара дошёл по инерции, купил поеденной червями картошки, про морковь и свеклу совсем забыл и зашагал обратно, а сам всё мысленно спорил с Ольгой и Женькой. Он не замечал, что разговаривает уже сам с собой вслух. Прохожие поглядывали на него с сочувствием. Дома машинально отдал пакет матери и, закрывшись в своей комнате, продолжал этот спор. Это походило на бой с тенью, как у боксёров. Из этого состояния его вывела мама:

– Ты какого чёрта купил?! Я тебе говорила, бери чистую картошку, а ты притащил мусор!

Димка пошёл на кухню, взял в руку картофелину, покрутил и понял, что это Ольга ввела его в такое состояние. Он пробормотал:

– Извини, мам, там другой не было.

На другой день они встретились с Женькой, тот открыто улыбнулся, пожал ему руку и заговорил о работе. Димка, молча, наблюдал за ним и сделал вывод, что это Ольга сама что-то напридумавыла и как-то ему стало от этого легче. Он поддержал разговор, посмеялся и забыл этот нелепый инцидент. Жизнь продолжалась.

Беда стряслась, когда её не ждали. Утро было пасмурное, злое. На работу ехали молча. В гардеробе Женька вдруг окликнул Димку и, сказав «держи», кинул апельсин. Димка, ловко поймав, подержал его в руке. Апельсин был крупный с чистой шкуркой, его, видимо, утром достали из холодильника, потому что он был холодный. Димка подумал: «За обедом съем», – и положил его в забутовку. Когда спускались в забой, бригадир распорядился четверых оставить в одном месте, а остальные двинулись дальше. В первое звено попали они: Димка с Женькой. Им надо было подкрепить одно сомнительное место. Подвезли гидростойки, анкера и решётки и только начали устанавливать гидростойки, как вдруг услышали хлопок, и всё погрузилось во мрак. Димка только успел упасть на землю, как пришла волна и расшвыряла всех по забою. Его слегка ударило о стену, и он лежал невредимым. Забой заполнила гарь и угольная пыль. Дышать было нечем. В голове мелькнула мысль, что может произойти взрыв угольной пыли и тогда конец. Но не лежать же здесь, можно задохнуться. Димка встал на колени, включил фонарь и, быстро открыв самоспасатель, взял в рот загубник. Впереди раздался стон. Свет фонаря не пробивал завесу пыли, и ему пришлось на ощупь искать того, кто стонал. Его как будто ударило током. Все слова и даже взгляд Ольги простунили сквозь плотную завесу пыли и гари. Она, прищурившись, говорила: «А ты поможешь Женьке, не бросишь его в беде?» Димка взял в руку загубник и громко позвал: «Есть кто живой?» Ему никто не ответил, только опять послышался стон. Димка встал на ноги и двинулся вперёд. Сделав несколько шагов почти на ощупь, он снова позвал, и стон послышался где-то под ногами. Он прыгнул и стал ощупывать руками.

Нащупал ноги человека, а дальше поперёк на нём лежала гидростойка. Он поднял и отшвырнул её, присел на корточки и стал разворачивать раненного. Им оказался Женька. Димка ощупал его, но не обнаружил самоспасателя. Он подумал: «Читают, читают им инструктаж, чтобы не снимали самоспастели, всё равно бесполезно. Снимут, бросят к стенке и работают, чтобы не мешал». Раздумывать было некогда, раненый мог просто задохнуться. Стал шарить вокруг и, ничего не найдя, занялся раненым. Он дал свой загубник подышать тому, тот стал дышать, застонал. Димка закрывал лицо полрой пиджака, дышал через неё, но это был не воздух, а адская смесь. В горле першило, кружилась голова. Мысли лихорадочно пролетали в его голове. Он думал, если выйти самому и отправить спасателей, Женька может не дожждаться помощи. Принял решение: «Понесу сам!» Быстро снял с себя рабочий пиджак, рубашку и майку. Из майки сделал повязку на лицо. Помочился на неё и завязал рот и нос. Запах был неприятный, зато не так першило в горле. Об этом спасительном фильтре он вычитал в одной из книжек: как во время войны немцы применяли душегубки для уничтожения военнопленных, а один пленный так спасся. Димка закрепил на раненом свой самоспасатель, взвалил его на себя и понёс. Ему надо было пройти немного, свернуть влево и идти по параллельному вентиляционному штреку. Только бы не пройти свороток.

Шёл вверх по уклону. Сначала у него звенело в ушах, затем стало ухать сердце. С каждым шагом всё сильней и сильней. «Вот и свороток», – определил он по провалу. Он остановился, привалил раненого к стене и понял, что слабеет. Ноги стали как ватные. «Нет, надо идти, а то упаду и всё, пропадём здесь оба», – взвалил

Женьку на себя. Тот застонал, значит, живой. Двинулись дальше. Казалось, он шёл целую вечность. В вентиляционном штреке пыль была не такой плотной, луч фонаря высвечивал всё, что под ногами, а дальше ничего не видать. Вентиляция не работала. Всё обесточено. Димка шёл и думал, сколько же ему идти? От недостатка кислорода сердце выскакивало из груди, в глазах появились оранжевые круги, а он всё шёл и шёл. Он вдруг понял, что сейчас важно, если их найдут обоих мёртвыми, поймут, что он не пользовался самоспасателем, т.е. не предал, и Ольга это оценит. Да! У них ребёнок, и лучше, если Женька будет живой. Но вдруг всплыл образ мамы. «Как же она останется одна, и как велико будет её горе!» Глаза его наполнились слезами. Он ничего не видел, только вдруг громко крикнул: «Врёшь, не возьмёшь!» Это придало ему немного сил, но отравление делало своё дело. У него совсем ослабли ноги, ломило всё тело. Груз становился непосильным. Он чувствовал, что вот-вот рухнет. Вдруг посередине оранжевых кругов появились светлячки. Это – фонари спасателей.

Их быстро подняли на поверхность и на реанимобилях доставили в больницу. Димку в реанимацию, а Женьку в травматологию. На чёрном лице Димки пробежали две светлые дорожки от слёз. Медсестры, которые оттирали его, говорили между собой: «Видишь, какой парень, наверное, тяжело ему было до слёз. Нет, ему, наверное, жалко было маму, он у неё один».

Он очнулся на другой день. Первое, что спросил, жив ли его товарищ. Медсестра пожалала плечами и вышла. В коридоре, ни на минутку не присев, ходила его мать. Медсестра обрадовала её, сказав, что он очнулся, и спросила:

– Он спрашивает, жив ли его товарищ?

Мать закивала и заплакала:

– Живой, живой, передайте ему!

Медсестра посоветовала:

– Вы бы шли домой, выспались, а завтра приходите, мы вас к нему пустим. Идите, идите.

Мама пошла домой с огромным облегчением на душе, но почувствовала: тело её настолько устало, что она готова упасть прямо на дороге. До дома дошла по инерции и упала на диван, не раздеваясь. Проснулась от того, что хотелось есть. Поела, что нашла в холодильнике и опять легла спать. Теперь уже разделась, как положено.

Утром она проснулась ни свет, ни заря и начала собираться в больницу. Сварила яиц, сосисок, приготовила салат, всё уложила в сумку. Время ещё мало, в больницу не пустят и, она решила принять душ, но забыла, что нет горячей воды. Покрутив краны, вышла из ванной, достала альбом и начала листать. Димкиных фотографий было больше всех – с возраста, как он начал сидеть. Она смотрела, перелистывала, потом возвращалась опять, всматривалась. Боже мой! Сколько бессонных ночей, сколько всяких тревог пережито... Муж уехал по контракту ловить дальневосточную сельдь и потерялся – пропал без вести в Охотском море. Вроде, как выпал за борт. Димка вырос без отца и без пенсии.

Встретился один хороший человек. Жена у него запилась. Воспитывал один двух дочек. Работал на железной дороге сварщиком. Ремонтировал вагоны. Однажды поставили ему лесенку ненадёжно, он полез борт заваривать, лесенка скользнула по днищу, и он свалился внутрь. Ударился головой и стал инвалидом. Детей

забрали его родители, а он сам начал пить. Ненадолго его хватило – умер от инсульта.

В начале девяностых познакомилась с одним шофёром. Помогал: из деревни привезёт овощей, добудет муки, сахару, масла. Год продружили, хотели уж было сойтись, и Димка был не против, любил кататься с ним на машине, называл его дядя Володя. Но дядя Володя ночью сбил человека и уехал. Нашли и дали пять лет. Освободился он через три года, но больной туберкулёзом. К ней приходил один раз, посидел, поговорил, сказал, что поедет к сестре отдохнёт и подлечится. Уехал и как в воду канул.

Больше она знакомств не заводила. Димка подрастал, стыдно было, хотя ещё набивались женихи, но она уже научилась жить самостоятельно, и её единственной и главной заботой был сын. Когда он есть – и сегодня, и завтра, и кажется, так будет всегда – чувства приглушаются. Жизнь идёт и идёт. А вот случилось несчастье, и она ощутила каждой клеткой, как ей важно: что она несёт в этой жизни и как это шатко. Как этот мир ненадёжен. И кроме неё нет защиты. Она ощутила себя матерью – волчицей в волчьем мире. Обострились все инстинкты, оголились все нервы.

Она сидела, смотрела фотографии, а на них капали слёзы – материнские слёзы, они большего накала. Посидела, поплакала и пошла в больницу. В реанимации была суета. Ночью произошла авария: четверо молодых людей на легковой попали под грузовик. Глядя на рыдающих родителей, она тоже не смогла сдержаться. Увидела вчерашнюю медсестру и получила радостную весть – её Димку перевели в отделение, можно его навестить.

В палате он был один. Лежал и смотрел на дверь, видимо, ждал её. Она зашла и не сдержалась, затряслась вся от рыдания. Сын успокаивал, как мог:

– Мать, ты чего? Я - вот он, жив и здоров! Ты лучше расскажи, как там Женька?

Она подавила в себе эмоции, вытерла слёзы и рассказала, что Женьке сделали две операции:

– Он в сознании, но тяжёлый, возле него постоянно сидит Ольга. Должен поправиться. Она мне звонила и просила передать тебе привет и огромную благодарность. Да, ещё сказала, что сделает тебе большой подарок.

– Какой подарок? – спросил Димка.

– Не знаю, – пожалала плечами мать. – Наверное, поцелует, – добавила она, улыбаясь.

Сын обратил внимание: у мамы глаза ясные-ясные, это, видимо, после слёз. Он взял её за руку:

– Сядь, мам, не суетись, а подарков мне не надо, живой он – вот мне и подарок. Если бы ты знала, как я его тащил? А что с Горшковым и Васей Белым?

– О-о-о! Это целая история. Я точно не знаю, но, главное, что все живы. Придёт кто-нибудь с шахты, расскажет.

Немного погодя, маму попросили удалиться: начинались лечебные процедуры, и в это время явились представители шахты. Наташили фруктов и сладостей. Димку называли «героем» и обещали наградить. Не долгим было свидание. Всех попросили на выход. Больному надо болеть.

Димка быстро шёл на поправку. Ушибы и ссадины поджили. Из лёгких всё откашливалась чернота. Он уже ходил по коридору и шутил с молодыми сестричками. Один раз приходила Ольга, принесла букет цветов,

поцеловала в обе щёки, передала привет от Женьки. Собралась уходить и сказала:

– Кажется, я знаю, какой тебе нужен подарок.

Через две недели Димку выписали. Пошёл на шахту. Там дали путёвку в профилакторий на три недели. Выдали всю задолженность по зарплате. Они с мамой решили купить новый холодильник. Купили, привезли, установили и всё любовались им.

В профилактории Димке не понравилось. Народ всё больше взрослый, ему и пообщаться не с кем. Ходил в бассейн, играл в теннис да спал. Поправился аж на три кило. Когда вернулся домой, мама рассказала много новостей, в общем, обо всём и под конец сказала:

– Тебе Ольга звонила и велела, как только приедешь, чтобы позвонил. Телефон я записала там, на корочке справочника.

Димка разгорелся любопытством, но виду не подал. Посел спокойно, потом взялся за телефон. На звонок никто не ответил. Через некоторое время ещё раз набрал номер, но там никто не снимал трубку, видимо, дома никого не было. Позвонил вечером. Наконец-то телефон ответил мягким женским голосом. Димка заговорил:

– Оля, ты просила позвонить.

Ему ответили, что это не Оля и позвали Олю. Ольга заговорила быстро и уверенно. Она обрадовано поприветствовала Диму и спросила:

– Ты можешь завтра прийти к нам в обед, к двум часам?

Димка спросил:

Зачем?

Она ответила:

– У меня для тебя сюрприз, приходи обязательно. Тебе привет от Жени, вон он лежит на диване, улыбается. Что делает? Играет с сыном. Ну, приходи, – и трубка щёлкнула.

До обеда следующего дня Димка жил ожиданием, просто не знал, куда себя деть. Наконец-то подошло время. Был летний субботний день. Димка шёл по тротуарам. Здоровый, красивый, нарядный, в тёмных очках, он казался таким суперменом, но это был простой русский парень в ладах с законом и совестью. Подошёл к дому, в который пригласили. Молодые жили на втором этаже. Димка у них никогда не был. Звонок встревожил жильцов, там слышна была суета, потом щёлкнул замок. Его встретила Ольга в переднике. Улыбаясь, открыла дверь пошире и отступила внутрь. Димка шагнул в квартиру, дверь захлопнулась, как будто отделила одно время от другого. Димка разулся и прошёл в комнату. На диване с гипсом на плече полулёжа сидел Женька. На виске розовый шрам со строчкой швов. Худоват, но весел. Поздоровались тепло за руку. Стол посередине, на столе почти всё для праздника, кроме горячего. Женька здоровой рукой махнул в сторону стола:

– Вот побрататься надо, хотя, нас шахта уже побратала. Ну, закрепим это за столом, так сказать, обмоем этот факт.

В кухне слышалась возня и разговор, значит, кто-то был ещё. И вот две красивые, розовые от печи, дамы шли друг за другом со стряпнёй. Передом Ольга, а за ней девушка с косой до пояса. Ростом чуть пониже Ольги, но лицом похожа. Она поздоровалась как-то робко. Они поставили пошу на стол и ушли прихорашиваться в спальню. Женька поднялся, пригласил друга за стол. Сели,

стали ждать дам. Хозяин предложил Димке открыть бутылки. Димка распечатал водку и бутылку вина, и тут явились обе. Ольга начала разговор:

– Вот, Дима, познакомься, это моя двоюродная сестра Ирина. Она приехала из деревни, будет учиться на парикмахера. Она только окончила школу, но невеста готовая.

Димка встал и протянул руку. «Невеста» вся покраснела и подала только пальчики. Димка взял их и его будто прожгло.

Они расселись по местам, наполнили рюмки. Женька сказал:

– У тебя нет брата и у меня нет, давай, брат, выпьем. Я тебе обязан жизнью и этого никогда не забуду.

Димке было неудобно, и он сказал:

– Я думаю, что если нас поменять местами, ты бы поступил так же, – и, подав Женьке руку, назвал его братом. Димка сидел счастливый и украдкой поглядывал на Ирину, а она всё опускала глаза.

Они с Ольгой чем-то походили друг на друга, хотя и были разные. Димка не знал, как себя вести. Где-нибудь в большой компании пригласил бы её на танец, а тут сидишь, как голый на площади. Но не зря говорят, что у женщин интуиция более развита, чем у мужчин. Ольга встала, поставила музыку и сказала:

– Дим, иди-ка, потанцуем.

Они танцевали и, Ольга давала ему наставления, чтобы был посмелее и на другой танец пригласил Ирину. Димка только кивал и молчал. Ольга прервала танец, пошла посмотреть в спальню на спящего сына, чтобы не упал с кровати, а то он уже шустрый. Только что начал ходить. За ним глаз да глаз. Димка сел, разговаривал с

Женькой, а сам дожидался, когда зазвучит другая песня. Только поменялась музыка, он встал и повернулся к Ирине, подал ей руку, приглашая её на танец. Они стали танцевать. Димка аж весь вспотел от волнения и теперь молил, чтобы скорее кончилась эта песня. Женька наблюдал за ними, ему это доставляло удовольствие.

Пришла Ольга с сыном на руках:

– Познакомьтесь, это наш сынок Владик.

Владик спросонья оглядывал всех окружающих и задержался на незнакомом человеке. Глядел-глядел и заревел. Все его успокаивали, но ничего сделать не смогли. Тогда Ольга предложила:

– Дим, вы идите с Ириной погуляйте.

Это получилось так, как будто было задумано, а ребёнок нехотя им подыграл. Молодёжь быстро собрались и ушли. Ребёнок тут же успокоился. Ольга спросила мужа:

– Ну, как тебе пара?

Женька улыбнулся и сказал:

– По-моему, она ему понравилась. Он так потел.

Дима с Ирой ходили, гуляли, разговаривали. Ирина, хоть и была скромной девушкой, но оказалась весьма находчивой. Димке она не просто нравилась. Расставаясь, они договорились встретиться завтра. Дома он рассказывал маме, как их познакомили, а она вдруг заплакала. Плакала она от смешанных чувств. Она радовалась за сына: что он остался жив, совершив, по меркам людей, подвиг, за то, что он, может быть, скоро женится; и ещё ей стало чуть-чуть жаль себя, что, может, скоро станет бабушкой, а женского счастья она сполна так и не получила.

После выходного Димка вышел на работу. Бригада его встретила так, будто он вернулся из космоса. Начались рабочие будни. Через несколько дней его вызвали в

шахтком и сказали, что на следующей неделе, в честь Дня Шахтёра, он поедет на губернаторский приём. Дни эти пролетели мгновенно, потому что он был влюблён, а любовь действует на время и на расстояния особым образом.

В областной центр выезжали организованно передовики производства со всех предприятий угольной промышленности города. Туда же съехались люди со всей области. Торжественное награждение. Когда вызвали Димку, он был весь как на иголках, и шёл между рядов, будто под прицелом. На сцене губернатор по-отечески потрепал его по плечу, повернул к зрителям и сказал:

– Вот чем отличается наш российский парень от какого-нибудь американца? А тем! Что сам погибай, а товарища выручай. Отдал самоспасатель раненому товарищу и тащил его, пока не вышел на группу спасателей. Героический у нас народ.

Димку наградили медалью «За веру и добро». Дали конверт с деньгами. Он был счастлив. Приехали домой поздно вечером, а на площади перед шахтоуправлением его ждали мама и Ирина. Мама обняла его, поцеловала и сказала:

– Погуляете – приходите домой. Он подошёл к Ирине, подал ей руку, и она положила в неё свою. Они прошли немного, и Ира остановила его, открыла сумочку и достала два больших апельсина, себе и Димке. Они шли самые счастливые на земле. У каждого в руке было по маленькому оранжевому солнышку, которые освещали их жизненный путь дальше.

Мама, прости!

Фамилия у Сашки Заречнев. Откуда эта фамилия, Сашка не знал, да он ещё и не задумывался над этим по молодости лет. Он жил легко своей мальчишеской жизнью, и для него было важнее: сходят ли они с другом Мишкой на Синкину гриву покататься на лыжах?

Почему грива названа Синкиной, тут все просто. Половину гривы занимала усадьба Синкиных, а на оставшейся половине люди разработали карьер, где брали для домашних нужд песок. В этом карьере летом ребяташки загорали, а купались в речке Исток, которая протекала с одной стороны этой возвышенности, а с другой – гриву полукольцом охватывал ручей, который впадал в Исток.

Зимой ребятня делала лыжню, и летала со свистом с вершины вдоль ручья. Ломали палки и лыжи, а иногда и ноги.

Эта зима была особенно суровая. Не должны сибиряки забывать, где они живут. Иной год зима стоит сиротская, так и полушубки не проветривают, пусть моль отъедается. А эта зима настоящая – сибирская!

У Сашки ушанка собачья, шубенки новые, полушубок отцов, перешитый, катанки из гарцевой шерсти. Идет Сашка в школу, не торопится, а другие пацаны, что одеты «пожиже», обгоняют – и бегом в тепло школы. Забегут, да похлопывают себя по тем местам, куда мороз забрался. Сашка в тамбуре валенки обметет и ввалится в дверь, как Кухтерин – сын купеческий.

Сызмальства он овладел мужской солидностью. Что внешний вид, что поступки, – все отвешено на точных весах. В кармане носовой платок, на руке часы «Победа».

Сашка в класс войдет, со всеми поздоровается, разденется чинно, вещи на вешалку, достанет расческу, причешет чуб, глянет на часы. Ещё есть время выйти в коридор потолкаться.

Он ищет кого-то глазами и кричит: «Филя, ты наклейку принес?» Они с Филей коллекционируют наклейки со спичечных коробков. У Фили две наклейки с первым космонавтом, а у Саньки две с первым человеком, вышедшим в открытый космос.

Филя не меняется, требует за «Гагарина» ещё в дополнение наклейку с изображением Казанского вокзала. У Саньки душа болит: «Ох, и жадный же этот Филя, ну чистый ростовщик. Побить его, что ли?» - думал Сашка, а сам принес и «Леонова», и «Казанский вокзал». Обмен состоялся, и прозвенел звонок.

Такой вот он, Сашка. Если уж что делает, то наверняка.

Зима, хоть и была ещё в силе, но, кряхтя, уступала. Днем, после обеда, яркое солнце подъедало бровки дорог. Сосульки, как карандаши, свисали с крыш. Коровы в денниках жевали жвачку и перемукивались с соседскими. Древние старики слезали с печи и шли на улицу подышать, отмечая, что ещё одну зиму перемогли.

Двери школы не стоят на пятах. Школьники повалили домой, пересмеиваясь, назначая друг другу встречи на какие-нибудь совместные дела. Сашка тоже крикнул своему другу Мишке: «Поедем на Синкину гриву. покатаемся, заходи ко мне!» Взглянул на часы и добавил: «Часа через два!» Мишке все равно идти мимо, зайдет, куда денется.

Мишка рыжий, крепко сбитый, впереди вихор – не причешешь, не приладишь. Ноздри раздувает, если что не

по его. Забияка первый. Но со своими не дерется, умеет дружить. Они с Сашкой разные, как вода и пламя, но что-то их тянет друг к другу.

У Мишки отец плотник знатный, бывший фронтовик, на одну ногу припадает, но крепкий мужик, ядреный. На кулак с ним мужики не выдерживали. У него руки железные и нутром терпелив. Если пьяный шел по улице, люди старались с ним не встречаться и из ограда уходили - либо в дом, либо за дом, а то привяжется.

Но Мишка отца любит и гордится, когда взрослые говорят, что у его отца «золотые руки». Отец все больше на работе, а если дома – без дела не сидит. Он не пойдет полоть грядки, да и тяпку в руки не берет, его инструмент – топор да рубанок. Зимой сети вяжет или валенки подшивает, вот и Сашке подшил – любо-дорого!

Сашка немного завидовал Мишке, что у него такой отец. У него тоже есть отец, только с ними не живет. Он живет в городе и приезжает раз в год. А прошлым летом мать отправила Сашку на несколько дней к отцу, где отец и подарил Сашке часы «Победа». Потом его чуть «не съела «новая жена», но Сашка этого не слышал и часами очень гордился.

Отец от них не уходил со скандалом. Поехал учиться на повара-кондитера, а там, в основном, женщины, он и свихнулся, как сказала о нем мать. Сашка у матери один - и надежда, и опора.

Мать работает дояркой. Её посылали на ВДНХ. Вернулась в красивой шали и с медалью. Сашке приятно, что часто в газете печатают материн портрет, но он жалеет её, шибко тяжелая у неё работа. Ей не досталось полного женского счастья, но как зеницу ока берегла то, что есть и считала, что сын, дом и хороший заработок – это немало.

Для двоих у них было приличное хозяйство: нетель, поросенок, несколько кур, да красавец петух – подкрепляли основательность их жизни. Кошку и собаку к хозяйству не отнесешь, это как бы обязательная принадлежность в любом сельском доме.

Сашка любит всех своих питомцев. Прибежит со школы, всех накормит, напоит, похлопает, почешет. С котом Сашка спит, а собаку Дика повсюду таскает за собой, а тот и рад – всё лучше, чем сидеть на цепи. Когда хозяин мчится с горы, Дик преследует его с громким лаем, если упадет, то лижет лицо. Сашка шутя отмахивается, садится, берет лохматого друга за шю и прижимает к себе. Дик замирает от удовольствия, а когда хозяин отпустит его, он нарезает круги с визгом восторга. Друг Мишка широко улыбается, ему приятна эта сцена, он пытается погладить собаку, но куда там – третий лишний.

Да! Санка и Мишка покатались в этот день, и ещё не раз. Но пришла весна, и цепкие лучи солнца плавят снег на склоне их гривы. Темные пятна все увеличивались. Пьянящие запахи весны насыщали воздух. На реке уже пошла наледь, и рыбаки ждали, когда у берегов появится открытая вода, чтобы поблеснить щук.

Днем в улицах громкий разговор, мычание соскучившихся по лету коров, да лай неугомонных собак оживляли картину сельского быта. Особенно громко орали вороны, дрались и бранились меж собой, и из-за этого гвалта не слышно было журчания весенних ручейков, терялась музыка весны. Обострялись все чувства в ожидании чего-нибудь особенного, но редкие события «взрывали» этот устоявшийся мир.

Вскоре река вздулась мертвецки-синим льдом, в проталинах крутились воронки, и бурунами поднималась

холодная, свинцового оттенка, вода. Все таило в себе опасность.

Мужики на берегу смолили лодки. Холодный влажный ветер рвал на куски пламя костра, на котором разогревали смолу. Кто-то стучал киянкой, вгоняя жгуты льняной пакли в стыки обшивки лодки. Два подвыпивших соседа сгреблись побороться. Сразу нашлись советчики, стало шумно. Борцы потоптались, потоптались по кругу, да и упали набок разом. «Ничья», - объявил дед Платон. Он знал толк в борьбе. Раньше его никто не мог положить на лопатки, верткий был, как черт. Дед приходил на берег пообщаться с мужиками, ему уже за восемьдесят, а сидеть на печи не хочет и гонит от себя старость.

Ребяшня каждый день на Истоке, ждут ледохода. Друзья тоже здесь. Мишка тычет в лед шестом и говорит: «Санька, а ты на льдинах катался? Я вот плавал. Здорово! Хотя можно накупаться». Сашка жмет плечами: «Да я и раз плавал, так мать взбучки дала». Говорит: «Утонешь, домой не приходи!» Оба рассмеялись.

Лед тронулся накануне выходного дня. На другой день уровень воды в реке сильно поднялся, а лед все шел и шел. Мальчишки на Истоке прыгали на крепкую, проплывающую у берега льдину, плыли, отталкиваясь колом о дно, и, удачно подчалившись к берегу, спрыгивали на землю. В этом была бравада и желание поиграть с судьбой.

Сашка и Мишка потихоньку берегом дошли до устья Истока. Там речка пошире и впадает в рукав Оби. Чем ближе к большой реке, тем мощнее становился гуд. Этот тяжелый звук вызывал тревогу у людей и животных. Стихия показывала свою могучую силу и предостерегала, что она может быть опасной. Устье Истока гораздо шире

самой речки, и лед, теснившийся в берегах узкого русла, здесь нашел свободу и легко плыл туда, где его ждал настоящий натиск.

Мальчишки остановились возле всплывшего мостка. Мишка шагнул на мосток. Тот, немного затонув, нашел свою опору. Он добрал до края мостка и стоял с шестиком в руке. Прямо на него плыла большая льдина. Он обернулся к Сашке: «Давай запрыгнем, проплывем вдоль берега, а где надо причалим». Сашка на этот раз изменил себе, азарт взял верх, и он побрел по мостку. Льдина показалась им солидной. Сашка подбрел ближе, и они, накинув шестик, потянули её на себя, и им это удалось.

Первым на льдину запрыгнул Мишка. Она немного колыхнулась, но почти нисколько не ушла в воду. Мишка с восторгом крикнул: «Здорово!» И Сашка тоже вскочил на природный плот. Но от двоих льдина стала задирать нос, и Мишка, чтобы сохранить равновесие, продвинулся вперед, но тут его ждал сюрприз. Льдина ещё там, где её осенью прихватил Дед Мороз, а потом всю зиму наращивал ей тело, истончилась, не вся, а только часть её. Вот туда и шагнул Мишка. Негромкий хруст. Мишка опрокинулся на спину и стал бешено молотить руками по воде и кускам льда. Сашка продвинулся ближе к нему и протянул ему свой шестик, но Мишка отмахнулся: «Утонем оба». Он упер свой шест в дно и оттолкнулся в сторону берега, потом ещё раз и встал ногами на дно. Вода была ему по грудь. Только теперь он ощутил её ценкий холод. Несколько шагов, и он на берегу.

Вода стекала с него ручьем. Он скинул сапоги и вылил воду, а сам уже кричал другу: «Причаливай к берегу, пойдем домой!» Сашка пустил кол в воду поперек

хода, но льдина так наехала, что пришлось его отпустить. Он попытался поймать его сзади льдины, но кол вынырнул далеко. Мишка понял ситуацию и, быстро намотнув выжатые портянки, бросился по берегу догонять друга. Забежав напротив, Мишка швырнул свой шестик другу, но тот, ударившись торцом о льдину, отскочил назад: и с берега его не достанешь, и Мишке далеко.

Тем временем льдина стала отдаляться. Мишка сокрушался: «Эх, была бы веревка, кинул бы и притянул друга!» На берегу, как назло, не оказалось ни одного взрослого человека. Сашка крикнул ему: «Беги в улицу, позови кого-нибудь из взрослых!» Мишка убежал, а Сашка стал лихорадочно обдумывать, что можно сделать, но никакой полезной мысли не возникало. Только течение неумолимо несло его к Оби, где почти сплошным пестрым ковром шел лед. Его уже отнесло от берега метров на пятнадцать, и он думал: «Что если скинуть куртку и сапоги, доплыву до берега или нет?» Он бы, наверняка, доплыл, не хватало духу броситься в ледяную воду, и Мишка где-то пропал.

А тот тем временем метался по улице Источной, на которой народ, как сквозь землю провалился. Лишь в конце улицы показалась одинокая покачивающаяся фигура, но это был всегда пьяный Илешин Иван, которого звали «капитан Источной флотилии». Звали его так для потехи, у него никогда не было лодки, но тельняшка имелась. Она была настолько старая, что казалось, будто её хозяина расстреляли крупной шрапнелью. С этого капитана толку не добьешься.

Улицу Источную перегораживал ручей, который впадал в устье Истока, и Мишка подбежала к последнему дому у ручья, где жил молодой здоровый мужик Николай

Уваров. Тот оказался дома и трезвый, и сразу же вник в ситуацию. Николай нашел веревку, и они бегом, обогнув мысок, выбежали на берег, куда как раз вынесло Сашку на льдине. Николай набрал веревку кольцами в правую руку, а левой держал другой конец. Первый бросок получился неточным, веревка легла перед льдиной и пошла в воду. Николай быстро выбрал её и метнул второй раз. Узел просвистел у Сашки над головой, но веревка легла дугой за кормой льдины. Ковбой из Николая не получался. Он нервничал, бросил ещё пару раз, и все. Льдина была уже недосягаема. Течением, которое напирало из ручья, Сашку относило к середине реки. Его можно было снять только с лодки, но как назло, ни мужиков, ни лодок поблизости не оказалось. Все лодки на время ледохода вытащили на берег в безопасные места.

И вот уже Сашкину льдину подхватило мощное течение Оби. Он стоял, обреченно опустив руки, и смотрел на удаляющийся берег. То ли от холода, то ли от предчувствия гибели его стало потряхивать. Озноб нельзя было остановить, у него даже постукивали зубы. Надежда, что его льдину будет отгеснять к левому берегу и кто-нибудь на лодке снимет его, не оправдалась.

Когда его вынесло, между льдинами оказался прогал. Течением его затянуло в центр протоки, а дальше лед сомкнулся. Сашка ощутил жуткий страх. Кто он? Мусор, который несет вместе с шугой, скорее, песчинка – маленькая и незащитная. Он беспомощно опустился на льдину, вспомнил о матери. Бедная мама, она ведь этого не переживет. Сашка глотал слезы, которые покатились из глаз нескончаемым потоком: «Мамочка, мама, прости, что я не оправдал твоих надежд. Как же ты теперь будешь одна?» Он плакал навзрыд. Спазм горечи сжимал его

горло, и он не видел ничего вокруг потому, что в сознании стоял образ матери, которую он любил больше всего на свете и ничего теперь для неё не мог сделать. Сашка плакал долго, от слез у него стала болеть голова.

Вытирая глаза и нос, он огляделся вокруг, понял, что уже порядочно проплыл. Посмотрел на берег, там уже толпился народ, и стояла милицейская машина с мигалкой на крыше. Люди махали и что-то кричали, но шум ледохода подавлял любые звуки. Сашка подумал: «Наверное, и Мишка там». Лучше бы шел домой, ведь мокрый, можно простудиться. А вообще-то, как он пойдет, что дома скажет? Отец у него такой, что убьет. Вдруг размышления оборвались потому, что его льдина дала крен. Сашка обернулся и увидел, что сзади напирает более мощная. Он, не мешкая, сделал два шага назад и с разбега перепрыгнул на неё. Почувствовав себя более надежно, подумал: «Пока живой, надо бороться». Потом вдруг как-то бессознательно сдернул шапку с головы и перекрестился, обратившись робко по-детски: «Боженька, помоги, ведь если я утону, моя мама не переживет, заболит и умрет. А у нас скоро Майка отелится, кто её будет доить?» Слезы опять брызнули из глаз, но Сашка не дал им волю.

На берегу люди выдвигали разные идеи. Подъехала легковая машина - районное начальство. К ним подошли милиционеры, посоветовались и решили просить у сахарного завода катер. В прошлом году завод купил водометный катер-буксир, для своих нужд. Он мощный, и винты у него не срежет льдом, потому что они вмонтированы в корпус. Милиционер посмотрел в бинокль и вслух задумчиво сказал: «Креститесь. Да, все мы неверующие, а прижмет, начинаем креститься».

Сашка замерз, продрог, но с надеждой вглядывался в суесящихся людей. В том месте, где он сейчас проплывал, было сужение между берегом и островом, и потребовался бы ледокол, чтобы раздвинуть сплошной панцирь льдин, а дальше начиналась матера, то есть, река раздвигалась на большую ширину, там судоходное место. Время для него остановилось. Он только думал: что там впереди? А впереди, километрах в десяти, уже образовался затор. Лед набивало вниз до дна, а другие льдины, что полегче – выпирало наверх. Получилась искусственная плотина, из-за чего вода стала быстро прибывать.

Уже вечерело. Надвигались сумерки. Сашка шевелился, чтобы не замрзнуть. Его выпесло на матеру. Вдруг, он услышал гул мощного двигателя. Он закрутил головой: «Может, это вертолет прислали за ним?» Он увидел, что вдоль берега движется катер. Затеplилась надежда.

В рубке рядом с капитаном стоял милиционер и показывал в сторону Сашки. Катер заплыл выше по течению и, резко повернув, стал пробивать себе дорогу к цели. Он бил вперед, подавал назад и снова вперед. Подойти к Сашкиной льдине вплотную было никак нельзя – другие льдины отталкивали её, да и оставалась опасность, что она треснет. Метров за десять матрос с носа катера бросил Сашке веревку - точно на его льдину и крикнул: «Завяжи веревку на поясе и ложись на живот!» Сашка быстро привязал веревку, лег на живот. На помощь матросу поспешил милиционер, и они вдвоем потянули. Сашка скользил по льду, он выставил руки вперед и отбивал мелкую шугу. Когда его поставили на палубу, на нем не было сапог, зато сам был живой и целый. Иван

Иванович нагнулся и спросил: «Ну, что передрейфил? Не я твой отец, выпорол бы тебя, как следует. Беги в рубку».

Сашку и Мишку привезли в милицию, оформили протокол и на милицейской машине отвезли домой. Сашке повезло, мать в это время была на вечерней дойке. Он быстро разделся и залез на русскую печь. Холод, усталость и тягость пережитого отняли у него все силы, и он, засыпая, шептал: «Мама, прости».

Иванов сад.

У Ивана был слабый характер. Так как отец погиб на фронте, мать воспитывала его одна. Сгребутся, бывало, ребятня во дворе что-нибудь делить – и до драки. А мать Ваньке:

- Отступись, отдай, не дерись.

Вот он и привык уступать, да так и вырос. Женился Иван на корявой Фене. Была она лицом корява, но душой чиста, и жили они в мире да согласии. Как-то так незаметно появились у них два парнишки, которые росли, тянулись к солнышку.

Работали Иван с женой на пекарне. Феня была знатнаястряпуха, а Иван кочегарил. Так что хлебушек в их доме был всегда, не голодали. Зарплата, правда, низкая, и материальный прогресс отставал от соседских. По улице уже тут и там закачались, высясь, телевизионные антенны, затрещали «ижаки», а Иван кое-как велосипед себе справил. Люди начали приобретать стиральные машины, холодильники, а Феня всё вручную стирала. И, видимо, Бог их наконец-то заметил.

А началось это с того, что Иван по весне пошел на озеро порыбачить и патакался на выводок утят. Весна стояла холодная, и утка выщипала из себя все перья, утепляя гнездо. Иван изловчился и поймал её, потому как летать без перьев она уже не могла. А затем и утят всех переловил. Сложил утят в садок, который брал под рыбу, утку за пазуху, и – домой. Дома запустил утку с утятами в сарай, отдельно от кур, и стал их терпеливо растить.

Сначала утка сильно дичилась: забьётся в угол и утят всех под крылья упрячет, но голод не тётка, своё возьмет. Стала она выходить кормиться и выводить утят,

когда на дворе никого не было, а потом пообвыклась. Иван, бывало, сыпанёт дроблёнки в корытце, в старую кастрюлю нальет воды, к ней кирпичи ступеньками положит, выйдет из денника, усядется на чурку посреди ограды и поглядывает на уток.

Высунется утка раз, другой, потом заковыляет к кормушке, поклюёт-поклюёт сама да и даст сигнал своим утятам. Тогда уже утята один за другим выбираться из укрытия начинают, да поклёвывают зернышки, что помельче. Затем по кирпичикам и – в кастрюлю, прыгают, как десантники. И шустрые, словно стригунки.

Иван сидит на чурке, не шелохнётся, наблюдает за утиной семьёй, и на душе восторг. С одной стороны, – вроде забава, а с другой – десяток кряковых к столу – привар не малый.

Шло время, утята подрастали. Стали оперяться. Самочки в серенькое с блеском оделись, носики, будто пластмассовые, а селезни украсились цветным оперением – глаз не оторвать. И мама утка – тоже облагородилась новыми перьями, но оставалась всё такой же строгой и осторожной. По утрам, да и среди дня, они разминали свои крылья. Утка крякнет, и давай все остальные, пристав на лапках, крыльями махать, мышцы накачивать.

Наблюдал Иван за этими упражнениями и думал: «Надо бы сетку над денничком натянуть», а руки все не доходили до этого. Однажды Иван ушёл на работу. Птицу выпускали ребяташки. Как всегда, утка-мама крякнула, чтобы молодняк приступил к зарядке, а сама принялась делать сильные взмахи. Затем крякнула дважды, и все утки поднялись в воздух, дали круг над домом, который приютил их, и улетели на озеро. Вернулся Иван с работы, а сыновья наперебой принялись рассказывать отцу, как

утята совершили бегство. Иван молча уселся на чурку и долго-долго сидел, опустив плечи. И, наверное, в первый раз, как он принёс уток домой, посетило его чувство глубокого огорчения. Ему вспомнились слова матери: «Отступись, Ванька, махни на всё рукой».

Приближалась зима. По селу разнёсся слух, что с фермы сбежало много свиней. Ну, сбежали – и сбежали, Ивану-то какое до них дело. Но вот, как-то утром, он вышел во двор, а у стенки сарая, удобно устроившись, лежит боров. Иван начал, было, его прогонять, но тот, ловко прошмыгнув в сарай и там затих. Ивана аж пот прошиб. Он поозирался по сторонам, никого из соседей не заметил, закрыл сарай на засов и вошёл в избу – совет держать с женой. Думали-думали и порешили оставить его у себя, дескать, это им компенсация за улетевших уток вышла. Боров смиренным оказался, и Иван перегнал его втихаря в тёплый хлев. Детям строго-настрого наказали: держать язык за зубами. А самих ещё несколько дней било, как в озноб: в жизни ведь ничего чужого не брали, а тут чёрт, видать попутал.

Колхозный бригадир Митяй-длинный ездил по улицам верхом на коне и всё выпрашивал:

- Можка к кому свинья забежала?

Но односельчане, как в рот воды набрали. Не любили Митяя в колхозе, потому никто его не пожалел. Недостача у него получилась более двадцати голов. Сняли его с бригадиров, перевели в скотники. Судить не стали, а за сбежавших свиней удерживали регулярно из зарплаты.

Так и дожил боров у Ивана в хлеву до морозов. А на ноябрьские праздники позвал Иван своего дружка Филиппа с мелкашкой, на том дело и было закончено. Зиму всю ели мясо свиное, хоть и с опаской, зато вволю.

Иван к весне раздался вширь — стал на мужика походить, а у Фени даже корявины на лице разгладились.

А Бог-то, если уж щедр, то на одном не остановится.

Нежданно-негаданно из-за границы весть пришла: у Ивана Серых родственница за рубежом объявилась. И перед смертью своей оставила Ивану большое наследство.

Ванька от такой новости чумной ходил, будто ему притолока на башку упала. Люди у него что спросят, а он глазами ворочает — ну, никак ему вопрос в мозги не впитывается. Пошёл даже слушок, мол, Ванька-то офонарел, вольтанулся от счастья.

А вскоре вызвали Ивана куда следует. Идёт он, трусится, что собачий хвост, боится: вдруг там вместо наследства у него про мясо съеденное выпытывать станут. Короче, идет, не чуя под собою ног. Не знал он прежде, что у отца была какая-то тётка, и что до революции ещё служил^а она домоуправительницей у купца Минусова в городе Томске. А когда Колчак отступал, тётка, прихватив драгоценности купца, сбежала с конюхом на паре породистых лошадей в Минусинск. А Минусинск-то и был, будто бы назван в честь того купеческого рода. Стоял там приёмный пункт, где от старателей золото принимали. Тётушка ловкой и здесь оказалась: всех общёлкала. Поболее пуда золотишка в слитках, да пуда четыре песком хапнула. Наняла проводников бывалых, и на конях с ружьишками люди те их в Китай переправили.

За годы скитаний подрастрясла она мошну, но не всю. Осела в Австрии, с немалым капиталом. Да с тем самым конюхом и прожила всю жизнь. Кренка тётка оказалась. Одна беда: детей своих у неё с кошоном не случилось. Стукнуло ей девяносто. Тут она и

призадумалась: кому добро ей передать. И вспомнила, что ещё до революции приезжала к ней сноха в гости с племянником Павликом. Парнишка крепеньким рос. Полюбился ей племянник, своих-то детей Бог не дал. Когда гостей провожала, все глаза исплакала. После посылки слала, а вот встретиться так и не привелось. Отец Павлика рано умер, и мать в голодуху чахотку подхватила. Вместе с младшей дочерью Полинкой истаяли. Приютили Павлушку чужие люди. А парень возмужал – женился и появился у него сынок – Ванька. Стало быть, наш герой Иван Павлович. Второй годок лишь пошёл ему, когда Отечественная война началась. Пришёл Павел домой, показал жене повестку, поцеловал Ванятку в пупок, пощекотал жесткими усами и ушёл с вещмешком на фронт. А к зиме уже похоронку прислали.

Досталось матери Ивана в войну лиха. Работала она в ремесленном училище, там и угол с сыном снимала, там и столовались. Рос парнишка в этой вечной суете незаметным, тихим, слабохарактерным. После войны уже пересели их в барак. Как ни рос Иван, а вырос, сам женился, да детей с Феней нарожали.

Сидит Иван в коридоре областного КГБ, трясётся, а сам думает: «Где же ему и какими деньгами наследство выдавать станут? А, может, вынесут узел с бабкиными обносками – глядишь: что и жене подойдёт ещё».

Пригласили в кабинет. За большим столом сидит человек в гражданском – виски седые, глаза умные. На столе перед ним какие-то бумаги, поверх них – очки. Сбоку, за приставным столом ещё один, помоложе, в форме майора, лицо злое, угрюмое. Разговор начал старший.

- Ну, что, Иван Павлович, вы уже знаете, что вам из-за границы наследство пришло?

Иван кивнул головой, кашлянул в кулак.

- И как вы относитесь к этому?

- Да как? Оно, может, и ненужное чего? А ежели деньжонки – дак они завсегда нужные....

Старший насупился, а майор неодобрительно покачал головой.

- А вы знаете, какие это деньги? Это – деньги империалистов, наших врагов. Они на нашей крови и поте трудового народа заработаны. А вы – «завсегда нужные». Где она взяла эти деньги, ваша бабушка? Наверняка, из России ещё вывезла. Стало быть, деньги эти – народные. Мы предлагаем вам, как честному человеку, отказаться от них в пользу государства.

Ивана покинула дрожь. Лицо вытянулось, как у борзой, перед охотой:

- А что, государство никакими деньгами не гребует? И сколько же их там, если ими можно поднять государство? – спросил Иван и сменил выражение лица. Теперь это уже был прищур дуэлянта-победителя.

Начальники переглянулись. «А он не так прост, как с виду кажется, надо бы с ним пожестче», - подумал старший и произнёс вслух: - Вам Советская власть дала всё, а вы здесь Ваньку валять вздумали.

Ваньку понесло:

- И что же она мне дала? Голодное детство? Да у меня отец в войну погиб. И что я видел? Только вечно больную и полуголодную мать? Я и есть тот Ванька, и это вы меня валяете. Если что положено – так отдайте мне, а писать я ничего не стану и отказываться тоже.

В глазах начальства заплясали злые огоньки. Разговор получался тяжелым, изнурительно длинным, не по их задумкам и сценарию.

Вышел Иван из кабинета, слегка покачиваясь, и ещё не осознавая – с какой ломающей силой ему довелось только что столкнуться. Дома молчал. Феня сочувственно поглядывала на него, стараясь угодить во всем, и с лишними расспросами не лезла. Не бередила душу Ивана.

На другой день поднялся Иван раным-рано, побродил по двору, чего-то постучал, вошёл обратно в избу. Феня ещё спала. Открыв глаза, она увидела перед собой лицо мужа и не поняла: то ли он хотел её поцеловать, то ли что-то на ухо прошептать. У него светились глаза.

- А ведь хрен я им денежки отдам! Не на того напали. Вот им, - он отмерил левой рукой по локоть правой, - должны ведь и мы по-человечески пожить.

Через неделю Ивана снова вызвали в то же учреждение. И если в первый раз шёл он не догадываясь, как дело обернётся, то теперь знал, что ему следует ожидать, и как себя нужно держать. Твердой походкой он вошёл в кабинет. В кабинете сидели всё те же хмурые и сосредоточенные лица. Иван поздоровался и присел поодаль, приняв смиренный вид. Его пригласили за приставной стол. Он помялся и, махнув, я, мол, здесь – решил остаться на прежнем месте, выиграв, как ему показалось, первый ход.

- Ну, что, Иван Павлович, что вы надумали за это время? – начал старший.

- Да ничего нового – ответил Иван и, смахнув фуражкой с лица простоту, поджал губы, приготовившись к следующей атаке. Часа три ломали его эти два

профессионала, однако он закалялся прямо на глазах. Проснулся-таки в нем русский характер, веками питанный огнём и лихолетьями.

Гебисты нервничали, курили, а Иван всё нёс окоlesiцу, то про барак с клопами, то, как с молодой женой в деревню переезжал, то, как мать хоронил. Одним словом, они ему про Фому, а он им про Ерёму. И ничего не поделаешь: семидесятые годы уже стояли, не сталинские времена. Отпустили его начальники, а промеж собой говорят, что придётся, видимо, из Австрийского посольства представителя вызывать, да нотариуса приглашать, чтобы оформить, как положено, наследство, а то уже всё, сроки поджимают. На том и порешили.

Через несколько дней к Ивановой избе подкатила обкомовская «Волга», из которой вышли мужчина и женщина. Нарядные такие, и духами дорогими пахнут. Спросили разрешения войти в дом. Вошли, осмотрелись. Иван дома один оказался: жена на работе, ребятня где-то заигралась.

Хозяин смахнул со стола полотенцем, усадил гостей, предложил на выбор – молоко или чай. Первой заговорила дама:

- Видите ли, Иван Павлович, вам досталось, большое наследство. Как вы им распорядитесь?

Иван, помедлив, ответил:

- А вы видите, какая у меня хата? Дом себе просторный построю. Сыновья, опять же, подрастают, думаю дать им хорошее образование. Пусть в люди выйдут. На море с женой съездим, в санаторию. А люди сейчас и без наследства живут – будь здоров, особенно начальство! А мы в деревне в дерьме кувыркаемся....

Гости переглянулись, им явно не понравился ответ Ивана.

- А вы не выпиваете, Иван Павлович?

Иван стукнул себя по лбу:

- Э, да вы вон о чём печётесь, боитесь я наследство пропью. Ха-ха! Да я пить не люблю, у меня ж от этой отравы все кишки сводит. Я, ить, даже не курю. Так что будьте спокойны, денежки не профукаем. А сколько их там есть-то? Вы бы хоть сказали. А то получается – много пены и мелких брызг!

- Капитал у вашей бабушки был не малый – девятьсот тысяч австрийских марок, да особняк двухэтажный. А это ещё тысяч пятьсот-шестьсот! В целом, миллиона полтора получается. А в переводе на наши рубли – тысяч четыреста выходит.

У Ивана от названной суммы аж глаза округлились. Он присвистнул:

- Ничего себе! Да таких денег нам и всей деревней не пропить. А вы: «пьёте, не пьёте».... Нет, столько денег нам не надо, на что они нам?

- Ну, это вы будете решать со своей женой. В понедельник приедете в областную нотариальную контору. Да оденьтесь поприличней – вас придётся иностранцам представить.

Вихрь мыслей у Ивана заколобродил: никак не мог представить себе он такого свалившегося вдруг счастья. А, может, и несчастья. Он стоял и моргал, как фонарь на светофоре, переводил взгляд с одного гостя на другого. Гости, так и не испив чаю, упылили в город. А Иван всё ещё закидывал руку за голову и скрёб затылок. Когда пришла с работы Феня, он рассказал ей о необычном

визите гостей, а когда она спросила: «Сколько же будет денег», - ответил ей: «Чёртова уйма!»

У иных людей, при ощущении приближения денег, начинают появляться порочные мысли. Никаких таких мыслей у Ивана не было. Кроме тревоги: не нарушит ли всё это их устоявшегося быта, того уклада жизни, который его вполне устраивал. Но больше всего он страшился зависти людской. А это – похуже болезни, она разъедает человека, отрицая все нормы морали. Завистливые люди способны на всё. Два опытных гебешника рвали его, как троекурввские псы, но делали они это по заданию. А в деревне, наверняка, могут найтись недоброжелатели, и они будут поопаснее тех, из казённого кабинета. Он потерял сон и желал одного: поскорее бы всё это закончилось.

Собираться в город начали за три дня до назначенного времени: курили Ивану новые туфли, а Фене – кофточку с брошью. В город поехали всей семьёй. Нашли нужное здание. Уже в вестибюле их встретили и проводили в кабинет, где собралось несколько человек. Тут же была установлена и видеокамера с местного телевидения. Потом женщина хлопнула ладонями и скомандовала:

- Можно начинать.

Заговорил рыжий высокий человек, на непонятном языке. А другой, переводчик, спросил:

- Правда ли, что вы являетесь сыном Серых Павла Романовича, 1909 года рождения, который погиб на фронте?

Иван кивнул, достав паспорт и метрики. Маленький толстый человек начал объяснять наследнику: что и сколько ему причитается. Выходило так, что им оставалось

после всех налогов и вычетов двести сорок тысяч нашими рублями. В придачу - особняк в Вене.

У Ивана вспотели ладони, и он залепетал:

- Какой особняк? Не нужен нам особняк, мы никуда из своей деревни не поедem. Нас гоняли как-то уже сдавать кровь из вены – приятно мало.... Не, я уж лучше дома....

Все заулыбались, а рыжий, склоняясь к переводчику, слушал и даже хохотал. Маленький толстяк тут же зацепился за слова Ивана:

- Может, вы откажетесь от особняка в пользу государства? Нашему министерству иностранных дел по зарез нужны за границей здания – для посольских нужд.

Иван с радостью закивал головой. Переводчик перевёл рыжему, и тот одобрительно похлопал наследника по плечу. Бумаги составляли долго и тщательно. Затем зачитывали на двух языках и предложили Ивану несколько раз расписаться.

В итоге Ивану Павловичу Серых положили на книжку двадцать пять тысяч рублей, а остальные – перевели на бессрочный депозит, снять с которого можно было только по особому распоряжению Правления Сбербанка – на особые нужды.

Толком Иван так ничего и не понял, но то, что теперь у него на руках была сберкнижка и денег на ней – на пять новеньких «Жигулей», этот факт он уразумел. Он расхрабрился и даже для всей страны сказал в видеокамеру, чтобы граждане хранили деньги в сберкассе, поскольку это выгодно, удобно и надёжно.

Провожали их с поклонами и рукопожатиями, навеличивая счастливи́ков Иваном Павловичем и Фёклой Петровной. Вышла семья Серых, как стайка тех утят, и не знали от волнения, куда им податься дальше.

- Давайте для начала найдём какую-нибудь столовку, есть ужасно хочется, - предложил Иван.

И уже сидя за столом, спланировали свои дальнейшие действия. Кружили по городу целый день. Сняли с книжки тысячу рублей. Купили телевизор и разного шмутья набрали в универмагах. В деревню вернулись к ночи. И закрутилась уже иная жизнь.

Народ деревенский всё лез к ним с расспросами: мол, что да как?

В колхозе организовали газовое хозяйство и предложили Ивану его возглавить. Направили в город на трёхмесячные курсы. А вскоре по деревенским хатам стали развозить и устанавливать газовые плиты. А Иван наш, с папкою под мышкою, только успевал регистрировать установку печей да инструктажи проводить по пользованию газом.

А личные дела, вроде как шли параллельно. Какой-то мужик поставил на пустыре, над рекой, добротный сруб. Да на этом стройка его по каким-то причинам и заглохла. Стоял тот сруб уже который год, высохнув брёвнами аж до звона. Иван нашёл хозяина, выкупил сруб и нанял бригаду – достраивать. И закипела работа. Дом получился на славу – светлый, просторный, с резными наличниками и под жестяной крышей. И уже через год семья справила в нём новоселье. Зажили в нём справно, в достатке.

И тут жена стала примечать: ходит Иван, и аж светится весь от каких-то мыслей. И, похоже, не от собственного благополучия. Наверняка что-то удумал.

А недавно совсем в селе построили новый клуб, а сбоку и позади клуба оставалось много свободной земли. Стал Иван хаживать вокруг того клуба, что-то вымеряя шагами и даже вычисляя, шепча губами. Потом пригласил

колхозного прораба, завели с ним разговор. Предложил Иван прорабу: разбить и построить на этом самом пустыре парк культуры и отдыха. Заказали проект. Запланировали в том парке площадку под танцы, качели, хоккейную коробку. Вдоль дорожек – лавочки и даже скульптуры. И всё это – под фонарями! Вопрос этот жарко обсуждали на сессии местного сельсовета. На строительство дали добро.

Иван Павлович написал заявление на имя Правления сбербанком, чтобы депозитные деньги его, все двести тысяч, перевели на сельский совет – на общественное дело – для строительства парка культуры и отдыха. И тут решился вопрос положительно. И уже за один год были выполнены все строительные работы. Открытие парка получилось шумным, опять приехало телевидение. Играл духовой оркестр.

Иван никогда не любил повышенного внимания к своей персоне, а потому спрятался. Попросил жену запереть его в доме на замок, а всем отвечать, что он куда-то уехал из села.

Подойдёт Иван незаметно к парку, положит руки на изгородь, и стоит, любуясь на всё это. Однажды шёл он по своей улице, а навстречу ему попалась стайка ребятишек, энергичные такие, живые. Переговариваются между собой. Тут кто-то предложил: «Идём в Иванов сад!»

Слова эти словно в спину Ивану стрельнули. «Это ж кто так придумал – его именем парк называть-то? Вот ведь как получается: не хотел я, сам не навяливался. Люди додумались....»

Поднял Иван к небу глаза и увидел, как пролетала над ним стайка уток. И подумалось ему: «Может, это мои летят?! Да! Добро-то ведь добром же и обернулось. Красота....»

Тетя Мотя и кот Котя.

Тетя Мотя жила не одна, но её яркая натура затмевала другие личности, и потому она была осью в круговороте семейной жизни. Своим разумным словом она умела ещё в зачатке погасить искры недовольства у горделивой казачки-снохи. Тетя Мотя внешней красотой не отличалась. В семье у них была огромная мосластая комолая корова мышастого цвета. Она походила на верблюда, и тети Мотин брат иногда шутил: «Самые красивые в нашем краю – это наша Мотя и её корова».

Тетя Мотя вставала раньше всех. В их дворе было множество всякой живности, все они тянулись к её ласковой шершавой руке и вслушивались в её посвистывающее дыхание. Всех, бывало, приласкает: почешет или погладит каждого дворового питомца. Но больше всех ласки доставалось коту – огромному пушистому красавцу. Кличку свою он получил от соседского малыша, который ещё плохо говорил, и кроме «мама», «папа» и «дай-дай» ничего не произносил. От вида этого пушистого красавца у ребенка округлились глаза, и он с маху вымолвил: «Котя!» Тетя Мотя согласилась; «Да, Котя, пусть будет Котя». Потом были слезы, потому что Коте не нравилось желание малыша таскать его на руках, но так или иначе знакомство состоялось. Кот часто сопровождал хозяйку по двору и за ограду, но только не любил ходить в денник. Ему как-то хватило одной встречи с огромным хохлатым гусаком. Когда они столкнулись, у кота шерсть поднялась, вся до последнего волоска, дыбом, но гусака это отнюдь не испугало, и он так долбанул Котю своим стальным клювом, что тот заскочил на крышу сарая и уже сверху стал наблюдать, как этот белый великан

гоголем ходит вокруг сговорчивых гусих. Но, несмотря на некоторые неудачи, жизнь у Коти была как у всякого нормального кота. Он много ел, долго спал и все его беспрестанно ласкали, особенно тетя Мотя. Он устраивался у неё на коленях и в особых порывах нежности мог покалывать хозяйку, выпуская огромные когти.

Как-то тетя Мотя пошла кормить птицу, зашла в кладовку, открыла крышку на бочке с зерном и обнаружила там маленькую серую мышку. Мотя, не долго думая, опустила крышку, зашла в дом, и взяв на руки полусонового Котю, молвила: «Ну-ка, пойдём, золотко, на охоту». Подняв крышку, она опустила кота на дно и крышку прикрыла так, чтобы следить за действиями кота. Кот сначала следил за хозяйкой, но потом стал озираться по сторонам и, о, Боже! – увидел мышку! Кот озверел. Усы у него зашевелились, шерсть встала дыбом, спина выгнулась горбом, но вместо того, чтобы броситься на мышку, он издал истошный вопль и замер, а мышка с испуга засуетилась, немного побегав, спряталась под его пушистым хвостом. От сделал отчаянный бросок вверх и вышиб крышку у тети Моти из рук. Крышка, ударив хозяйку по глазу, отлетела в сторону. Тетя Мотя от удара и от неожиданности повалилась в угол кладовки. В доме все услышали вой, грохот и звон стекла, так что повыскакивали все. Выскочив, увидели такую картину: в углу кладовки в ванне с пустыми бутылками сидит их любимая мать и бабушка, прикрыв один глаз рукой. Второй глаз меж тем смотрел на чердак, где скрылся их всеобщий любимец – «охотник», а в бочке по дну бегала маленькая серая мышка.

Утром тетя Мотя провожала корову. Она шла, низко опустив голову, сильно натянув платок на глаза. Из тумана «нарисовалась» веселая фигура пастуха Кости. «Ты чо, Матрена Антоновна, сегодня отстаешь, у.... да ты никак с фонарем, кто это тебя?» «Да кот, подь он к черту», - ответила тетя Мотя. «Видно у кота на лапе был кастет», - хохотнул в ответ Костя. Коровы обходили их, с опаской поглядывая на бич. Костя дождался последнюю и погнал стадо.

Вернувшись домой, тетя Мотя решила прилечь на часок, и только успела устроиться на диване, как тут же в ноги ей запрыгнул кот, и мягко ступая, стал пробираться вперед.

- Иди уж, - приподняла хозяйка старую шаль. И вдвоем они забылись в счастливом сне.

Чертовщина.

Борис Семенович Барабашкин – заядлый рыбак. Маленький, подвижный, всегда веселый и деятельный. В круг его основной деятельности входили: рыбалка, игра на гармошке, выпивка и производство детей. Он как-то не замечал бытовых неудобств или скудость стола. Дети росли, не балованные отцом. И все в их доме было маломальски устроено его женой Дусей. Люди, проходившие мимо их завалившегося забора, улыбались и останавливались послушать переливы «тальянки». Музыка благодатной волной вливалась в души односельчан и возбуждала уважение к гармонисту. Росточку он малого, ну прямо - «прыщ», а все ж - деревенская «звезда». Жена его любила, а уж как он её любил, знал только Бог. Бывало, позовет её: «Дуся, иди сюда, на завалинку, я новую песню разучил». Она, вроде как, отмахнется, а сама идет. Борис Семенович заиграет, а сам так ласково на жену посмотрит, что у неё румянец по лицу разольется. Так и жили. Дети уж выросли. Старший в армию ушел, а хозяин всё не меняется.

В этот день он проснулся поздно. Жена давно ушла на работу, ребятишки разбежались кто куда. Побродив по двору, ополоснул лицо в бочке. «А не съездить ли мне на рыбалку?» - подумал он. В предбаннике давно стоял сломанный велосипед. Борис Семенович выкатил его и принялся за ремонт. По двору расхаживали куры и наневали свои куриные песни, хозяин тоже незаметно стал что-то мурлыкать, так в непринужденной обстановке и закончил ремонт. Удочки у него были всегда в полной боевой готовности и, привязав их к раме, надев резиновые санюги, выгнал за ограду железного коня. Постоял,

подумал и вернулся, чтобы прихватить картуз и плащ-дождевик.

Велосипед легко нес его по сельской дороге, побрякивая звонком. Чья-то звонкоголосая собачка долго преследовала его, пытаясь схватить за сапог, но никто не оценил её рвения, и она, притомившись, отстала. За селом, проехав ещё с километр, он повернул влево по узкой коровьей тропке, петляющей меж кустов. Кусты вдруг раздвинулись, и вот она – чистая водная гладь Чертова озера. Вдоль озера паслись коровы, а под кустом, в тенечке, сидел пастух Костя-карнаухий. Спешившись, Борис Семенович направился к пастуху и, ещё не доходя, крикнул:

- Ты бы стадо отогнал подальше, а то меня здесь овод заест.

Костя в ответ осклабился, показав полный набор желтых прокуренных зубов:

- А ты, Борис, лови паутов и на крючок их, карась, знашь, какой попрет! Я утром пробовал, сидел, сидел, поплавок не шелохнулся.

Борис Семенович не поверил. Размотал удочки, наживил червей и нарушил водную гладь цветными поплавокми. Костя, щелкая бичем, отогнал немного стадо и вернулся к рыбаку. Клева не было. Пастух потоптался возле него и выдал предложение:

- Слушай, Семеныч, давай сообразим на бутылку, и жизнь станет веселее».

Посудили-порядили, и вскоре Борис покатил в сельпо, взял вместо одной две бутылки водки. Когда вернулся, Костя уже развел костер и насаживал на прутики сало. С утра у Бориса Семеновича душа просила праздника, и - вот он. Они налили по одной, водка

оказалась теплой и противной. В желудке её пришлось удерживать салом и сочным батуном. Если первая идёт, как говорят колом, то вторая пошла соколом. Вскоре они запели, даже птицы в округе замолкли. Они пили ещё, о чем-то спорили. Пришло время гнать стадо, а Костя разомлел под кустом. Умные коровы сами потянулись одна за другой в деревню. Они не торопились, чтобы не расплескать накопившееся за день молоко.

Летний вечер длинный. Костя проснулся ещё засветло, растолкал напарника, чтобы вместе опохмелиться. Похмелились. Костя, перекинув через плечо бич, спотыкаясь, побрел туда, куда ушло стадо. Его смена считалась законченной.

Борис Семёнович остался один. Ехать домой не было сил. Но он отогнал велосипед к дороге и спрятал в куст. Вернулся к озеру, проверил удочки и, ничего не обнаружив, смотал их и унес к велосипеду. То ли он хотел порыбачить на утренней зорьке, то ли просто хотел спать, он и сам вряд ли понимал. Вернувшись на берег, отодвинул головешки костра и, завернувшись в дождевик, лег на теплую землю. Может быть, ему было жарко, и он откатился от этого места и свалился под бережок.

В это время к берегу подъехала машина. Два рыбака из города, вырвавшись от производственных и домашних проблем, весь день рыбачили у реки, а переночевать решили у озера. Карасиный клев на утренней зорьке – это мечта любого рыбака. Расположились не у самой воды, а чуть поодаль. Развели костер, намазались мазью от комаров. У костра разложили скатерть самобранку, завалив её яствами. Жизнь замечательная! На небо выкатилась «отмытая» луна и отражалась на поверхности озера. На другом берегу заливался соловей, не хуже

курского. Мужики опрокинули по стаканчику «Старки» и завязался непринужденный разговор о том, о сём, о земной благодати и прочее. Когда откинули первую бутылку, разговор стал громче. Они уже не замечали, что вокруг поют птицы, а на окраине села лают собаки, что костер лишь тлеет. Вдруг один спросил другого:

- Андреич, а ты знаешь, почему озеро Чертовым называют?

- Да нет, - ответил другой - может потому, что здесь черти водятся?

В это время проснулся Борис Семёнович и забормотал. Мужики оцепенели, и тут на фоне лунного диска, отражающегося в воде, показалась маленькая чумазая мордашка с взлохмаченными волосами. Мужики не могли двинуться с места, один так и замер прямо с огурцом во рту. У «чертенка» в глазах отражался красный отблеск костра, и он, ткнув в рыбаков пальцем, спросил:

- Вы кто?

Мужики сорвались с места и кинулись в разные стороны. Один оказался на окраине села, а другой на берегу реки. Всю ночь, до утра, они кричали, надеясь найти друг друга. А тем временем Борис Семенович, обнаружив клад в виде скатерти-самобранки, присел к ней. Поел окорока с огурчиками, запил колой и подумал: «Надо убираться, пока мужики не вернулись, а то накостыляют». Прихватив, бутылку, он ушел и залег в тот куст, где прятал своего железного коня и снасти. Проснулся утром по холодку, в кармане бутылка и подумал: «О, ёлки, зачем я взял пузырь, надо уносить ноги!» Выкатил велосипед, привязал удочки и направился домой. Велик вёл в руках, так как не мог на него сесть. На окраине села встретил мужика, который маячил туда-сюда, а потом вдруг начал

присматриваться к Борису Семеновичу. Но когда он удалился вглубь села, мужик двинулся к озеру. Его напарник тоже сориентировался, и вскоре они встретились. Осмотрев все, заместили пропажу водки. Их потряхивало от утренней свежести и от всеночного бдения. Один другому сказал:

- Егорыч, я, кажется, видел нашего чертенка, от которого мы всю ночь бегали, он с велосипедом пьяный пошел.

Егорыч смотрел на Андреича красными, воспаленными глазами, потом начал хохотать. Смеялись до слез, аж попадали на землю и катались. Немного передохнут и снова хохочут, и так до изнеможения.

Вот чертовщина!

Через несколько дней Борис Семенович встретил пастуха, и хотел было спросить насчет клева, но Костя его опередил:

- Ты, как, Борис, тот раз порыбачил?

Борис помялся и ответил:

- Рыбалка не удалась.

Костя заухмылялся и возразил:

- А мне сдастся, что удалась. Мужики тебя спрашивали, сказали, поймаем этого чертенка, рожки поотшибаем. Но я не сдал. Так, что ты у меня в долгу. Ну, да ничего, как-нибудь зайду, поиграешь на гармошке - и в расчете. - Костя закинул бич на плечо и пошагал, а Борис Семенович наблюдал, как кончик бича змейкой бежал по дороге за пастухом и, махнув рукой, пошел своей дорогой.

Свинка.

- Люся, я только что из больницы.
- И что?
- Люся, я серьезно заболел.
- Успокойся, дорогой, понимаю и как сейчас помню: ты лежал на диване с растяжением и все время что-нибудь требовал: то подай то, то подай это, лучше бы ты помер, я бы подала последний раз и отмучилась.
- Если бы я помер, ты мне уже ничего бы не подала.
- Да не тебе, Гриша, нотариусу документы на наследство.
- А! Ты черствая! Циничная! И, вообще, ты меня не любишь. Так серьезно я заболел в первый раз и даже, может, скоро умру!
- И что же это за болезнь, интересно знать?
- Болезнь страшная, если даже не умру, то останусь бесплодным.
- Ой, уморил. Да ты им всегда был, поэтому у нас нет детей. Ну, нет, второе нам уже не грозит, лучше помирай, и наконец, назови свое заболевание, хочу знать, есть у меня надежда?
- И назову.
- Назови.
- И назову.
- Я жду, Гриша, с нетерпением.
- У меня эта....
- Что эта?
- Ну, эта....
- Ну, решайся, наконец, а то я сойду с ума от нетерпения.
- Знаешь, Люся, у меня свинка.
- Свинка??? О, Боже, мои надежды рухнули. У людей болезни, как болезни, а у него свинка. Это зов предков «хрю-хрю». С кем я живу?!
- Люся, ты меня оскорбила.
- Оскорбила? Как, дорогой? Я просто называю вещи своими именами. У настоящих мужиков и болезни

настоящие. Например, инфаркт, ножевые ранения, перелом челюсти. Что-нибудь чисто мужское, наконец.

- На конец? Нет уж, уволь, этого никогда не будет.

- Чего же ты боишься, что тебя сразу раскусят, да?

- Я тебя не понимаю, чего меня кусать, я же не грецкий орех, что во мне можно найти такого?

- А вот и найдут, я-то не понимала – молодая была, а потом вошло в привычку, теперь все понятно.

- Да что тебе понятно?

- Что, что? А вот то, когда ты любовью занимаешься, в последний момент всегда хрюкаешь.

- Но, Люсь, это ж от удовольствия.

- Не знаю от чего, но корни твоего происхождения мне понятны. Поэтому ты и изменить мне боишься. Боишься выдать себя, да?

- Ты что посеешь, Люсь, какие корни?

- У человека человеческие корни, а у свиней свинские.

- Ты что, с цепи сорвалась?

- Тогда какие у тебя корни?

- Я вот почти изменил тебе и вот результат – свинка.

- Как это «почти»?

- Ну, поцеловал и все.

- Ты? Поцеловал?

- Да я, а что я лысый?

- И кого же ты поцеловал, кроме меня, ну-ка, расскажи?

- Я поцеловал твою маму, и теперь у меня свинка, теперь ты можешь поразмышлять о своих корнях.

- Гриша, я хочу знать, когда это было?

- На 8 Марта я подарил ей подарок и поцеловал в щечку.

- Вот это да! А я и не знала! Ой, Гриша, я тебя так люблю! Ну-ка, раздевайся и быстро в постель! Ты болсешь. Что тебе приготовить на ужин? Дай я тебя поцелую, я не боюсь заболеть свинкою. Вместе и похрюкаем. Мы ведь одной породы, Гришенька!

Купание «красного коня».

Двое шли навстречу друг другу, подгоняемые ветром. По понятным причинам ветер не может дуть в разном направлении одновременно, поэтому одному, действительно помогал ветер, а другого гнал ветер жизни.

Марк Бабакин шел, слегка набычившись, рассекая плечом потоки холодного осеннего воздуха. Там, куда он шел, его ждала старая дева, которой нужен был кое-какой ремонт квартиры. Марк с надеждой на легкую «шабашку» двигал вперед свое сильное тело.

Виль Вилюев, накинув на фуражку капюшон непродуваемой куртки, легко поднимал цыплячи ноги, а остальное за него делал ветер. Ему надо было купить лекарство для своей престарелой матери и отправляться к себе в деревню рейсовым автобусом. Автобус ходил нерегулярно, поэтому следовало спешить.

Вилька первым заметил друга, с которым уже давненько не встречался. Оба они были обременены семейными заботами, и поэтому виделись редко. Он поднял руку и приветственно замахал, на что сразу же получил в ответ кривоватую, но шикарную улыбку. Марк тоже был рад. Стальным прессом рукопожатия он стиснул синенькие, с прожилками, пальчики друга. Вилька задал вопрос:

- Как живем – можем?

Марк ответил:

- Жить-то живем, да не можем.

- Что ж, выходит плохо? – продолжал Вилька.

- Выходит-то хорошо, заходит плохо, – закончил

Марк.

И оба рассмеялись, вспомнив эту старую прибаутку. Вилька спросил друга, куда тот направился, на что Марк объяснил, что ему надо сходить насчет «шабашки» к одной одинокой «старушке» и, если получится, то поискать, откуда у неё хвост растет. Друзья опять рассмеялись. Вилька поведал свою историю, что погнало его сегодня в каменные джунгли.

Ветер тем временем, ударяясь об углы кирпичных домов, врывается в открытые пространства, гнул деревца и кустарники, сдирая с них одинокие, осиротевшие листья, разгонял ребятню по теплым квартирам, помогая дворникам, сметал с дорожек мусор,

Друзья потоптались на месте: что-то расставаться им не хотелось, как будто попали в магнитные поля друг друга. И Вилька предложил:

- Поехали ко мне в поселок, у меня есть прошлогоднее вино из смородины, да и самогоночка, как слеза, «без червей». Посидим, а последним рейсом я тебя отправлю домой. Марк мялся в нерешительности – опять дома будет скандал. Его ещё со школы уважали за твердость характера, но в данном случае у него не было твердого убеждения, что он хочет идти к старой деве. Он пошел от того, что дома нечем было заняться, а ходить весь день у жены на подтычках не хотелось. Марк морщил лоб, у него в голове шел тяжелый мыслительный процесс, наконец он махнул рукой, и они бодро зашагали в аптеку.

Марк бывал у Виля в последний раз, когда они складывали ему сруб летней кухни. По словам Вильки, теперь это - действующий объект с русской печью, и там никто не помешает им посидеть как следует. До поселка доехали без приключений. Зашли к Вилькиной матери, занесли лекарства. Она рада была видеть бывшего

одноклассника своего сына. Поговорила с ним маленько. Пожаловалась на здоровье. Когда прощались, она, хитро прищуриив глаз, сказала:

- Шибко-то не напивайтесь.

Психолог.

Вилька жил на соседней улице, так что до конечного пункта идти пришлось не долго. В ограде их встретила приветливая собачка Жулька. Она взвизгивала, припадала к земле, потом вдруг вставала на задние лапы, протягивая навстречу передние. Ну, как тут пройдешь мимо! Марк взял её за передние лапы. Жулька виновато глянула на хозяина и, как лакей облизала Марку руки. Они подружились ещё тем летом, когда строилась кухня. Собаки долго помнят запахи.

- Ну, все, пойдем, - поторапливал Вилька друга, и они вошли в кухню.

Постройка добротная, светлая. Много места занимала русская печь с камельком. Она стояла чуть ли не посредине, как барыня белая, всем видом показывая, кто здесь главный. В кухне было тепло и уютно. Они разделись. Марк все любовался печью, а Вилька пошел в дом.

Жена не очень обрадовалась гостю:

- Вы с другом, как соберетесь, так обязательно напьётесь, - упрекала она.

А Вилька ласково погладил жену по плечу:

- Ну, Лен, мы ведь редко встречаемся, ты нам что-нибудь поставь на стол.

Она вздохнула. Ей никак в толк не шло – то она командует им, как хочет, а он исполнительный, как Фигаро, то вдруг «выпрыгается», и она сразу чувствует

свою женскую слабость. Ей бы хотелось командовать всегда, хотя мать ещё предупреждала:

- Ты, Ленка, смотри, какой ни есть, мужик он и есть мужик, все равно его верх будет в прямом и переносном смысле. Если тобой овладеет гордыня, всё – семья пропала.

Лена помнила эти слова и «удила не закусывала». Пошла в кухню накрывать стол.

Когда вошла на кухню, то сразу же повеселела. Её развеселила прическа Марка: это была «канадка», причем огненно-красная. Вошел Виль с двумя бутылками в руках, и жена обратилась к нему с улыбкой:

- Смотри-ка, друг-то у тебя по последней моде.

Вилька, улыбаясь, подметил:

- Конь красный.

Марк провел рукой по волосам, стал оправдываться:

- Да я в магазине просил темно-каштановый, а мне подсунули чёрте что.

Вилька не зря назвал друга конем, это была его школьная кличка. В пятом классе его называли «Марка», имели в виду почтовую, затем кто-то брякнул: «Конь почтовый». А вскоре «почтовый» отпал и остался «конь» в чистом виде. Марк соответствовал своей кличке полностью - хоть по физическим качествам, хоть по поведенческим. Если играли в футбол, то он всех «ковал», то есть бил мимо мяча, прямо в ногу сопернику. Когда подрос, на него иногда наскакивали ребята, и он бил, как конь копытом. Как даст, так несколько зубов на асфальте, а то, что били его, он не замечал и раздавал тумаки направо и налево. Протезисты города обязаны были ему за поставку клиентов. Так что на кличку «Конь» Марк

нисколько не обижался и, поддерживая шуточный тон, они с Вилькой сели за стол.

Лена управилась и ушла. На столе почти все продукты были домашние. Выпивку начали с вина из черной смородины. Выпивали, разговаривали, ели и ещё выпивали. Хозяин начал хвастаться печью, и какие он добавил полаты из кедровых досок, чтобы лежать навтыжку. Кухня была первоклассная. С ними жила бабушка жены, и она частенько лазила на печь погреть бока, да и пятилетний сынишка любил там поиграть. Играет, играет и затихнет. Выспится, пропотеет и бегаёт бодренький с сухим носом. Печь – первейшее дело в деревне, хоть для готовки, хоть для здоровья. Вилька с гордостью поведал, как он нашел печника, и как они почти неделю клали её. Знатная печь получилась.

Вилька хвастался всем, и выходило, что более делового и умного мужика и нет. Марк доброжелательно поддакивал и кивал красной головой. Между тем, они принялись за самогонку. Вилька наливал себе вдвое меньше, не тягаться же ему с Марком, который выпивал литр водки и шел домой, не качнувшись.

Постепенно в летней кухне стало шумно. Вилька рассказал другу, как он выгодно променял нетель – она уже стельная, не под нож же её, а экстерьер у неё очень красивый, хоть в модельное агентство отдавай.

- Пристал один мужик: «Давай, грит, на быка сменяем», посмотрел я на быка, а он мощный, как племенной, и красный, как ты, ну, и поменялись. Мне-то чего, мне надо мясо, а корова у меня хорошая, так что на ноябрьские приезжай помогать, свеженина будет, а чтобы моя не ворчала, ты приезжай с женой.

Прятели обменялись рукопожатием в знак окончательной договоренности. Между тем, пришла хозяйка, взглянула на бутылки и коротко обронила:

- Может, хватит, а то уже поздно.

Но где там! Русская натура большекромая, малыми дозами не успокоишь. Если морду бить - так в кровь, если пить – то до упада. И друзья уже уговорились, что Марк сегодня домой не едет, а спать останется на русской печи. На душе «пели райские птицы». Друзья вышли во двор проветриться. Марк рассматривал звездное небо, вдыхая свежий воздух полной грудью, а Вилька смотался в дом и принес ещё бутылку самогона. Он поеживался и поглядывал на дверь, за которой было тепло и комфортно.

- Ну, что, может, пойдем за стол, а то моя прибежит, я ей сейчас сказал: «Ты лучше меня не трогай, хуже будет». Я ведь добрый, когда со мной по-хорошему. Когда прихожу домой пьяный, зайду на цыпочках и в зале на диване лягу, а утром она отвяжется.

- А ты что? – спросил Марк.

- А я молчу, она прямо изведётся вся, ждет моих извинений. А вот хренушки! – и Вилька закрутил большую дулю.

- Да-а-а.... – вслух размышлял Марк, – а я только улыбаюсь, она потявкает, потявкает и сядет на щетки. Интересно мы о своих женах говорим, как о собаках.

- Твоя – тьякает, моя – отвяжется. Они нас любят называть свиньями: напился, как свинья, храпишь, как свинья! – засмеялся Вилька. - А ведь и свинья с собакой могут мирно жить. Сейчас заканчивается год Собаки и начнется год Свиньи, – подытожил Вилька.

- Да, наш год будет, за это надо ещё по одной хрюкнуть, - поддержал Вильку друг. Они только было пошли в кухню, как кто-то ударил в ворота.

Вилька пошел посмотреть, а там сосед дядя Игнат. Чудоковатый дед. О чем-то потолковали, и Вилька привел его за собой. Зашли в кухню, поеживаясь. Дед Игнат щурился, разглядывая Вилькиного гостя, а сам все в кулак покашливал. Вилька усадил нового гостя, налил всем по стопочке, предложил тост: «Не пьянки ради, здоровья для», - и, чокнувшись, выпили. Ребята закусили, а дед опять в кулак покашливает. Марк спросил:

- Ты чё, дед, всё время кашляешь, простыл, что ли?

Дед ответил:

- Давно простыл, ещё, когда целину на Алтае поднимал в пятьдесят восьмом году. С тех пор и кашляю.

Марк сказал:

- Лечиться надо.

А дед ответил:

- Да теперь уже ни к чему, раз молодому хороший фершал не попал.

- А при чем тут фельдшер, когда сейчас врачи – терапевты? – не сдавался Марк.

- А при том, милоч, фершал – это врач народный. Я вот вам сейчас расскажу историю, ну, цельный анекдот, но это было, - начал рассказ дед Игнат.

- Это было ещё до войны. Тогда в деревнях врачей не было, какая деревня поболее, в той был фершал. В одной деревне заболел кузнец, заболел вот так, как я – кашлем беспрестанным, а ему ж ковать надо, работа не ждет. В их деревне фершала не было, только колхоз. Надо ехать в соседнюю, двадцать пять верст. Утром председатель колхоза запряг в ходок бегового жеребчика и повез

кузнеца. Фершалом там работал один хитрый еврей. Осмотрел он кузнеца и говорит: «Это детская болезнь - коклюш, лечиться будете травами и надо стараться сдерживать кашель, а чтобы помогло, вот вам таблетки», и дал ему слабительного. Покуда кузнец одевался, лекарь вышел на крыльцо и говорит председателю: «Везите его быстро и нигде не останавливайте, если остановите – ему смерть». Напугался председатель, посадил кузнеца, а жеребцу - кнута, ну, тот и понес. Выехали за село, а у кузнеца в животе «Ур-р-р». Он хочет кашлянуть, да боится, чтобы авария не произошла. Просит председателя притормозить, тот глянул на кузнеца, да ещё жеребцу кнута вложил, тот несёт, аж колеса в воздухе вертятся. Кузнец зажал в организме все, что можно, у него давление прёт, а он терпит, аж глаза покраснели. Председатель чуть жеребца не загнал, а кузнец едва не обмарался.

Перед своей деревней пришлось сбавить ход, потому что пересажали мост через речушку. Кузнец на ходу спрыгнул и под мост. Из-под моста вылез, облегченно вздохнул и забрался в ходок. Председатель глядит на него, а тот махнул рукой и сказал: «Поехали». Они поехали уже, не спеша, а председатель дивится на кузнеца: «Надо же, и живой, и кашлять перестал, правда, глаза красные, ну, ладно, должен же быть какой-нибудь ущерб».

Вот я и баю, что нет тех фершалов, чтобы мой кашель вылечить.

Дед Игнат рассказывал монотонно и без улыбки, а парни все это время хохотали до коликов. Вилька, вытирая слезы, сказал:

- На, дед, выпей ещё стопку, да иди домой, а то у нас глаза покраснеют.

Дед опрокинул стопку, кашлянул и в дверь. Вилька довольный качает головой:

- У нас хоть и пригород, но уклад жизни сельский, держим скотину, ходим по соседям, здоровася с людьми, это у вас живут на одной площадке и не здороваются.

Марк согласился:

- Да уж, черствеют люди, заняты погоней за деньгами. Мне эта жизнь противна. Найди мне хороший дом в вашем поселке, на обмен. Хочу на крылечке сидеть, сад свой развести.

Вилька, довольно потирая руки, пообещал:

- Разобьюсь, а дом тебе подберу, будем семьями дружить, праздники отмечать. За это дело надо выпить, - и снова наполнил посуду.

Вскоре у них стала притормаживаться речь, движения плучались, как у роботов. Вдруг Марк попросил друга:

- Покажи мне быка.

Вилька соскочил и начал опять хвастать:

- Пойдем, покажу. Бычара, я тебе скажу, мощный и красивый.

Они вышли на улицу. На стене кухни висел щиток. Вилька щелкнул выключателем, и из окон хлева выплеснулся свет. Они подошли к дверям, и хозяин долго открывал сложные засовы. Внутри было свободно, с одной стороны на привязи стояли корова и бык, а с другой стороны, за загородками на седалах сидели куры, ещё в одной клетке на опилках вальтом лежали два розовых поросенка. У Вильки вид горделивый, он подошел к корове и, приобняв её одной рукой за шею, другой гладил по морде. Корова вытягивала шею и сопела от удовольствия, а бык повернул голову и смотрел на них.

Марк видимо решил, что бык хочет, чтобы и его тоже почесали. Он решительно подошел и обнял быка, как брата, но бык не понял этого и мотнул могучей башкой. У Вильки в сарае было сделано все по-хозяйски: пол под коровами покатый, и с него всё стекало в жёлоб, который у стены оканчивался приемком. На этот раз приемок заполнился почти до отказа. От сильного толчка Марка закрутило, и он, не удержавшись на ногах, воткнулся в приемок с навозной жижей. Одна рука и красная голова исчезли с поверхности, он так и застыл в этой позе. Вилька подскочил и потянул друга сзади. Марк вынырнул и пустил, как кит, изо рта желтую струю, а руками принялся сгребать с головы и лица то, что погуще, при этом отплёвывался. У Вильки в хлев был проведен летний водопровод. Он снял с гвоздя шланг, открыл вентиль и начал поливать друга на голову. Навозная жижа стекала за пазуху и там отцеживалась через майку. Марк фыркал, как конь. Немного отмывшись, он взмолился, чтобы Вилька больше не обливал его.

Корова и бык, завернув головы, разглядывали это чудо, явно с удивлением. Ещё никто в их хлеву не купался. Вилька закрыл кран, повесил шланг на стену, и они с другом пошли на кухню. Марк шел и матерился, его явно развезло, и даже купание не помогло. На кухне Вилька обирал с Марка сенинги и спрашивал друга:

- Ты чё полез обниматься? Я его кормлю, и то он меня не подпускает, бык с характером, хотя не бодучий. Быки они, брат, в дружбе осторожные, не то, что люди. Человек, вроде, разумное существо, а глупое. Подружатся, все наружу вывернут – все тайны, а когда между ними пойдет разлад, всё станет достоянием народа. Не зря

говорят: «На воровское дело надо идти одному». Хотя и тут враг есть.

Марк поднял мутные глаза и спросил:

- Кто?

- Да твой язык. Подопьёшь и проболтаешься, и хана. Лучше друзей не иметь. Вот у меня их нет.

- А я? – спросил Марк.

- Нет, мы с тобой приятели, а друг, это когда ты за него в огонь и в воду.

Марк утвердительно кивнул. Вилька продолжал:

- А я вот не уверен в себе, наверное, я слаб. Мы с тобой хорошие приятели и давай спать.

Марк наполовину мокрый полез на русскую печь и через минуту уже храпел. Вилька щёлкнул выключателем и наощупь вышел на улицу. В доме все спали, Вилька вернулся, тихо прошел в зал и лег на диван.

Утром Вильку растолкала жена:

- Вставай, иди, дай коровам сена, я уже подоила. Да и друга поднимай, его, поди, дома потеряли.

Вилька поднялся. На улице начинало светать. Он с трудом задал сена скотине и пошел на кухню. Друг спал на животе, вытянувшись на все полати. Прическа его потеряла яркость. Вилька кое-как растолкал его. Тот проснулся, приподнял голову и провел рукой по волосам. С головы посыпался сухой навоз. Слез с печи, обул ботинки и пошел на улицу. Вилька налил на похмелье вина. Марк зашел на кухню, поежился и сказал:

- Меня дома потеряли, надо рвать когти.

Вилька даже обрадовался:

- Ну, давай похмелимся, и я тебя провожу до остановки.

Марк кряхтел, постанывал, выпил рюмку, вторую, помаленьку начал оживать. Вилька за ним наблюдал и думал: «То ли ничего не помнит, но получилось классно, как на картине Петрова-Водкина «Купание красного коня». Конь-то на печи обсох и с него навоз сыплется.

Марк поднялся, надел куртку, нахлобучил поглубже на голову вязаную шапку, и они пошли на остановку. Ждать пришлось не долго. Старый, но теплый автобус подкатил, погромыхивая всеми частями изношенного тела. Друзья попрощались. Вилька взял с Марка обязательство, что тот через неделю, в выходной, приедет вместе женой колоть быка.

На неделе лег снег, он шел половину суток и прикрыл все кустарники и ягодники от вымерзания. В пятницу в ночь ударил мороз. Все шло, как по заказу. В сёлах и частном секторе пригородов в субботу завизжали свиньи, загудели паяльные лампы. Мужики в подпитии, сытые, веселые ходили от двора к двору, ножи за голяшками. Стаями вились вороны и сороки, а цепные псы их облаивали. Детям достали санки, и они искали возвышенные места, чтобы открыть зимний сезон. Шум, гам, лай. Все движется, Все живет. Топятся печи, пахнет свежениной и пирогами. Вечером долго светятся окна, кто-то солил сало на зиму, где-то пестройным хором вытягивают «По диким степям Забайкалья». К полуночи только угомонились.

Нетвердой походкой шагал запоздалый гость. Охрипшие за день собаки, нехотя гавкали на него. Под ногами поскрипывал снег, и далеко слышался его неуверенный шаг. Но вот прошел последний и кругом стихло, а звезды на небе, как начищенные пуговицы курсанта, перемигивались, оживляя пространство.

Вилька ждал друга в воскресенье, с утра все поглядывал в улицу, не появится ли Марк. Сам готовил все необходимое: наточил нож, достал хорошую веревку. Быку на ночь сена не давал. У ворот замаячили две фигуры, Вилька увидел их через стекло кухни, надев меховую жилетку и кроличью шапку, вышел встречать гостей. Гости уже шли по двору. Вилька раскланялся перед женой Марка, а другу пожал руку и повел их в дом. В доме их встретила хозяйка, явно радуясь, что будет с кем отвести душу. Мужики в доме не задержались, заторопились на кухню, там они себя чувствовали свободнее.

С быком управились быстро. Стаскали мясо на веранду, разложили остывать. Умылись и пошли в дом, а жены - на кухню жарить свеженину. Когда свеженина была готова, позвали мужиков к столу. Вдруг жена Марка спросила:

- Слушайте, а в прошлую субботу мой у вас был?

Вилька закивал головой:

- Да, а что?

- Дак он у вас, где спал? - продолжала она уточнять.

Вилька показал на печь:

- Да вот ,на печи.

- А я думала, он у вас в навозной куче спал, потому что у него майка и рубаха жёлтые, а за пазухой – навоз. Я его в ванну поставила, велела там раздеваться, с него навоз посыпался.

Жена Вильки смотрела с удивлением, она не знала ничего, зато Вилька хохотал до слез:

- Да это он быка обнимал, тот его мотанул, он и воткнулся головой в прямок, а я водой навоз с головы смывал, вот он и оказался за пазухой.

Все смеялись, а Марк доброжелательно улыбался своей кривоватой, но шикарной улыбкой и вдруг спросил Вильку:

- Ты мне дом нашел?

Вилька закивал:

- Да. Вот поедим и пойдем, а чё ты вдруг?

Марк ответил:

- Я у тебя крещение принял, нет, вернее, погружение. Это означает, что надо менять образ жизни.

Полет в гололед

Вышел я как-то зимой из магазина - гололёд страшный. Надо идти осторожно, а я иду – ворон считаю. Ну, вы же знаете, у нас в Подобасе их тьма тьмушая. Вот если бы кто помог мне, ловил и краской метил, я бы их давно пересчитал, а так они перелетают с места на место, со счета сбивают. Всю жизнь считаю, а сосчитать не могу. Но то, что они наши подобасские знаю точно. Такие же дуры.... Ой, это я про что? А! О! Гололёд!

Ну, значит, эти дурры отвлекли меня и я подскользнулся. Удар мною о землю был такой мощный, что земля разверзлась и я углубился в неё на два метра. А там меня ждал привратник, пролом заделал и вежливо так говорит:

- С прибытием!

Гляжу, а он в форме НКВДэшника сталинских времен. Я у него спрашиваю:

- Это преисподняя, что ли?

Он отрицательно машет головой:

- Нет, это предзонник. Если бы ты шарахнулся из кресла чиновника или олигарха, то попал бы сразу туда – в ад, к чертям, а так это коммуна. Смотрю я, как раз коммунары бегут в красных галстуках, салюты пионерские отдают, кричат «всегда готовы». Я их спрашиваю:

- К чему?

А они хором отвечают:

- Чтоб приобщить вас к общему делу!

- И что же это за дело? – спрашиваю.

А они говорят:

- Пойдем с нами, там увидишь.

Иду я в окружении этих «тимуровцев», а они объясняют:

- Дело у нас немудрящее, но полезное, занимаемся накачиванием ног к будущим походам.

Я им опять вопрос, дескать, куда это вы собрались? Вот тут-то они мне открыли тайну. Говорят:

- У нас там наверху есть засланец, Владимир Вольфович зовут. Он поведет нас к Индийскому океану сапоги мыть, вот нам и пригодятся крепкие ноги.

Так за разговорами дошли до места. Смотрю, а там огромная чаша с дерьмом и полна народа. Стоят все в дерьме по шейку. Я к их лицам присмотрелся, знакомые, раньше я их видел на портретах. Мы эти портреты на демонстрациях таскали. Думаю, ну, это не ад, стоят себе и стоят, ан нет. Прозвучала команда:

Кончай перекур! Начинай приседания!

И начали они нырять да выныривать - зловоние страшное! Тут я понял, что попал сюда за ошибки молодости, и как думаю, мне вырваться отсюда. Мои сопровождающие заняли свои места и тоже ноги накачивают и как только исчезли с поверхности – я бежать. Добежал до привратника и говорю ему:

- Есть у меня сотенная, я тебе её отдам, а ты меня выпусти.

Говорю, а сам думаю:

- Сейчас поднимет шум, скажет «взятку предлагаешь, сталинские соколы взяток не берут». И всё, каюк мне, буду в дерьме пузыри пускать. А он взял сотню, покрутил, в фуражку за подкладку спрятал и говорит:

- Рановато ты сюда прибыл, ещё не время. Валяй домой, а мы тебя лет двадцать подождём.

Махнул мне. Я смотрю, а вверху дыра зияет, как скаканул и очнулся лёжа на боку. Так упал, что из паморков вышибло. Во дела! Лежал-то всего миг, а сколько в голове пролетело.

Вот теперь живу и думаю:

- Да, был я пионером, комсомольцем и даже в партии побывал, а их даже черти к себе не берут. Может мне в храм пойти? – думаю, а в душе пусто – Бога не обманешь.

Наверное, как соберусь помирать, куплю гидрокостюм, пусть меня в нём в гроб положат, там хоть присесть будет легче.

Умная вода.

Сюжет этот всплыл из глубины моей памяти. И я как будто пережил заново те события, произошедшие со мной тридцать пять лет назад.

То лето было особенно жарким. Мы, студенты строительного отряда, работали в селе Шебалино, что в Горном Алтае. Село это расположилось у подножия Симиинского перевала. Улицы протянулись вдоль Чуйского тракта. Невдалеке возвышаются горные хребты. От села до подножия гор зеленеют пышные луга. Река Сима, огибающая село с одной стороны, дополняет красивую картину этой местности.

Двадцать молодых здоровых парней и две девушки жили в недостроенном двухквартирном доме. На бытовые неудобства мало обращали внимания. Умели весело работать и отдыхать. Отдых в выходные дни был обязательно организованным: играли в волейбол, городки, соревновались с другими стройотрядами. Вечерами устраивали танцы под катушечный магнитофон. К нам в гости ходила местная молодежь.

В рабочие дни, наломавшись под носилками, приходили в свое жилище с занавешенными окнами и падали «замертво». Когда садилось палящее солнце, выходили на ужин под навесом и, уже отдохнувшие, ели Светкину кашу (Светка – это наша повариха). Острословы веселили весь стол. После ужина разводили костер и пели под гитару. Казалось бы, чего ещё надо? Но режим дня и распорядок угнетал и нас. Нам хотелось пойти в горы, побродить по лесу, ночевать в палатках у реки. Все это запрещалось инструкциями крайкома комсомола.

Но однажды, отмахнувшись от всех запретов, мы – группа из пяти человек, решили обследовать окрестности. Нас привлекала гора со смешным названием «Круглый шиш». Гряды гор разрезало ущелье, и перед ущельем отдельно стояла круглая скала из розового гранита, хотя все окрестности были серого цвета. Мы давно присматривались к этой яйцеобразной скале и удивлялись, почему она другого цвета и правильной формы?

Легко одетые: в футболках и трико, обутые в кеды, мы пошли, как нам казалось, на легкую прогулку. С собой захватили топор и веревку, и по дороге нашли моток алюминиевой проволоки. Идти надо было с полкилометра по густой траве. Перед скалой мы нырнули в прохладу молодого хвойного леса. Воздух был наполнен звуками жизни: пением птиц, хлопанием крыльев, жужжанием насекомых и пропитан запахами трав и цветов. Мы остановились и жадно вдыхали животворящую силу. Получив заряд энергии, пересекли лесок и оказались у цели. Издалека наш объект казался гладким, но вблизи были видны уступы и трещины. Высотой примерно около пятнадцати метров эта каменная глыба стояла в хорошо отшлифованной каменной чаше. И что самое удивительное – она качалась. Величайший баланс двухсотпятидесятитонной глыбы поражал наше воображение: как могла природа создать такую конструкцию, что один человек мог легко покачивать её из стороны в сторону? Кто, какими силами выточил эту чашу, и на какую опору установил туда это гранитное яйцо? Я думаю, здесь не обошлось без вмешательства каких-то высших сил.

Внимательно изучив всё вокруг, мы срубили три осинки, смастерили лестницу, связав перекладины

провоолокой. Первым поднимался самый легкий из нас, он то и прикручивал поперечины. Когда скала пошла на конус, он легко поднялся наверх и принялся размахивать руками и кричать, будто покорил великую вершину. Затем поднялись и мы. На вершине было тесновато, но резина кед цепко держалась за гранит. Осматривая окрестности, заметили, что прямо на нас движется облако. Непонятно - откуда оно взялось в ясную, абсолютно безоблачную погоду? Мои друзья засуетились и хотели спуститься с вершины, но я предложил окунуться в облако, чтобы ощутить на себе его прикосновение. Мы дождались, когда облако начало нас поглощать, и все выражали свой восторг. Но облако оказалось настолько плотным, что мы, стоя рядом, не могли видеть даже друг друга. Холод и ещё какая-то неведомая сила парализовали нашу волю. Мы, молча, стояли, потеряв чувство времени. Меня начал бить озноб, но я, несмотря на это, вглядывался в эту плотную завесу. От сильного перенапряжения у меня поднялся какой-то жар. Я перестал ощущать холод и вообще забыл о своем теле. Вдруг стал различать нечто вроде серебристой паутины, по тончайшим нитям которой скатывались какие-то звездочки, которые имели шестиконечную форму. Каждая звездочка была как бы нанизана на нить, и стекая, мерцала загадочным цветом. Несколько звездочек, собравшись вместе, образовали маленькую каплю, и эти новорожденные капли катились дальше по паутине, а в нижней части этой паутины собирались в настоящие капли, готовые пролиться дождем.

Я понял, что благодаря какому-то внутреннему зрению, мне открылся уголок завесы, скрывающий неизвестные знания этого явления природы. Я как бы заглянул в кладовую мироздания. Когда вышел из

необычного состояния, и зрение потеряло оптическую силу, ко мне вновь возвратились прежние ощущения.

Мы вынырнули из облака. Оно, вытягиваясь в длинную форму, стало уплывать в ущелье, а оставшиеся клочки догоняли его и прилипали, будто намагниченные. К нам вернулось солнце, и от промокшей одежды повалил пар. Мы вышли из оцепенения и зашевелились, как ожившие мухи. Нас уже не привлекала красота окрестностей, и мы хотели лишь одного: спуститься и идти домой. Осторожно, чтобы не подскользнуться, стали один за одним, придерживаясь за веревку, спускаться вниз. Последний спускался без страховки, и вдруг на высоте шести метров оборвалась перекладина. Мы не успели ничего предпринять, как он рухнул к нашим ногам. Мы бросились на помощь товарищу, но он стонал и просил не трогать его. У него отказали ноги.

Соорудив что-то вроде носилок, мы понесли его в лагерь. Позже выяснилось, что у него был перелом позвоночника, но он быстро встал на ноги и появился в техникуме к началу учебного семестра. А тогда мы очень переживали и, дожидаясь «скорую помощь», изводили себя упреками: «Зачем полезли на этот «круглый шиш»?!»

Некоторое время я мучился в догадках: «Что же я видел?» Но затем успокоился и как-то выбросил всё это из головы.

Однажды в санатории я познакомился с настоящим физиком-ядерщиком и рассказал ему об этом случае, описав то, что видел в облаке. Он весьма удивился и объяснил, что облако собирается на электромагнитную решетку, которая и ловит испарения, при этом добавил, что этого невооруженным глазом увидеть невозможно.

С возрастом я все чаще и чаще стал размышлять над всем происходящим вокруг нас, видно не зря мне приоткрылась та завеса. Все тайны Божественного построения мира хранятся за пределами нашего видения. Меня осенило то, что вода умная. Она строит природные фильтры для того, чтобы очищать и беречь землю от отходов жизнедеятельности человека и спасти все живое. Вода меняется под воздействием наших мыслей. При хороших мыслях кристалл воды имеет правильную красивую форму, под воздействием плохих мыслей принимает уродливый вид. В населенных местах, вода получает много тяжелой информации, и потому ей нужен более длительный процесс очищения и исправления кристалла. Вода любит детей и молитву. Она не терпит пьянства и сквернословия. Все, что произрастает: овощи, фрукты, злаки и прочее – это великий дар природы и её матери Воды.

Привычка жить по инерции редко наводит нас на размышления обо всем сущем, о стихиях в которых мы существуем, о связях их с человеком.

Четыре стихии: Земля, Вода, Воздух, Огонь – это и есть основа жизни. И мы должны размышлять, как надо вести себя, чтобы сохранить гармонию хрупкого мира.

Разоблачили.

В селе Поломоиха чудо совершилось. Местный мужик Лёнька Палютин, сорок лет молчавший, вдруг прозрел третьим глазом. Да не только прозрел, а и речью бойкой обогатился. Он с детства здоровый, но валовый, так и ходил в недотепах. Из школьной науки Лёнька одолел лишь семь классов и поехал учиться в СПТУ на тракториста. Два года, молча, сидел за партой и за это ему дали корочки «тракторист-машинист широкого профиля». К этой профессии люди в шутку прибавляли: - «узкого кармана», потому что трактористы мало получали.

Вернулся он с «ученой степенью», но на трактор не сел, слесарил в мастерских. Там ему мужики к имени кликуху приладили и стали звать Лёнька-гайковерт. Ключом он любую ржавую гайку отворачивал, а если, затягивая, переусердствует, то резьбу срывал. Когда брали в армию, комиссия по поводу его персоны отдельно заседала – куда этого гайковерта отправить? В танк не войдет, в пехоту – валоват. Решили направить на флот. Там он попал на флагманский крейсер заряжающим основного орудия. Три года драил он два ствола банником, который весит килограммов тридцать. В часы отдыха матросы мерялись силой, поднимая гирию. Лёнька взял один раз гирию в руки, покрутил, крикнул и сказал: «Я думал два пуда - это много, а это игрушка какая-то.» - качнул её и как метнул через борт, все только ахнули, а гирия исчезла в океанской пучине. Ребята «попёрли» на него: «Ты чё, Лёха, это же инвентарь, боцман узнает, будешь палубу драить до дембеля». Лёха пробормотал: «Да пошли вы в баню», - и ушел в свою любимую носовую башню. Боцман, конечно

же, узнал, и Леха целую неделю драил палубу, а гирию списали, будто сё во время шторма волной смыло.

Отслужил Палютин три года, как один день. Телом налился, словно гладиатор. Домой пришел, когда в огородах отсадились. Форма на нем, будто влитая, бескозырка на затылке, клешни – хоть дорогу мети. Люди глядят – наглядеться не могут. Многому на флоте научился, но как был неразговорчивым, таким и остался. Походил он несколько дней, покрасовался, один раз на танцы сходил, стену подпирал. На другой день заявляет матери:

- Я хочу на работу выйти.

Мать стала возражать:

- Чего торопиться, отдохнешь месяц, тогда и пойдешь.

А Лёха ухмыльнулся и добавил:

- Жениться хочу, надо деньги на свадьбу зарабатывать.

Мать аж всплеснула руками:

- Да на ком же? Ты даже дружить не дружил!

Лёха свос гнет:

- Зачем дружить, можно и так.

Мать к нему с допросом:

- Да как ты скажи, на ком собрался жениться?

Тот ответил, глазом не моргнув:

- На Маринке Поповой.

Мать не унималась. Маринка - девка ладная, и женщина будет хорошая.

- Ты подумай головой! Это же не корова, чтобы сё из стойла увести, с ней надо договориться, а то опозоримся на всё село.

Вечером Лёха собрался в клуб. Оделся в гражданское. В клубе занял место в углу и стоял, как столб, и все смотрел на Маринку. У Маринки коса ниже пояса, с каштановым отливом, ресницы пушистые, фигура – будто её хороший токарь выточил. Она уже закончила педучилище и собралась с первого сентября первоклашек набирать.

Лёха сверлил её взглядом, чуть дыру не прожёт. Это не осталось незамеченным. За Маринкой ухаживал совхозный шофер Костя. Вроде уже дело шло к свадьбе, но вдруг его взяли возить директора на «Волге». И всё, человека, как подменили. Маринка – девка умная, сразу заметила, что парня «понесло» и отшила его. Бабушка её, Домна Ивановна, местный философ, объясняла внучке по каким критериям надо выбирать мужа.

- Вот запомни, Мариночка. Во-первых, гляди, чтобы парень был здоровый, тогда и детки у тебя будут здоровые. Во-вторых, чтоб был не дурак. Хвастуны и гордецы – люди неумные. Умный – который знает во всем меру. Ему, мужику, чего надо? У мужика одна болезнь – как бы на кого залезть, а баба она должна думать, что из этого получится.

Внучка вся зарделась, махнула на бабушку:

- Ой, бабушка, ну ты прямо, как скажешь, хоть стой, хоть падай.

Домна Ивановна поцеловала внучку и, завершая разговор, добавила:

- Это жизнь, Марина, про неё надо разговаривать, как есть, начистоту, тогда ты в ней будешь ориентироваться, а иначе, заплутаешься.

Домна Ивановна наставляла не только своих родных, её клиентами были все жители Поломоихи, но не

все внимали. Считали её морали навязчивыми. Но умные люди удивлялись, насколько старуха эта прозорливая, и в шутку говорили: «Её бы в Политбюро советником, мы бы лучше жили». Марина слушала свою мудрую бабушку, ведь она плохого не посоветует.

Вечером в клубе Лёнька снова прожигал свою избранницу взглядом, а после танцев потащился её провожать, если это так можно назвать. Он шел сзади на расстоянии «двух кабельтовых», как выражаются моряки, а Маринка с двумя подружками шутили и громко хохотали. Одна из подружек позвала:

- Лёнь, иди к нам, а то подумаешь, что мы смеёмся над тобой.

Лёха подошел и встал, как вкопанный, его прошиб пот, он шмыгал носом и тер его кулаком. Девчонки взяли его под руки и пошли дальше. У жениха что-то случилось с ногами, они одревенели и плохо слушались. Вечер прошел для него, как пытка. Но страдания его были отнюдь не физические. Он проходил этот жизненный этап менее подготовленным, чем те, которые общаются с противоположным полом с детства. Лёнька думал: «Лучше бы я пошел в атаку, чем вот так дрожать перед девками.»

Он не понимал, что героизм и мужество – это два разных состояния, но обоими управляет дух. Через несколько вечеров он обрёл уверенность, и когда шел домой, ему казалось – что обрел крылья. Любовь – великая сила!

По деревне шли разговоры: «Молчун, молчун, а девку выбрал хорошую». Маринка решила посоветоваться с бабушкой. Бабушка не спешила с ответом, поразмышляла, да и говорит:

- Это не беда, что он неграмотный, он тебя на руках будет носить, а что молчун, то это он с людьми, а с тобой будет разговаривать. Ты думаешь, с говорливых толку больше? Как бы не так. Сорока вон трещит, да только собак раздражает, а пользы никакой. Если позовет замуж, - иди, тебе пора, уже созрела, как бы в девках не засиделась.

Вечером того же дня Лёха уже маячил под её окнами. Марина вышла и быстро вернулась. Начала собираться. На вопрос матери сказала, что пойдет в кино, жених билеты купил. В кино Лёха позвал её замуж.

Осенью они сыграли свадьбу. И жизнь пошла, как у всех – обыденно. Не ругались, не разводились. С Лёхой бесполезно ругаться, от него, как от стенки горох. Жизнь сама по себе улеглась, как сено в стогу. Одна за другой родились у них две дочери. Лёха хотел сына, ну, никак. А потом, лет восемь спустя, родился наконец и сын – богатырь. Лёха стал хорошим комбайнером. Каждый год ему давали премии и награждения. Казалось, все планы выполнили. А тут в стране пошла чсхарда. Заболтали всё на свете: один с экрана лечит, другой кого-то разоблачает, третий рассказывает, как за сто дней поднять страну. Лёхе уж сорок стукнуло, и он какой-то суетливый стал, разговорчивый. Все удивлялись таким переменам. Как-то на работе сидели мужики в курилке, играли в домино, а Лёха им: « Так, мол, и так. Вижу я мельчайшие предметы вплоть до атомов и молекул, и человека вижу насквозь». Мужики перестали костяшками стучать. Муха пролетит – слышно. Ни у кого и слова-то не нашлось, что говорить надо, только поглядывали друг на друга и на Лёху. Другого бы на смех подняли, а над этим как? Черт его знает, что у него на уме: маханет кулачищем и перейдешь в другой разряд жизни. Посидели мужики,

попереглядывались и пошли по рабочим местам. Вечером домой засобирались. Когда вышли все из мастерских, Лёха задрал голову в небо и воскликнул:

- Во! Глянь-ка, над нами станция «Мир» летит.

Все посмотрели на небо, а там кроме облаков ничего нет. Глядели, аж глаза надсадили, но нет ничего, хоть тресни. А Лёха, продолжает:

- Да там, кто-то наруже лазит, фары протирает, забрызгало видно.

Кто-то спросил:

- Ты чё, Лёха, какие фары и чем там может забрызгать?

Лёха поправился:

- Ну, не фары, дак солнечные батареи, а дерьма там, в космосе, как на Урале. Нету порядка, как вокруг наших мастерских.

Среди ротозеев был механик, он окинул взглядом все вокруг и подумал: «Надо субботник объявить, навести порядок». А мужики все в небо пялятся. Аж шеи затекли, но никто ничего не увидел. Было сомнение насчет Лёхиных слов, но некоторые факты говорили об обратном. Ходил Лёха пилить дрова куму, а у них парнишка заболел, согнулся крючком, за живот держится. Лёха поглядел на него и говорит хозяйке:

- Вижу я, Евдокея, отросток на кишке красный, резать надо. Вызывай врача.

Вызвали врача, и Лёхин диагноз подтвердился. Слух, как инфекция, мгновенно разнесся по селу. Все поражались: «Палютин-то - молчун, сорок лет молчал, а тут, глянь-ка, какой талан проявился, прямо экстрасенс». Не успели одни разговоры стихнуть, Лёнька опять «дров в костер подбросил».

Зашел он в магазин, а там соседка Валюха продавцом, веселая такая, так и сыплет шутки-прибаутки. Лёха через прилавок перегнулся и сказал ей на ухо:

- Вижу на челе твоём печать, горе над тобой нависло, Степан твой уйдёт от тебя.

И всё, купил хлеба и ушел. Валюха напряглась, три дня ходила, думала, на мужа поглядывала. Степан ей на четвертый день и говорит:

- Вижу, Валентина, ты догадалась сама, уйду я от тебя к Соньке-кладовщице, у нас с ней любовь.

Валентина не стала переживать и в истерике биться, лишь зло подумала про Лёху: «Значит, он, змей, ходит, молча, и все про всех знает, да я его, гада, от магазина отлучу».

Так рос и укреплялся авторитет Лёньки Палютина. Деревня – это особый мир. Если уж кого зауважают, то хоть он в кювете каждый день валяйся, будут уважать. Ленька в этот разряд попал легко, почти все кивают головами: «Хвинамен».

Все верят, только один дед Егор с подозрением на него глядит, прищурит один глаз, как снайпер, и сверлит его. У деда судьба была не легкая, покидало его по жизненным волнам. Людей он знал. Дома дед Егор своей бабке доказывал:

- Не может Лёнька быть ни кем и ни чем. Он пустой, как барабан, у него на лбу кора на два пальца. По телевизору посмотрелся на всяких прохвостов и решил сам почудить. Ему не надо денег, ему важно внимание, вот и вся канитель. Я его разоблачу, дай только время.

Заканчивалось лето. Зашуршали деревья сухими листьями. В огородах люди начали кое-что убирать. Ограды обновились свежими поленицами дров. Народ

готовился к зиме. В городах осенью раскапывают улицы, чтобы поменять трубы(с весны-то некогда). В Поломоихе перекопали улицу весной, чтобы вода не стояла, привезли трубу большого диаметра и свалили рядом. Через траншею бросили пару досточек, и так все лето пропрыгали.

В выходной день у Свиридовых корова заболела: не ест, не пьет – мычит. Хозяин её в стадо не погнал, все ходил вокруг неё, гладил по бокам, потом подался за Лёнкой, может, он что присоветует.

Тому с утра-то некогда было, а после обеда он неспешным шагом подался на выручку. Идет, а навстречу ему дед Егор с бабкой-соседкой. Они в магазин за хлебом направились. Лёнька поприветствовал их:

- Здравьете, дядя Егор, здравьете, Агафья Петровна, - и хотел было пройти, но бабка обратилась к нему:

✓ - Милай, ты говорят, экстрасекс. Скажи, почему у меня насморк и зимой, и летом?

Лёнька заухмылялся, уловив бабкину ошибку, и ответил:

- Экстрасекс – это у нас Сергега-баянист, сходи к нему, он тебя от насморка и от всех прочих болезней вылечит.

Смешок рокотом выкатился из его могучей груди, он озорно мотнул головой и пошагал дальше. Бабка не поняла, что ей ответили, и переспросила Егора. Тот ей по дороге растолковал, что надо говорить «экстрасекс», а «экстрасекс», как она выразилась – это специалист по бабам, вроде нашего баяниста. Бабка завозмущалась: «Ах, он, негодник. - обернулась, помахала Лёнке вслед крючковатым пальцем и добавила, - чтоб тебя черти разорвали!» Они пошли дальше, рассуждая на счет Лёнкиных способностей.

Лёнька пришел к Свиридовым. Навалился на забор. Долго смотрел на корову и говорит хозяину:

- Ничем она не болеет, ей надо быка, она на меня глядит влюбленными глазами.

Хозяин аж офонарел:

- Тыфу ты, черт, а мне и в голову не пришло, вижу, она ведет себя странно, я и забеспокоился.

По этому поводу Лёнька с хозяином выкушали много самогона и, когда стемнело, он, покачиваясь, направился домой. Вдруг видит, идет большая толпа воинственной молодежи, у кого кол, у кого цепь в руках, и вида все свирепого. Лёнька подумал: «Как бы не накостыляли, походя-то». Он как раз подошел к бесхозной траншее и ничего лучшего в голову ему не пришло, как спрятаться в трубе. Он опустился на колени и втиснулся в трубу по самые каблуки. Толпа шла и видела ведь человека, а тут он раз - и исчез. Один паренек по траншее фонариком посветил, нет никого, как сквозь землю провалился. А Лёнька в трубе притих и уснул. Проснулся под утро, ему бы повернуться, суставы затекли, а места для маневра нет и вылезти никак не может. Лёха испугался, что задохнется, воздуха было мало, а который был - так и тот пополам с перегаром. Лёнька начал звать на помощь. Соседские собаки лай подняли, на Лёху вовсе жуть навалилась, и вой из трубы вырывался уже нешуточный.

Дед Егор проснулся от того, что его собака в ограде прямо взбесилась. Дед полежал, послушал и пришлось ему вставать. Неспеша собрался и вышел во двор, а там целый собачий оркестр. Дед прикрикнул на своего пса и слышит, в улице кто-то ревет, как бык. Взял хорошую палку и вышел за ограду. Опять рев, и звук, как будто из трубы.

Дед Егор подошел к трубе, нагнулся, а там ноги чьи-то торчат. Он постукал палкой по каблукам и спросил:

- Ты кто, бисова душа?

Лёнька замолчал, хотя деда узнал по голосу, но деваться было некуда, он заговорил:

- Дядя Егор, помоги ради Бога вылезти. Это я, Палютин.

У деда аж душа куда-то взмыла. Вот он случай и подвернулся. Он зашел с другого конца трубы, встал на одно колено и наклонился к трубе:

- Ты как сюда попал, аль грехи загнали?

Лёнька уже с мольбой:

- Да ты, дядя Егор, не спрашивай, лучше помоги, а то я задохнусь.

Дед тогда ему и говорит:

- А скажи-ка, Лёха, правда, ты людей насквозь видишь?

Лёха пыхтел. Дед Егор подгонял его:

- Признаешься - вытащу.

Лёха в муках вымолвил:

- Да нет, никого не вижу, придумал все для потехи.

Дед хихикнул и говорит:

- Сейчас я соберу людей, и ты скажешь все это принародно, тогда мы тебя ослобоним.

Пленик чуть не заплакал, но деда, как волной смыло. К этому времени народ в деревне уже просыпался. Шли управлять по хозяйству. Дед Егор ходил недолго. Привел несколько человек и, попилав Лёху по ногам, спросил:

- Ну, говори, экстрасенс ты или нет?

Но тот в трубе взревел белугой:

- Ой, люди добрые, вытащите меня, а то я задыхаюсь здесь!

Но дед Егор стоял на своем:

- Ты сначала признание сделай, тогда вытащим.

Лёха со слезой уже забормотал:

- Да никакой я не экстрасенс и никого насквозь не вижу, это я придумал для смеха, а все поверили! Простите, ради Христа!

Дружные старческие руки потянули его за сапоги и вытянули на свет божий. Лёха сел спиной к трубе и перекрестился, а дед Егор ходит вокруг козырем и аж приплясывает:

- Я же говорил, что Лёнька нам «динаму крутит», вот я его и разоблачил!

Лёнька поднял взгляд на старика и долго сверлил его и как-то с сердцем сказал:

- Эх, жалко, что ты старый, дать бы тебе оплеуху. Ты у народа веру отнял, обокрал и без того нищих людей, а без веры люди бедные.

Поднялся на ноги и пошел тяжелой походкой домой.

И все! В деревне больше нечего было обсуждать.

А Лёнька замолчал ещё лет на сорок.

Соответствует.

Любознательность - загадочное свойство людей. Вот едут, к примеру, два человека в поезде. Первый раз спит. Один завалится спать и дрыхнет себе, а другой на полке «дыру протрет», смотрит в окно на разные станции, вокзалы, вокзальчики, прощания людей, и ему все интересно. Не факт, что тот, который дрыхнет, проживет дольше, а может, совсем наоборот.

Тося «Легковушка» была очень любознательным человеком. Вообще-то, она Тоня – Антонида Сменовна Легконогова. «Легковушкой» прозвали за резвость. Когда-то в юности, ещё до войны, пасла коров подпаском. Пастух скажет: «Ну-ка, заверни вон ту пеструху». Тося мчится пулей. За долгую жизнь, какую только работу не делала - и всё бегом. Дал Бог резвые ножки.

А уж любознательна была не в меру. Довоенные и военные трудности не позволили получить образование, так как у неё братьев и сестер было восемь душ. Ей хватило и трех классов, чтобы перечитать всю сельскую библиотеку.

Первый раз в городе побывала она уже, будучи замужем. Для неё сразу раздвинулся мир. И пока она одним глазом разглядывала один край мира, а другим – другой, середина осталась без обзора, а тут прямо в любовую прет трамвай. Муж успел, отдернул Тосю, глаза ей на место поставил, а то бы так в разбег и остались. После этого муж не выпускал Тосину руку и водил её, как ребенка. Случилось это в небольшом городе Бийске.

Однажды, в начале шестидесятых, Тосю отправили в Москву за наградой. Получила она в Кремле орден Трудового Красного Знамени, а после алтайскую делегацию повезли на ВДНХ, и там Тося отстала от своей группы. Побегала, побегала, села на бетонную урну и заплакала горячими слезами. К ней подошел милиционер, но она, не обращая на него внимания, причитала, как по покойнику: «Ох, да не увижу я своего любимого мужа, деточек-кровиночек!» Кое-как милиционер успокоил бедную женщину и помог ей найти своих. Больше Тося никогда из деревни никуда не выезжала.

Когда дети выросли и «вылетели из гнезда», сын оказался в городе Мыски. Приезжая в отпуск, рассказывал о городке, как о «чудной планете», и потихоньку сманил своих престарелых родителей к себе. Трудно бросать обжитое место, друзей, соседей, которые стали, как родные. Распродав хозяйство, они все же переехали. С сыном жить не стали, купили себе домик в Красном Яре и начали обживать.

Спокойно пожилы не долго. Началась перестройка, и на «чудной планете» стало так же, как и везде. Тося не отходила от телевизора. Ловила каждое слово Горбачева, особенно новые слова. А дальше поперло: одно новее другого. Взрывались поезда, самолеты, электростанции, пока не сдетонировало общество. Ну, и пошло-поехало. На свет вылезли все «тараканы из-за печки» и пошли баталии. На экране телевизора митинги сменялись «порнухой», «а «порнуха» - «лебединым озером».

Пенсии не давали по несколько месяцев. Старики приуныли. Но как-то мало-помалу жизнь стала

налаживаться. Магазины и рынки наполнились товарами, улицы стали чище, засверкали рекламы и витрины.

Тося с интересом читала рекламы, да все размышляла, что сие означает. Она по-прежнему с легкостью обегала центр и возвращалась домой с сумками. Когда они переезжали из деревни, думали, что кличка «Легковушка» отстанет от неё, как короста, да не ту-то было. Соседи поглядят в окно, а Тося куда-то спешит, только калоши сверкают, и говорят меж собой: «Легковушка» опять на рысях куда-то помчалась».

Однажды шла она мимо банка, глядь, а там новая вывеска «Углеметбанк». Призадумалась она: «Угле – значит, связано с углем. Это понятно, а что такое мет?» Ей не приходило ничего подходящего в голову. «Может быть, это связано с заготовкой метлы? Метла в быту – вещь нужная. Вон город, какой стал чистый, тут без метлы никак, а сколько стране нужно этого инструмента? Не счесть! Заготовкой занимаются лесники и ханыги, которые собираются в бригады и губят лес. А при чем тут банк? У них один банк – ликеро-водочный магазин. Наверное, «мет» - это от слова метод или метить. А что метить? Уголь? Чего его метить? Его немеченым в вагоны грузят. Тогда уж скорее «метать», но это уже из сельского хозяйства».

Так она думала целые сутки, можно сказать, всю голову сломала. Ночью ей приснился сон, будто она летает на метле, а какие-то люди разгружают вагон с углем. Спустилась ниже, а это черти мечут лопатами уголь в стог. Тося проснулась от того, что закашлял дед, перекрестилась и подумала: «Навязался мне этот банк! Как в город пойду,

зайду, спрошу, как расшифровать их вывеску». Ещё раз перекрестилась, чтобы черти больше не снились и ещё на пару часов прищурилась.

Утром принялась за стирку. Постирала и завешала за домом все веревки. На другой день подумала: « Может, белье снять, вдруг ветер?» Включила телевизор, а там Гидрометцентр в лице какого-то мужичка в жилетке, сообщает погоду. Тося чуть не подпрыгнула. «Вот разгадка! «Углеметбанк» и «Гидрометцентр» имеют один корень – «мет», значит «Углеметбанк» имеет отношение к погоде» - обрадовалась Тося.

На этот день пообещали хорошую погоду. Она не стала снимать белье, собралась и поехала к внучке в соседний город. Внучка недавно родила, и Тося не могла нарадоваться на правнука. В гостях хорошо. Но....

С обеда задул ветер, она засобиравшись домой. Внучка уговаривала остаться хоть до вечера. Да где там - бабку не уговоришь. Пока добиралась до дома – разыгралась буря.

Черт бы их побрал, этих «мет, свет, совет»! Взять бы их и в кювет!» С автовокзала чуть не бегом – домой, а дома все белье разлетелось по огороду, простыни к забору прилипли. Тося собирает белье, а сама думает: «Завтра пойду в город и зайду в этот банк, попрошу, чтобы они не платили деньги этим трепачам!»

На другой день пойти в город не вышло – перестирывала белье. Денька через три собралась. Ножки сами так и несли её к банку. В дверях её встретил охранник: «Вы к кому, бабушка?» «Мне бы кого из

начальства». Охранник пропустил бабушку внутрь. Навстречу Тосе вышла девушка и на вопрос «Вы к погоде отношение имеете?» - девушка ответила: «Нет, а что?» Бабушка снова спросила: «Углеметбанк», как расшифровывается?» Девушка объяснила: «Мет» - это корень слова металл, т.е. банк обслуживает предприятия угольной и металлургической промышленности. Хотя, не только».

Тося стукнула себя по лбу крючковатым пальцем: «Как же я не докумекала, дура старая!» Девушка стоит, не поймет, что бабушке надо. А Тося, завершая разговор, сказала: «Правильно банк назван, все должно соответствовать!» И ещё поинтересовалась: «А у вас начальник есть?» «Какой?» - в свою очередь спросила работница банка. «Ну, главный у вас, как его фамилия?» «У нас генеральный директор, а фамилия Бабенков», - пояснила девушка.

Тося стрельнула хитрым глазом, покачала утвердительно головой и сказала: «Соответствует, деньги-то сейчас бабками называют, в аккурат точь в точь, значит, ваш банк будет богатым, а директор будет работать долго-долго». Повернулась и пошла к выходу.

Девушка стояла и улыбалась: «Странная какая-то посетительница, а приятно, хорошо сказала. Старые люди знают, что говорят. Ну, и, слава Богу!»

Тося шла по улице и улыбалась: «Сын денег дал на похороны, а рановато, надо их в этот банк положить, дома держать опасно. А мы ещё поживем! Посоответствуем!»

Жили-были две соседки.

В субботний день перед пасхой соседка пришла до соседки, ну и приветствует:

- Стешь, привет, как живешь?

- Да ничего, - отвечает хозяйка, - вот вся в работе, отстряпалась только, щас полы помою, да сама в баню пойду. А ты отстряпалась?

- Да уже управилась, сдоба у меня удалась ныне, слава Богу. А у тебя как?

- Да тоже ничё, вон, погляди, паска стоит, как замок, - ответила Степанида и погладила себя по переднику.

- Молодец! - похвалила соседка. - А чё ты кулич крашеными яйцами не обложила, иль не красила?

- Да красила маненько, да положить-то, никакой возможности нет.

- А чё так? — никак не отставала соседка.

- Да чё, чё, - ухмыльнулась Степанида, - Николай с ними спит.

- Пошто так то? — долбала соседка.

- Один в фуфайке, другой в пальто, вот пошто! - скороговоркой ответила хозяйка, поулыбалась, да и решила рассказать. - Я давече луковой шелухи в таз насыпала, да с чайника крутым кипятком заварила. Накинула тряпку, да и задвинула таз в угол. Думаю, пусть напарится, потом яйца красить буду, а тут, немного погодя, явился мой Микола пьяный и давай куражиться, ты ж ить знаешь, какой он? Долго куражился, стал с любовью приставать.

- Да, твой, хоть с любовью, а мой сразу драться лезет, зьмей!

- Ну, не скажи, это тоже не дай, не приведи, толку нет, а вот, будет лазить, тьфу ты, Господи прости. Я ему сегодня и сказала: «Чё ты лезешь, безжелтушный, иди, спи.» - Ну, он как взъярился и прямо, как твой, в драку, как пихнет меня. Ну, я же не ты - квелая. Я его как пихнула, он полетел в угол и прямо в таз угодил, сел прямо в шелуху, а я думаю: «Черт с ним, там уже не кипяток», - а он даже задремал немного, а потом глаза открыл и говорит:

- Тут чё-то сыро. Ты мне помоги подняться.

- Я его подняла и в баню отправила, а он разделся, лег на полок и спит, как есть крашенный.

- Ой, бабоньки, держите меня, а то помру! – хохотала соседка. - А я не пойму, чё ты говоришь «к паске не положишь», ой умора!

Соседка успокоилась не скоро. Степанида строго сказала:

- Ты смотри, по деревне не болтай, а то щас растрезвонишь!

- Да ты чё, Бог с тобой, - ответила соседка. - Ни-ни.
- И пошла домой.

На Пасху вся деревня знала об этом случае. Да все прошло и забылось. Только Николай, приходя пьяный домой, тихо ложился спать, а уж с любовью домогался с тех пор только по-трезвому.

Лекция для мужчин.

Тема нашей лекции: «Корова».

Какое место занимает в нашей жизни это, с позволения сказать, животное? Корова относится не только к млекопитающим, но и млекодающим животным. Она имеет: рогатую голову, хвостатое туловище, сисястое вымя. Корова - очень продуктивное животное, она дает: мясо, пельмени, холодец и ливерную колбасу, а также: молоко, кефир, сметану и сыворотку из простокваши. Корова – это фабрика с безотходным производством, она питается подножным кормом. Сельские коровы - травую на выгонах и пастбищах, городские - травой с газонов, цветами с клумб и венками с кладбищ. Телята любят целлофановые пакеты, стаканчики из под мороженого и белье, сохнувшее на соседней веревке, но больше всего они любят пойло с молоком и хлебом из рук хозяйки.

В зимне-стойловый период корова питается сеном и производит много навоза. Навоз используется, как удобрение на огороде и для обмена на дрова, уголь и водку. Коровы очень дружелюбные в общении с человеком. Её можно погладить и поговорить по душам. Она вас не отmaterит, не назовет козлом вонючим и не ударит скалкой. Она не заорет: «Опять ты пришел пьяный!». И тем более, не спросит получку, а наоборот, может за вас заступиться.

Хорошо вооруженная, она представляет собой угрозу для врага. Она способна: а) забодать; б) затоптать; в) застегать хвостом; г) засосать насмерть.

При внимательном рассмотрении в корове можно видеть симпатичные черты, у неё грациозный экстерьер, курносый нос, темные, огромные глаза, будто в них

утонула сама ночь, большие ресницы и мягкие, чувственные губы. Корова круглый год любит своего хозяина и только один раз в году любит быка. Она замечательная мать и никогда не бросит своего теленка, вынашивает его девять месяцев, но никогда не завяжет голову и не ляжет на диван, а будет регулярно ходить в стадо и носить молоко. Корова приносит одного теленка в год, редко двух, редчайший случай – трех, но был такой случай – корова принесла четырех телят, но у неё четыре соска, и она рассчитывала только на собственные силы. На что же рассчитывает женщина, приносящая более двух детей? Корова может использоваться в хозяйстве и, как рабочая сила, она не хуже лошади везет воз и, причем никогда не пойдет в галоп и не растрясет вас. Коровы умны, они сами идут домой и ведут за собой молодняк. Она не позвонит домой и не скажет, что задерживается у подруги.

От коровы можно получить в год более пятидесяти тысячи рублей чистой прибыли, а от женщины убыток - от пятидесяти тысяч и до бесконечности, в зависимости от вашего дохода.

Покупайте и держите корову. Можно завести и жену, если она умеет доить корову, и тогда у вас будет финансовый баланс и полная жизненная гармония. Заводить корову без жены нецелесообразно, а жену без коровы экономически не выгодно.

Да здравствует гармония!

Спасибо за внимание.

Да здравствует свобода!

В Дубаи проводилась международная автомобильная ярмарка. Все государства выставили свои последние модели. Итальянцы - новый гоночный автомобиль «Феррари», изготовленный специально для Шумахера. Немцы, японцы, французы, американцы задолбали зрителей рекламой своих шикарных авто.

Вдруг из узбекского павильона раздались противные, душераздирающие звуки. Все репортеры туда. И полетели репортажи по всему свету. «У узбеков и казахов уникальные разработки! Это они, освободившись от коммунистического гнета совершили технический прорыв!» Казахи назвали свою модель «Корабль пустыни», а узбеки свою – «ИА – 4».

В ходе разбирательства конструктивных особенностей узбекской модели нашли одну лишнюю деталь. Ну, может быть, и не лишняя, но в глаза бросается.

Все задавали вопросы бабаю в полосатом халате, но тот упорно молчал. Только казахский представитель, чтобы убрать конкурента, сказал, что узбекский «ИА-4» не исправен – у него отвалился карданный вал. Это обидело бабая, и он выдал все слабые места «Корабля пустыни», что, мол, ему в радиатор заливают чистую воду, а у него с передка падает пена, да и вообще, какой дурак гнул такую загогулину, никакой эстетики.

Прибежали испанцы из Велорибо и Велобаджио, тут же появились две соседки-финки Кюсике и Айнике. «Что за пену выдает «Корабль пустыни»? Как она расщепляет жиры?»

В это время «ИА – 4» начал сливать отработку. Все поразились. Это же надо, какое изобретение, отработка

сливается через карданный вал! Отработка похожа на бензин, а нельзя ли её вторично использовать? Совали пальцы, пробовали на запах, а вездесущий американец пробовал на вкус. Поморщившись, заключил, что если выпарить соли, то можно разводить бензин.

«Советский режим угнетал своих граждан! Даже одному из «джентльменов удачи» дали год тюрьмы ни за что! Технический прорыв! Технический прорыв!» - верещали западные комментаторы. «Скоро приедет президент Грузии Саакашвили – освободитель, будет лично представлять грузинскую новую модель «МУЛ – 4», который превосходит в грузоподъемности узбекскую модель, и двигатель у него так не орет, правда он имеет тот же дефект с карданным валом, но в горных условиях этот дефект используется, как дополнительный тормоз. Вот что значит, Свобода!»

Заканчивалась ярмарка. «Тойоты», «Форды», «Мерсы» остались не востребованы. Японцы давно мечтали об экологически чистом транспорте и заключили контракт с узбеками на поставку «ИА – 4». За «Корабль пустыни» две «горячих финки» покусали «флегматичных испашцев» и закупили партию для производства «Фейри».

Пока петух не клонет.

Петр Петрович был самовлюбленным болваном. Отец его покойный, Петр Петрович, и сына назвал Петькой, стало быть, он тоже Петр Петрович. Любовь к себе он выражал восхвалением петухов. Как начнет рассказывать, какая это гордая, храбрая и умная птица – не переслушаешь. Справедливости ради, надо сказать, что в его дворе всегда жили красивые петухи. Покупая цыплят, он обязательно брал несколько петушков, а когда они вырастали, оставлял лучшего. Любимым занятием Петра Петровича было наблюдать за петухом, узнавать его повадки, и кое-что заимствовать для себя. Люди потихоньку посмеивались над ним и за глаза называли «Петушок», но он ничего не замечал и любить себя не переставал.

Дом и надворные постройки у него содержались в порядке, вот только туалет не очень. Новый он построил по «на-на» технологии. Жили они в крайнем доме у оврага. Петр Петрович построил туалет задней стенкой за ограду. К туалету вел новый тротуар из струганых досок, а перед туалетом площадка. Под туалетом не было ямы, туда он задвигал корыто, а по мере наполнения - вывозилось в овраг. Это и была его «на-на» технология.

Произошло это в начале лета. Петр Петрович что-то делал по двору. Одет он был легко: если не считать шорты и бейсболку, можно сказать, что вообще не одет. У него было хорошее настроение. В огороде все благоухало, и душа хозяина пела, а за оградой пел его любимец «Петруша», собирая кур до кучи, чтобы не растерялись. Из дома вышла жена и попросила: «Петя, надергай мне редиски и сощипни батуну на салат». Прилежный муж поспешил исполнять. Намечался праздничный обед. Сын

едет домой с невестой. Невеста у него полячка, надо познакомиться.

Петр Петрович надергал редиски, нащипал батуна, помыл все из крана возле бочки, и хотел было идти домой, но почувствовал, что ему срочно надо в туалет. Положил овощи на досочку и поспешил в свое новое сооружение. Совсем недавно он освободил корыто, но забыл задвинуть его на место. В это время «Петруша» с курицами паслись сзади туалета.

Не зря хозяин хвалил петуха, он действительно был любознательный, зашел под туалет и стал рассматривать новое помещение, затем задрал башку: «О! Да здесь, что-то висит?» Он покосился одним глазом, затем другим. В это время стукнула калитка, пришли сын с невестой. Поставили сумки на крыльцо и подались в огород. Сын хвастался невесте, какие у него хозяйственные родители. Они стояли между грядок, когда «Петруша» решил удовлетворить свое любопытство и клюнул в то, что там висело.

Петр Петрович вышиб дверь лбом и выпал на площадку. Он соскочил, но вместо того, чтобы надернуть шорты, стал разглядывать то место, куда клюнул петух. Невеста, схватившись за голову, вскрикнула: «О, матка-боска!» - и кинулась бежать с огорода. Только тогда Петр Петрович заметил гостей. Сын резонно спросил: «Пап, ты чего?» А отец со слезами на глазах пояснил: «Кто-то меня щипнул», - шагнул в туалет и заглянул в дырку, а оттуда на него смотрел любопытный «Петруша». «Кышь!» - заорал хозяин и пошел вокруг, чтобы прогнать любопытного «чертягу» с железным клювом.

С тех пор Петр Петрович невзлюбил петухов и ругался на своего покойного отца: «Мало ему, что отец был петух, сам петух, да ещё и меня петухом назвал, самолюб несчастный, не мог как-нибудь по-другому назвать!» Ругался долго, но затем успокоился. А культ петуха исчез сам по себе.

Эх, кого обидели?

Петр Иванович был во всех делах первым. В детстве, бывало, нашкодит и сбежит первым. В юности, сад обобрать или ещё какую пакость сделать, он тут, как тут, а отвечать: «Не я, не я!» Когда на девок поглядывать начал, тут уже равных ему не сыскать, пока не женился. А активность-то куда денешь - она как тесто, все прет и прет.

Сначала его избрали комсоргом. Молодежь не знала, куда от него деваться. Когда заматерел, его назначили парторгом. Парторг в колхозе, это как бык-производитель – в единственном числе. Больше всего он любил борьбу, но борьбу не спортивную, а идеологическую. То он борется с перегибами, которые сам и совершал, то за закрома Родины, и все у него получалось успешно. Взаясь бороться с хищениями в столовой, поправился – ушей из-за щек не видать. Дальше борьба перекинулась на магазин - стал прилично одеваться.

Однажды звонят из райкома: «Что-то у вас с рождаемостью плохо, так будет - закроем детский сад, а затем школу». Вот тут-то Петр Иванович поборолся, так поборолся. Рождаемость поперла вверх, но ребятишки часто ходили на секретаря парткома и такие же активные, ну - вылитые Петенька в детстве. В этой борьбе много он сил положил, даже похудел, столовая едва справлялась. А тут бац - перестройку объявили, и от него требуют перестроиться. Не поймет что-то Петр Иванович: то ли партия отстала, то ли он опередил всех. Требуют: «Углубить и ускорить!» Но ведь он в последней борьбе по

увеличению народонаселения как раз этим и занимался. Без углубления и ускорения дети не рождаются. На Петра Ивановича навалились сомнения: «Если мы все, буквально, будем заниматься этой проблемой, неминуемо перенаселение, а чем кормить?»

Но здесь новую борьбу объявили. Борьбу с пьянством. Бороться было с чем. Пила вся деревня. Пили скотники и плотники, доярки и свинарки, пили техники-осеменаторы и конторские фальсификаторы. Устроилась одна непьющая женщина дояркой, пришла на утреннюю дойку, а коровы молоко не отдают, им, видишь ли, утренний перегар нужен – привыкли. Пьяный тракторист посадил картошку сажалкой и так навиял, что другой, который приехал делать междурядную обработку, никак не мог поймать рядок. Выпил стакан, попробовал – не получается, выпил второй – не идет, только после четвертого стакана вилюшки совпали. Телята - и те были пьяные. Оказывается, их поили бардой, что остается от производства пива. В общем, картина ясная.

Петр Иванович начал борьбу. Боролся честно и бескомпромиссно. Вскоре в деревне свадьбы стали проводить с чаем. На 8 Марта поздравляли женщин на сухую. Скукотища, хуже некуда. Мужчины от злости выпили: одеколон, денатурат, стеклоочиститель, добрались до зубной пасты. В конторе все помалкивали, только секретарша председателя была против такой борьбы и в общество трезвости не вступила.

Однажды парторг собрал свои кадры на политзанятие. Секретарша поставила на стол парторга графин и стакан. «Раньше не ставили, а теперь ставят –

видимо, уважают», - подумал парторг. В ходе разбирательства партийных деректив, плеснул полстакана, промочить горло, но когда выпил, поперхнулся и ужасно покраснел. Немного погодя, он начал читать бодрее и отпускать шуточки, а сам все косился на графин. После второго полстакана, речь его из бодрой, перешла в развязную с употреблением жаргона. Он говорил, что кремлевская братва опилась французского коньяка и «гонит дуру». «Нам в деревне нечего перестраивать. Одни гонят, а другие употребляют, и продукт не застаивается. У нас полная гармония, и её нельзя разрушать». Петр Иванович налил ещё, резко выдохнул, выпил и занюхал рукавом. После этого он стал мычать, стучать кулаками, упал лицом на стол и затих. Первой опомнилась секретарша, она схватила графин и объявила занятия законченными.

Петр Иванович ещё не успел опохмелиться, как его вызвали в райком. К вечеру его сняли с должности и поперли из партии. Надо работать, а он не привык. Но и тут ему фарт выгорел. Шахтеры застучали касками: потребовали мыла, а коммунистов «на мыло». Дали всем талоны на мыло, табак и водку, дали ваучеры и назначили выборы. Как наиболее пострадавший от партии, Петр Иванович пошел в депутаты. Опять из него поперли идеи, как опара на дрожжах. Сначала он предложил построить бар для молодежи. Бар построили и устроили в нем бордель. Пенсионеры кричат: «А нам, а нам!» Построили церковь. Молодежь пьет и колется, старики молятся, но пошел мор поголовный. Петр Иванович тут, как тут: «Надо построить магазин ритуальных услуг и назвать его «последний вздох». Так и сделали. Но... Ударил гошг. Петр Иванович – пенсионер. Боже, как быстро время в

борьбе прошло! Назначили ему пенсию, маленькую, как всем. За что? За что обидели? - возмущался Петр Иванович. - Столько труда, вся жизнь в борьбе! Надо было год за два зачесть, особенно, то время, когда боролся за повышение рождаемости. Эх, кого обидели? Петр Иванович пошел сначала в пивбар, потом в церковь, а дальше - как положено.... Идеи закончились.

Сон рыбака.

Рыбак приходит на реку, и только к воде - как вдруг, откуда ни возьмись, огромная щучина выскочила, цап рыбака за башмак и в воду. Рыбак трепыхаться, но где там, его подхватили жирные сазаны, сильными плавниками закрутили ему руки и потащили на суд.

Судья – красавец-осетр, говорит:

- За то, что вы ловите нашего брата, мы приговариваем вас к казни через резекцию той части тела, который вы это делаете.

Рыбак завозмутился, забулькал:

- Ты что? Буль-буль. Вроде благородная рыба, буль-буль, а все туда же, в живодеры, буль-буль, да я отродясь такой крупной рыбы, как вы, не видал, буль-буль, только вот такую, - ещё булькнул и показал указательный палец.

Осетр нахмурился:

- Ах, да ты ещё глумиться?! Ловит наших неразумных деточек, ещё и недоволен. Ну, все, отглумился, зовите пристава и палача.

Подплыл налим-пристав и начал на рыбаке ремень расстегивать, а сам хитро так улыбается и подмигивает. У рыбака даже борода дыбом встала, он начал пинаться:

- Ты что делаешь, рыба морда? Буль-буль. Ты куда полез? Буль-буль. Я этой частью тела вас никогда не ловил, буль-буль, видал, чего удумал, буль-буль.

Налим зашамкал, поглаживая плавником подбитый нос:

- Ты погоди, пинаться-то, я хочу тебе ремнем жгут наложить, а то ты нам всю реку своей кровью замутишь, акулы с океана приплывут.

Рыбак перестал трепыхаться.

Подплыл палач-судак. Челюсти вставные, зубы напильником точит, глазами ворочает. Рыбака в дрожь. А судак, как впился в руку! Рыбак застонал. Проснулся, - руку отлежал, мурашки побежали, а приснилось чёрте что. «Да, давно на рыбалке не был. В выходной заеду за другом, порыбачим. Нам хорошо, и кот будет сыт.» Потер руку, повернулся на другой бок и захрапел.

Перенграл.

Сергея ехал на своем стареньком ЗИСе. Его сверлила одна мысль, и даже кочки не могли стряхнуть её. Она вцепилась ему в душу.

Рулил он машинально, подчиняясь профессионализму, вросшему в подсознание, в самую кровь. Что касается кочек, так он знал каждую на улицах своего села. Двадцать пять лет за баранкой – это тебе не «шуба с клином шесть вперед»!

Работал он на сахарном заводе с самого его образования, подвозил уголь в котельную, свеклу с кагатного поля на переработку. В межсезонье возил строительные материалы. Зарплата была невысокой, но у него всегда подвертывался калым. Жом, который оставался от переработки сахарной свеклы, с удовольствием поедали частные коровы. На жом была очередь. Сергей завел маленькую записную книжицу и записывал туда фамилии очередников. Как только появлялось свободное время, он ехал к жомовой яме, нагружался и вез по адресу. Машина жома в то время стоила шесть рублей. Рубль шофер отдавал трактористу, который мехлопатой нагружал машину, а пять брал себе. Все было отработано до мелочей, и все были довольны, кроме жен, потому что эти «пятаки» шли на пропой.

Сергея с женой и двумя дочками жили в худенькой избе с покосившимся крыльцом. Хотя, если посчитать эти пропитые пятирублевки, можно было и домом обзавестись, и на хозяйство бы хватило.

И вот он едет, а его сверлит мысль, не та - куда девались скалымленные за прошлое «пятаки», а та, что их в будущем вовсе не будет. Получку он привык отдавать

Зос всю до копейки. С чего же он, «Король дорог» будет угощать друзей в гараже вечерами? Рушился привычный мир. Как можно смириться с тем, что какие-то сосунки влезли в твой бюджет? Хотя сосунками называть их как-то не солидно – скорее сосуны.

А произошло вот что.

В этом году к ним на завод прислали двух молодых специалистов. То ли кто из небесной канцелярии свел их нарочно, но получилось весьма оригинально. Одного звали Митрофан Иванович, а другого Иван Митрофанович. Первый был весом сто двадцать килограммов, а другой сто тридцать, стало быть, четверть тонны на двоих. На должности их назначили по весу: кто потяжелее, тот главнее.

Ивана Митрофановича назначили главным инженером, а Митрофана Ивановича – главным технологом. На заводе поперли революционные перемены. Два вездесущих толстяка добрались до самых заброшенных уголков завода. Не осталась без внимания и жомовая яма. «Мы же ещё не при коммунизме живем и на отходах производства несем экономические потери. Почему же жом отдаем бесплатно?» - убеждал Иван Митрофанович директора.

И убедил.

Серегу аж столбняк хватил, когда тракторист ему заявил: «Все, баста, без выписки грузить не буду!» И стоял, надвинув кепчонку на нос, чесал затылок, но никак не мог взять в толк, что ему сказали. Когда, наконец, дошло, у него нехорошо заурчало в животе. Серега поспешил в туалет, но по дороге завернул в «красный уголок», разжиться газетой для нужд гигиены. Его встретила секретарша, которая подшивала газеты и

сказала, что Иван Митрофанович велел подшить, дабы не использовали в туалете лица членов политбюро. Серега прямо озверел и ляпнул напрямую: «Да что в ваших газетах пишут? Только и годится, что в туалет! Лучше бы туалетную бумагу выпускали!» Прихватив неподшитую газету, побежал по нужде.

Весь день был какой-то нервный. После обеда в гараж пришел Митрофан Иванович. Походил, посмотрел на все и завгару в присутствии подчиненных заявил: «У вас здесь не работа, а хождение под мухой». На вопрос завгара: «Как это понимать?», ответил: «Надо читать классиков», - ухмыльнулся и пошел себе, как король-победитель.

Серега слышал этот диалог и зло подумал: «Ну, погодите, толстопятые, будет вам «хождение по мукам», причем в классическом варианте. Мы тоже классиков читали».

Ближе к вечеру он выписал жом на себя, а по дороге размышлял, как он возьмет со сватьи червонец вместо привычных шести рублей? Сватью столбняк не хватил, по она выдала длинный монолог, где собрала в кучу большевиков, бюрократов, жуликов и Фиделя Кастро, который кормит Советский Союз тростниковым сахаром, а её бедной корове не хватает жома.

Серега с трудом «переварил» все сказанное сватьей и с тяжелым сердцем возвращался на завод. Чтобы освободиться от душевных мук, заехал в сельпо и купил поллитровку «лекарства».

Вечером в гараже распивали Серегину бутылку, обсуждали дела заводские. Мужики все с надеждой смотрели на него. Конечно, кому же, как не ему – ветерану, решить такую задачу. Серега не пьянел. Домой

шел сосредоточенный. Дома жене объявил: «В выходной будут гости, заколю поросенка».

Как всегда, суббота была рабочая. Серега с утра повстречал Ивана Митрофановича. На приглашение тот расплылся в милой улыбке и любезно согласился откусать свеженины под водочку. Ближе к обеду удалось поймать и Митрофана Ивановича, но тот на приглашение отозвался с подозрением и, ничего не ответив, пошагал вперевалочку по делам.

Серега в этот день стоял на ремонте. Немного подлатав свой самосвал, поехал на нем домой. Пообедал, чем Бог послал, а Бог послал ему немало, потому, что Зоя работала в столовой, наточил нож и пошел в сарай.

Поросят было двое: боровок и свинка. Свинка росла хоть медленно, но верно, а боровок оказался такой любвеобильный, что его пришлось отсадить. Смотрел он через щель на подругу и повизгивал. Ничего не жрал, рос только в своё поросячье достоинство и дорос до того, что его заносило на поворотах. Кастрировать его не стали, и хряк жил надеждой на свидание. Вот его-то и заколол хозяин для угощения.

Когда пришла с работы хозяйка, Серега уже палил поросенка. Лампа весело поуркивала. На заборе сидело несколько сорок в ожидании поживы. Хозяин свое дело знал хорошо и обработал, как следует. К вечеру Зоя уже жарила свеженину. Хата наполнилась мясным духом, но дух этот был с примесью мочи. Когда этот запах выветрился, заявились гости.

Под гостями скрипели половицы и табуретки. Звякнули стаканы, и дело пошло. Зоя не уставала менять сковородки. Время бежало быстро. Серега весь вечер был в ударе – так и сыпал прибаутками. Гости посмеивались

довольно и шурились, как мартовские коты на солнышко. Но водка стала их одолевать. Отяжелевшие, они начали собираться домой. На Ивана Митрофановича напала икота, и он никак не мог попасть в рукав пиджака. Митрофана Ивановича сильно штормило, и он в поисках точки опоры за что-нибудь хватался. Свалил вешалку вместе с одеждой, уронил свою фуражку в поганое ведро. Серега выхватил её оттуда и надвинул гостью на голову. Митрофану Ивановичу это не понравилось. Он, что-то бормоча, отдувал, стекающие струйки помой. На одном ухе повисла луковая шелуха, а на другом – разбухший окурок. В таком неприглядном виде он кружил по кухне и поймался за трубку, которая поддерживала чувал печки. Он легко выдернул трубку, и чувал рухнул. Сажа полетела в разные стороны. Зоя завопила караул. На её глазах разрушали их жилище.

Митрофан Иванович вывалился в сенцы, посшибал там все ведра и ванны, кубарем скатился с крыльца. Весь в помоях и саже он лежал на спине, широко раскинув руки и ноги.

Иван Митрофанович последовал за другом, но в сенцах наступил в ведро. Он мотал ногой, бил ею об пол, но ведро не слезало, и ему пришлось идти дальше, постукивая этим «копытом» об пол, потом запнулся и рухнул на ванну. Ванна сплющилась, как картонная. Серега помог ему подняться и направил на крыльцо, но тот, сделав несколько шагов, побежал и, не задевая ступеней, спорхнул с крыльца, упав на Митрофана Ивановича поперек.

Лежать живот на живот было тяжело, пища рвалась наружу. Серега понял, что нижний начал захлебываться, что комедия может обернуться трагедией. Он попытался

свалить верхнего, да не тут-то было, тогда он быстро открыл ворота, завел ЗИС и сдал назад. Размотал трос, надел петлю на ногу и дал газу.

Иван Митрофанович соскользнул с нижнего, как блин со сковородки. А когда затягивался трос, с него соскользнули штаны вместе с трусами, и он лежал ничком, освещая ограду голым задом.

Сергеа выскочил из машины и кое-как перевернул на живот Митрофана Ивановича, который уже хрипел. Сергеа сложил руки в замок и врезал меж лопаток этому обжоре. Тот громко кхакнул, и большой непрожеванный кусок мяса выпал изо рта. Митрофан Иванович задышал.

Сергеа вспомнил про другого. Подошел, растянул петлю, намотал трос на фаркоп и начал натягивать штаны на главного инженера, а сам приговаривал: «Ну, и как тебе жом, боком вышел? Сфотографировать бы вас, деловых!»

Отдохнув, Сергеа пошел в дом. Дома жена убирала кирпичи, подметала сажу и глину, при этом обреченно плакала. Сергеа кое-как уговорил её помочь погрузить гостей в кабину. Развозил по домам по одному. Спать ложился усталый, как будто его отжали.

Все воскресенье ремонтировал печку, а жена подбеливала да мыла в хате. Хорошо, что дочки не видели этого сраму, у бабушки ночевали.

Тем временем по селу поползли слухи, как Сергеа гостей принимал.

В понедельник на заводе было внеочередное заседание парткома. Разбирали персональное дело молодых специалистов. Любителей свеженины выгнали с работы, и они уехали туда, откуда прикатили.

Сергеа ходил сам не свой. На душе свербело: «За какой-то несчастный жом ребят молодых подвел под

монастырь». Не жалко было поросенка , от которого осталась голова да ножки, жалко душу испоганил, все равно ведь выписку на жом не отменили.

Через несколько дней Серега подал заявление на расчет. Уволился и пошел на стройку возить бетон и раствор на таком же ЗИСе. Иногда к нему подходили и просили привезти жому, но он решительно отказывался.

P.S. Когда он рассказывал мне эту историю, в его голосе я уловил тонкие нотки самоугрызения, мы долго сидели молча, дожидаясь, когда растворомешалка выдаст нам очередную порцию, и мы поедем на объект.

Черти в стуне табак толкли...

Глеб Керосинкин, совхозный тракторист, был большим оригиналом. Держался солидно, не ругался матом, не задевал Бога. Самым сильным его ругательством было странное словосочетание – «мать-телега», а если он очень сердился, то добавлял: «худое колесо». Из Берензаса на центральную усадьбу ездил на велосипеде, чтобы зря трактор не гонять туда-сюда. А тут ещё недавно пристроили гараж, и директор стал требовать, чтобы все трактора стояли в теплом боксе.

Велосипед Керосинкина находился всегда в исправности, имел два ручных тормоза на оба колеса, и они его никогда не подводили. Подводили Глеба чаще его собственные «тормоза».

В тот год поздней осенью в Подобасе прокладывали водопровод, траншеи копали большим экскаватором, отчего получались они очень глубокими. Намедни совхоз получил аванс. Мужики, естественно, взялись соображать «на троих». Ну, это поначалу, а дальше - у кого как получится. Керосинкин в тот вечер на велосипед сесть не смог – не сумел оседлать. Унав несколько раз то на бок, то через руль, Глеб решил вести его «в поводу». По дороге зашел к зятю, надеясь, что тот увезет его в Берензас, но зять был на службе. Поучив дочь уму-разуму, повоспитывав внука, он собрался домой, когда на дворе уже основательно стемнело. Дочь уговорила отца оставить велосипед здесь, даже кружку бурды налила на посошок. Дорога к дому вела через траншею. Керосинкин остановился, прицелился и шагнул по доске. В это время бурда совсем некстати ударила ему в голову, как обухом, отчего дав глубокий крен. Глеб упал в траншею.

Проснулся он от холода. Проснулся и не поймет – то ли ещё в могиле лежит, то ли уже в аду. А что это за трубы под ногами? Раньше, говаривали бабки, черти на грешниках возили воду, а теперь, видимо, и здесь водопровод провели. Оно, конечно, в аду и так работы хватает: кто угли толчет в ступе, кто котлы со смолой топит, а самые большие грешники, говорят, стоят в дерьме по горло. Но это когда у них перекур, а в основном они делают приседания. «Вот мать-телега, худое колесо, - думал Глеб. – Куда это я попал-то?» Начал искать верх траншеи, но не тут-то было. Решил пройтись, дошел до упора. Ага, здесь выйти нельзя. Пошел назад, то же самое, но по пути оказался свороток. Двинулся по нему, часто принимая позу низкого старта. От холода его стало потряхивать, и тогда он, как вибратор, утрамбовывал дно траншеи. Выходило так, что его путешествие приносило хоть какую-то пользу. Этот «рукав» в сторону был намного короче основной траншеи, и скоро Керосинкин уперся в какое-то здание. Подкоп был заткнут матрасовкой с соломой. Отодвинув в сторону «затычку», он полез в тесный подкоп. Оттуда падал электрический свет, и, в конце концов, Глеб залез в какой-то подвал. Там стояло много банок с солониной и вареньем. Керосинкин кумекал: куда же он попал и как теперь выбираться?

.... У Зои выдался трудный день. С самого утра шабашники подводили в дом водопровод и закончили лишь к вечеру. Не успела проводить этих, как приперся пьяный папаша. Еле-еле отделалась. «Доберется до дому, нет ли?» - думала она. Муж приехал уже за полночь - злой и уставший, как обычно. Слегка перекусив, пошел спать, а Зоя прилегла на кровать в кухне и от усталости заснула мгновенно.

Разбудила её странная возня где-то внизу. Зоя прислушалась: в подполье брякнули банки, и раздалось чье-то бормотание. От страха у неё даже волоски на ногах встали дыбом.

- Мамочки! Гриша, у нас домовой! - завопила она на весь дом. Гришу как будто подбросило. Он соскочил и кинулся жене на помощь, да не вписался в дверной проем: ударился бровью в косяк, аж искры из глаз сыпанули. Зоя подумала, что муж уже вступил в схватку с домовым, и, забившись в угол, заголосила: «Караул!» Но щелкнувший выключатель, представил пред её очи взъерошенного мужа. Потирая расшибленную бровь, он озирался в поисках противника.

- Где домовой? Какой домовой? Я всю башку из-за тебя разбил!

- Там, - ткнула жена дрожащим пальцем в сторону подполья. Тут крышка на полу дрогнула, приподнялась вверх, и, напуганные Зоя с Гришей, узрели чью-то синюю рожу. Вспомнив некоторые киношные трюки, Гриша прыгнул на крышку, на что из подполья донеслось: «У мать-телега, вы мне все пальцы поотдавили». Гриша посмотрел на жену, которая, выпучив глаза, дрожала, как осиновый лист.

- Кто это там? – спросил грозным голосом Гриша.

- Дык ведь я, мать-телега, - раздалось снизу.

- Кажись, тесь – сказал Гриша неуверенно.

Решилась окликнуть и Зоя:

- Папк, ты что ли?

- Ну, а кто ещё? – изумился Керосинкин. - Это я у вас в подполье, что ли?

- Надо полагать.

- А как я сюда попал?

- А черт тебя знает, я тебя ещё вечером проводила, ты вроде домой пошел.

Гриша шагнул в сторону печки, взял на всякий случай клюку и велел тестю вылезать. Снова поднялась крышка, оттуда действительно показался папашка. Лицо, волосы, руки – все в глине. Кое-как выкарабкался «домовой» наверх. Гриша присел, заглянул в подполье, обернулся на жену:

- Ты переноску выключила?

- Нет, кажется, - ответила Зоя.

- Понятно, это он к нам по траншее на свет пришел.

- Дак ведь я же затыкала матрасовой дыру, - пробовала оправдаться Зоя. - Ну, папка, ты прямо, как лягушка-путешественница. Чего-нибудь да отчудишь...

Приведенного в божеский вид тестя, Григорий транспортировал домой.

«Хорошо, хоть пацана не перепугали, крепко спит, - думал в дороге зять. - А мне надо из органов уходить, что-то «мотор» барахлить начал».

Тесть же всю дорогу пел частушки. Особенно он любил эту:

Черти в ступе табак толкли.

Угорели – на полок легли.

Чертенята доталкивали,

Угорели, но помалкивали.

Счастливый билет.

Автобус плавно «подплывал» к остановке.

- Семнадцатый квартал! – объявила кондуктор.

Было послеобеденное время, автобус - наполовину пуст. Но и на «семнадцатом» никто не сошел, однако вошли двое. Она, стройная, красивая, как принцесса Несмеяна, прикрыв глаза пушистыми ресницами, проплыла в середину салона. Он, ловкий, крепкий молодой человек с широким светлым лицом, обвел пассажиров голубыми глазами, кому-то кивнул с улыбкой и подал кондуктору новый хрустящий червонец.

- Один билет! – промолвил он.

Кондуктор отсчитала сдачу и оторвала.... Два билета. Взглянув на них, он обратился к кондуктору:

- Девушка, я же просил один!

- А за девушку? – громко спросила та.

- Она не моя!

- Ну, вот купишь билет, и будет твоей! – отчеканила кондуктор.

- Мне, в общем-то, не жалко, - сказал парень и лихо сдвинул шапку на затылок. По этому движению было ясно, что он недавно двигал также казенный головной убор, видимо, бескозырку.

Разговор поддержала пожилая женщина, не потерявшая вкус к жизни:

- А что, парень, смотри, какая девушка! Она же теперь тебе должна! Пригласи её на танцы или в кино!

Девушка обернулась и, покраснев, сказала:

- У меня проездной, но я могу отдать два рубля....

Парень смотрел на неё во все глаза, румянец играл на щеках. И он решил:

- Вообще-то я давно хотел тебя пригласить на танцы. Да как-то духу не хватало!

Пассажиры задвигались, переглядываясь, заулыбались. Любовь наклеивается - а это жизнь! Девушка вся зашлась краской, но ответила:

- И я уже давно жду, когда пригласишь.

Он шагнул к ней, она подвинулась на сидении, и парень сел рядом. Они продолжили разговор, но уже так, что пассажиры не могли разобрать, о чем они говорят. Но догадывались, о чем....

Билет на проезд стал той силой, которая заставила их сделать этот шаг навстречу друг другу. Они жили рядом, стояли на одной остановке, ехали не раз одним автобусом и шли вместе через проходную электростанции, где оба работают - и ничего. Но вот кондуктор оторвал им счастливый билет....

И это - судьба!

Слива.

Кондрат Присыпкин в своей деревне - фигура номер один. Нет, он далеко не красавец. Нос – на семерых рос, и кадык выделялись так, что при боковом ветре его разворачивало. Работать он тоже не силен. Не мог он на одном месте, терпения не хватало. Главное его достоинство – язык. Ох, и говорлив же он был. И все-то у него к месту. А колорит-то какой – чистый артист. Он мог соревноваться с самим Ираклием Андронниковым. Но разница была лишь в том, что у Кондрата было меньшее число слушателей.

Кондрату за тридцать, он уже весьма поистаскался и начал уставать от жизни. Пора было искать причал, но что-то никакая серьезная женщина не клюнула на это добро.

Кондрат шел по улице, пиная консервную банку, и размышлял: «Что-то скучно в деревне, хоть бы кто помер, что ли, выпить бы на поминках». Навстречу ему шел дед. Старый, уже и фамилию его все позабыли и звали все по прозвищу Долбилка. Когда у него умерла первая жена, он не долго горевал и женился ещё три раза и всех похоронил. Кажется, предпоследняя дала ему эту кличку за то, что он всех старух морально задолбал. Когда у него скончалась последняя, он начал сватать соседку. Ей за шестьдесят, но она ещё такая крепкая. По дому ходит – рюмки в серванте позвякивают. За любое дело возьмется - справит чинчинарем. Один дефект у неё был - бельмо на глазу. В детстве соседский пацан прутом выстегнул, и он сделался, как фарфоровый. Замуж выходила несколько раз, но мужики не выдерживали тяжести её характера и сбегали.

Под старость лет она жила одна, и вот приперся этот Долбилка, ну, давай, дескать, сойдемся. Люда выперла его взащей и плюнула вслед. Дед обиделся и затаил злобу.

Идет, а тут Кондрат ему навстречу, а он знал, что Люда Кондрату тетка. Думает, дай пошучу, авось, вслух произнесенное слово материализуется. Он ласково «замурлыкал»: «Здравствуй, Кондратушка, далеко ли путь держишь?». Кондрат не успел ответить, дед махнул на него: «Не хочешь - не отвечай, а скажи-ка, как вы тетку-то свою хоронить будете?». Кондрат вытянул шею и от того был похож на грифа. Долбилка причмокнул беззубым ртом и продолжил: «Легкую смерть приняла, не болела и аут». Дед перекрестился и зашагал дальше, а Кондрат стоял и не знал, куда сначала направиться, то ли к тетке, которая его никогда не любила, то ли ещё куда.

Кондрат пребывал в печали ровно сорок пять минут с 10.15 до 11.00. Пребывая в печали, он рысью побежал к сестре Нюрке. Кондрат стоял у порога и объяснял сестре, как тетка «завернула ласты».

Нюрка ужасно «любила» тетку и на радостях «разрядилась» червонцем, вместо пяти, на которые рассчитывал Кондрат.

В 11.00 он уже был в сельмаге. Как раз в это время во всей стране начинали продавать спиртное. В магазине было завозно, но Кондрат решил обойти всех на «вороних». Сегодня за прилавком кума Катя, и у них завязался диалог:

- Катерина, слышь-ка, у меня горе, надо литру.
Тетка померла.

Катерина вытянула шею:

- Ты чё, кум, с ума сошел, это которая тебе на мотоцикл занимала?

- Да нет, та, которая меня в ментовку сдала. Тетя Люда.

Очередь притихла и, когда говорил Кондрат, все поворачивали голову в его сторону, а когда Катерина – все поворачивались к ней.

Кондрат продолжал:

- Ну, помнишь, она меня пацаном крапивой отстегала за то, что я у неё слизун слизнул. Она посадила на грядку слизун и всем хвасталась. А я думаю, ну, что за слизун? Залез к ней в огород, выдрал весь и за огородами с пацанами ели. Вот она мне задала «баню с припарком», гори она огнем.

- Чё ей гореть, коль уж померла, теперь хоронить надо, - заключила Катя.

Кондрат протянул руку над толпой с мятым червонцем, который походил на туалетную заготовку:

- Ну, ты литр-то подай, а на сдачу сырков да булку хлеба.

Катя не торопилась обслуживать кума. Она знала, что кум у неё - «черт из банно-прачечного комбината» и что-то никто новость о смерти в деревне не приносил. Она распорядилась:

- Если ты про тетю Люду-косую, то ей ни в жисть не помереть и давай-ка, в очередь встань, у меня мужички все притомились, а тебе сразу подавай. Власть - она не дура. Зря они, что ли, с одиннадцати водку разрешили продавать? Это, чтоб вас, алкашей несчастных, можно было всех по головам пересчитать. Учет на вас, как на производительное стадо.

Толпа загудела. То ли неодобрительно, то ли наоборот, одобряя, что Катерина кума к порядку призывает.

Кондрата в деревне знали все – от мала до велика – и многие помнили его изобретательные «фокусы», которые он показывал с детства, поэтому веры ему не было. Вот ведь жизнь!

Один, как сереньким родится, так сереньким незаметно и уйдет, а другой такие фортели выдает - не соскучишься.

Кондрат относился ко второй категории. Он за девять месяцев до рождения финишировал первым, обойдя своих братьев и сестер, и далее играл «беспроигрышную лотерею».

Когда учился в школе, имел способность привлечь внимание: если его спрашивали, упорно не отвечал, а затем тянул руку, и отгарабанивал па «ять». Большой оригинал! Окончив пять классов, бросил школу и начал пить, курить и материться одновременно. Обещал жениться на Райке – продавщице. Райке было уже тридцать лет. Она поймала Кондрата и отодрала за вихры. Кондрат в долгу не остался, где-то раздобыл магний,

нашоркал опилок, добавил марганцовку и приготовил взрывпакет. Подсмотрел, когда Райка пойдет в туалет, поджог и пульнул пакет над дверью в щель. Раздался взрыв, и Райка с голым задом выпала из туалета. Она пыталась бежать, но трусы путали ей ноги, и она снова падала. Волосы на голове были подпалены и торчали вверх. После этого Райка не могла работать продавцом, она мыла в магазине полы, всем улыбалась и подмигивала обоими глазами по очереди, как светофор на железнодорожном переезде.

Юному террористу ничего не было: не достиг нужного возраста, но все-таки поставили на учет к участковому инспектору.

Когда Кондрата забрали в армию, вся деревня облегченно вздохнула, но ненадолго. На втором месяце службы его послали мыть канцелярию, а там командир роты как раз оставил свой китель и фуражку. Кондрат подошел к большому зеркалу, отдал честь и спросил: «Товарищ капитан, разрешите в отпуск на родину?» Затем надел на себя китель и фуражку капитана, козырнул перед зеркалом и ответил: «Разрешаю».

За месяц странствий он добрался с Дальнего Востока до Сибири, но здесь его ждал любимый участковый. Служба растянулась с двух лет до четырех, но Кондрат не унывал.

Вернувшись домой, он сразу взбаламутил всю деревню. Девки за ним гужом. Кондрат в дисбате освоил гитару и, немного брякая, пел «разносольные» частушки.

Районом руководила первый секретарь райкома партии Бортлиманова. И одна частушка, в исполнении Кондрата, привела всех в восторг:

«Возьму с горя я напыюсь,
На Бортлиманихе женюсь».

Услышал эту частушку участковый, он проходил мимо сквера, и Кондрата на сутки «изолировали». Но частушку-то не изолируешь! Разлеталась по району на потеху людям.

Затем Кондрат принялся жениться. Вечером женится, а утром уже развод. Девок-то глупых тьма-тьмушая. Он и водил их домой, как «телок на убой». Когда эти «телки» надоели, он пошел по «разведенкам». Бабам молодым холодная постель, как могила, тело млеет – ласки просит, а тут никого. Кондрат хорошо изучил психологию женщин и подкатывал всегда без осечки. Очередь наконец-то дошла и до Дашки гундосой. Дарья работала телятницей на ферме, работу свою любила, и поэтому телята у неё были, как налитки, сытенькие и чистые. После пойки она вытирала каждому мордашку, брала за уши и целовала в нос. Каждого теленочка знала по кличке и разговаривала с ним, как с дитём. Она хорошо зарабатывала. Ей дали квартиру в единственном двухэтажном благоустроенном доме, и она жила вдвоем с сыном.

Лет пять назад она поехала в Находку на путину, а вернулась оттуда через полгода пузатая и без денег. Вот Кондрат и подкатил к ней. Сначала она не пускала его домой, потом дала слабину. Кондрат походил с месяц и заявил ей, что в его планы не входило жениться на

гундосой. Ох, и плакала Дашка, когда за Кондратом захлопнулась дверь. Наревевшись, она дала себе зарок – отомстить проклятому кобелю.

И вот приплясывает он в магазине, литру вымогает. Так вот, вне очереди, прямо принародно, обслуживались три человека: председатель сельсовета, управляющий отделением и участковый, а Кондрат возомнил себя звездой и напирал на куму, как на буфет с копейкой. Кума уже заколебалась, но из толпы вдруг вынырнула Дашка гундосая. Она прикрикнула: «Ах ты, гусь!» И ловко, поймав Кондрата за нос, повела его на улицу. У Кондрата из глаз брызнули слезы, пронизывающая боль сковала его волю, и он на полусогнутых выкатился за порог. Толпа «грохнула», а Дашка, вернувшись в очередь, вытирала платком руку и, смеясь, говорила:

- А потаскун-то сопливый, но пусть теперь сливу лечит примочками.

Продавщица начала отпускать спиртное, очередь рассасывалась, и вдруг на пороге объявилась тетка Кондрата. Жива-здоровая. Толпа притихла, и все поглядывали на неё, потом рассказали ей, как все было. Тетя Люда обвела очередь одним глазом и со смехом заключила:

- Так ему и надо, а то возомнил себя, бестия, звездой экрана, ну везде первый.

С тех пор Кондрат обходил присутственные места. Но подрастали новые герои.

По-щучьему велению...

Жил в деревне один мужик. Да не мужик, а так себе – мужичишко. Ножонки кривенькие, глазки косоватые и весь, как шарнирный, только при ходьбе не скрипел. Но самым большим «достоинством» у мужичишки был нос. А нос-то у него вырос не простой, как у всех смертных, а с забабаккой. То ли предки наградили его такой надстройкой, или «Бог пометил», как считала жена Акулина, чтобы не совал его, куда не следует. Но лезть во все дела было его характерной чертой, не мог он дать себе окорот, где бы что, ни делалось, он тут как тут. Ему бы молчать, и имя-то у него Карп, но как же, он не посоветует: а вдруг сделают неправильно. Ставит жена квашню, а он ей под руку: «Не домяла тесто, хлеб будет рыхлый». Матрена ему скалкой по лбу. Везде бедолага принимал страдания.

Но в этой деревне, как и в любой другой, жили не только такие, как Карп, но и люди мастеровые, основательные. На окраине, в добротном доме жил Матвей. Он умел все. За чтобы ни взялся, сладит чинчинарем. Вязал он людям и хорошие неводы для рыбалки, хотя сам рыбаком не был, и говорил: «Кто охотится и удит, у того ни хрена не будет». Рыбачить-то не рыбачил, а рыбу бачил. Имел для себя небольшой невод. Даст его ребятам, а они к вечеру несут невод и долю рыбы к нему.

Стоял ясный солнечный денек. Пришли к Матвею два паренька, взяли невод и направились по речке побродить. А речка там, не ахти какая, кривенькая, как у Карпа ноги, то туда повернет, то обратно. Кустарниками дико заросла, но рыбешка в ней водилась. В омутах даже щуки крупные обитали. Иногда так сплывется – волна на берег набегают. Рассказывали, что одна щука уток целиком

глотала, у какого-то рыбака даже сапоги яловые съела, а наутро подковы выплюнула.

Вот и завели ребята невод раз, другой.... Рыбы уж полведра, а ведро таскать некому. И откуда нелегкая вынесла Карпа - никто не знает, не ведает. Он уже советы дает, где крупную рыбу поймать. И тут не утерпел. Видать, носатого могила исправит. «Ты лучше, дядя Карп, ведро с рыбой таскай, а мы тебе рыбки на ушицу дадим», - сказали ребята. А Карпу того и надо. Ребята снова невод завели, а он по берегу бегаёт, команды отдаёт: «Слева заходи, справа заворачивай!» А те ведут ровно, знают свое дело. Уж стали на берег выводить, как что-то вдруг, как даст в невод и завозилось в мотне, они бегом на берег. Вытянули и упали разом на рыбину, придавили к земле и ждут, когда она притихнет. А Карп командует: «Что разлеглись-то? Давайте, вытряхивайте, посмотрим, что там за чудо!» Щука попритихла. Ребята вынули её из невода и поручили Карпу за ней присматривать, а сами стали выбирать остальную рыбу.

Карп встал возле рыбины на колени и разглядывал её, а она раскрывала рот и пошевеливала плавниками. Карпу показалось, что она пытается что-то сказать. У него шевельнулась шальная мысль: вдруг щука волшебная, а попрошу-ка я её исполнить одно желание. Желание-то у него было не корыстное: чтобы у жены рука на него не поднималась. Он, озираясь, пригнулся ниже и зашептал, а она в ответ опять рот разевает. Карп взял её на руки, приподнял за морду, и в это время щука сильно открыла рот. Он прямо припал к ней и сунул нос, а щука и сомкнула свои зубастые челюсти. Карп заорал нечеловеческим голосом. Ребята обернулись и увидели, что у Карпа на носу висит щука, а он, бедный, извивается

от боли, пытается разжать челюсти, но это была смертельная схватка, и потому ни Карп, ни ребята ничего не могли сделать. Так со щукой на носу они и пришли в село.

«Скорая помощь» приехала быстро. Врач был удивлен. За много лет работы видывал всякое: укусы собак, бешеных лис, одному пьяному мужику теленок ухо отжевал, но чтобы щука укусила – это было впервой! Народу сбежалось много. Все советы дают, а врач ничего сделать не может. У Карпа слезы в три ручья, щука уж просолилась, хоть копоти. Но тут на выручку пришел Матвей, он принес ножницы по металлу. Перекусил челюсти, а щуку домой забрал. Врач осмотрел нос и решил, что Карпа нужно госпитализировать. Они уехали в город. В больнице Карпу долго лечили нос, но безуспешно. Пришлось делать операцию. А через пару недель его на такси привезли домой. Карп долго не показывался на улице. Когда все зажило и спала опухоль, Матрена не могла наглядеться на своего мужа. Его нос стал ровный и красивый, как у Алена Делона, а самое главное – Карп молчал, как рыба, и не лез не в свои дела. Односельчан поражали эти перемены. Мало, что вид у него стал благородней, но и дурь куда-то подевалась. Из мужичишки получился настоящий мужик. Значит, щука и впрямь оказалась волшебная, и Матрена даже забыла, где скалка лежит. Зауважала Карпа и зовёт с тех пор его Карп Иванович. Прямо, как в сказке!

Первоапрельская шутка.

В деревне Пропадюка развалился колхоз. Он развалился отнюдь не на отдых, а ему пришел финансовый кирдык. За развал колхоза его бывшему председателю дали награду и высокую должность в области. Деревня в состоянии депрессии ушла в запой. Пили почти все, кроме детей и старух, хотя и те, и другие в этой «компании» играли свою роль. Старухи гнали самогон, а дети разливали его по бутылкам, потому что у них не тряслись руки. И никогда бы этот убийственный конвейер не остановился, если бы не Васька Гундосый. Он был необычайно деятельный и все что-нибудь изобретал. А тут начал придумывать новые маты, ну, стало быть, матерщину. Напридумывал столько, что пришлось издать брошюру с пояснениями их значений. Сборник-то не в одном экземпляре, а несколько сотен, и он стал распространяться. Сначала попал к братве. Братва взволновалась: «Как это так, что это за новая феня?» Потом дошло до паханов, и те разволновались вдвое: «Что это такое, в натуре?! Кто этот Васька? Мы ему добро не давали, он рушит устои!» Придет пахан на зону, а там его будут «петухом» звать, потому что по Васькиной фене «петух» - это самый уважаемый человек на зоне, а слово «козел» - это все, кто много «тянул». «Блин горелый» - это надзиратель, но самый страшный матерок: «Ети его в козу мать».

Паханы собрали сходняк и порешили мочить Ваську. А тем временем в деревню Пропадюка потянулись ученые словесности, собиратели фольклора. Васька сделался знаменитостью.

Паханы позвали банду беспредельщиков и поручили им «мокрое дело». Ну, те, значит, взяли разугрев и волыны, сели в крутую тачку и поехали искать ту деревню. Нашли. Но в первой же хате им дали самогону, настоящего на маковых головках, и они отрубались. Через месяц паханы снова собирают сходняк, так как не дождались ни беспредельщиков, ни результата. Решили нанять киллера и уплатить ему из общака приличный куш.

Киллер – Митрофан Занудин, по кличке Зануда - получил аванс и пистолет с глушителем. Сел на разбитый «Запорожец» и попер в эту злосчастную Пропадюку. По дороге в деревню «иномарка» «сдохла». Он пинался по дороге, пока не подрулила крутая тачка. Зануда прикинулся лохом, искателем счастья. Крутые парни оказались – бывшие беспредельщики, посланные замочить Ваську, но опившись самогону, настоящего на маковых головках, забыли прошлое, как детский сон. Служили они верно и потому поставили Митрофана под ствол. Руки на капот, ноги шире плеч, обшарили, нашли «ствол» и валюту. Зануду приволокли в деревню на веревке, привязанной за бампер машины. Ему и в страшном сне такое не могло присниться. Он думал, что едет на легкое дело – «замочить» простого деревенского мужика, а тут охрана, система покруче, чем у паханов. Кто же такой Васька Гундосый, что так дело поставил? Его избитого притащили в сельсовет, там сидел председатель. Зануда узнал в нем сокамерника Селитера, которому корячился вышак за гоп-стоп, но он попал под амнистию, объявленную по случаю похмелья президента. Зануда воскликнул: «Братан!» Но тот возразил, сказав, что он не Селитер, а Николай Иванович Селиванов и вообще, мы не

знакомы, я - избранный всем «миром» голова, а ты - ещё неизвестно кто. Начался допрос.

Зануда назвался филологом, но Селитера не проведешь, не зря он семнадцать пасок оттянул и стал большим психологом, можно сказать, профессором. Долго Зануда «крутил динаму». Но когда Селитер загнул по фене: «А, эти её в козу мать! Сейчас подкастрируем», - тот сдался и рассказал, что его послали паханы. После долгой беседы его накачали тем же самогоном, чтобы избавить от предыдущего. Спал он больше суток, а проснулся - «ну, чистый ангел». И стал он не Занудой, а Митрофаном Калистратовичем и получил должность начальника охраны. Возглавил банду бывших беспредельщиков и написал письмо паханам в стиле письма турецкому султану.

С тех пор процветает бывшее село Пропадюка, а ныне - коммуна «1-е апреля». Все бросили пить, курить, сквернословить. В коммуне тьма ребятишек. Многие ходят на Ваську Гундосова. Все сыты и счастливы. Не верите? Можете проверить. Только вы её можете найти 1 апреля. Её нет на карте. Надо спрашивать у паханов, они знают, но сами туда ехать боятся. Эти их в козу мать!

Сплошной обман

Одна молодая дама страдала без мужчины. Она читала объявления во всех газетах, в основном, колонку «желаю познакомиться». Она дошла уже до безумия и в одной газете прочитала рекламное объявление: «Бурим на всю глубину», записала телефон и начала звонить. Буровики народ ушлый и на вопрос: «Вы, наверное, настоящие мужчины?» - бригадир ответил: «Самый стоящий мужик – это только буровик!» Дама обрадовалась: «Как не шифруйтесь, а я вас раскусила», - подумала она, а вслух сказала: «Прежде чем приступить к делу, я задам вам два вопроса, идет?» - «Давайте», - ответил настоящий мужчина. «Вопрос первый. Вы один или вдвоем? Вопрос второй. Что ваша услуга будет стоить? Я, понимаю, если вы давали объявление, значит, рассчитывали на этом что-то заработать».

«Странная женщина», - подумал бригадир и ответил: «Во-первых, -станок обслуживают не один или два человека, а четыре, и во-вторых, - мы берём двести рублей за метр, стало быть бытовая скважина стоит приблизительно четыре тысячи рублей».

«Ноу, ноу, ноу! Моя скважина столько не стоит, и вообще, я к групповому обслуживанию не привыкла!» - вскричала дама и бросила трубку. Не звонила несколько дней, но видимо, страсть взяла верх. Она позвонила и нежным, ласковым голосом пригласила буровиков приехать. Буровики бурили скважину в поселке и вечером заехали по назначенному адресу, посигналили и стали ждать. Вдруг на крыльцо выпорхнула холеная, пергидрольная блондинка в шикарном цветном халате. Она увидела чумазых усталых людей и поняла, что это настоящие буровики, заломила руки и, подняв глаза к

небу, забормотала, как «Отче наш»: «О, Боже мой, они ещё говорили, что настоящие мужики!» Негодование распирало её. Она замахала руками и закричала: «Пошли прочь, проваливайте, проваливайте!» – и скрылась за дверью.

Дама ещё долго не могла успокоиться: «Нет, не буду я больше читать газеты, это же сплошной обман!»

Парн.

Вадим Вадимович Жмуриков ещё не олигарх, но успешный бизнесмен. Он прошёл трудный путь. Начинал с того, что таскал тяжёлые баулы из Турции и Китая. Теперь у него сеть магазинов с более чем сотней продавцов. Несмотря на то, что время было крутое, «жмуриком» он не стал. Стать «жмуриком» в бизнесе плёвое дело: чик - и ты уже на небесах. Вадим Вадимович мужик с характером и с головой.

Когда дело идёт нормально и механизм не даёт сбоев, хозяин чувствует, что у него появилось свободное время, ну, и, конечно, деньги. И то, и другое нужно потратить с пользой.

Вадим Вадимович познакомился с художником и начал посещать выставки. Открытия выставок сопровождались шумными застольями. Он несколько раз напился, переболел и понял, что это не его стезя.

Попробовал писать стихи. Хотел написать о дяде, но ему сказали, что о нём уже написал Пушкин. Начал было писать про мать-старушку, но выяснилось, что эта тема «распахана» Есениным. Не найдя свободной темы, Вадим Вадимович забросил блокнот.

Его поманули огни ночного клуба. Зарядив бумажник хрустящими купюрами, он начал осваивать боулинг, но и это ему быстро надоело.

Следующее, чем он пробовал заниматься – это игра в крикет. Рядом с его коттеджем продавался домишко с большим огородом. Он его купил, домишко сломал, а участок разровнял и засеял газонной травой. К осени у него уже был приличный газон. В магазине он купил мячики, клюшки и самоучитель по заморской игре. В один

прекрасный день он конкретно приступил к изучению игры. Взял клюшку чуть ли не за середину, размахнулся и ударил по мячику что есть сил. По мячику не попал, зато рукояткой угодил себе между ног. У него зашёлся дух. Выронив клюшку, он упал на газон. Долго он лежал и нюхал аромат родной земли, потом поднялся, вытер слезу и ушёл с поля. Больше он эту игру никогда не вспоминал.

Однажды в соседнем городишке встретил своего однокашника и друга детства Мишку Бабукина. В детстве его кликали Букой, затем Бамбуком, но это всё не прижилось. А за то, что он был из трепачей-трепач, кто-то назвал его Михалко-болтун. И всё, это прилипло к нему навсегда.

Жил Мишка легко. Время как раз для таких. Правда не в чести. Где наврал, где обманул - попробуй, догони.

Вадим даже обрадовался встрече, а Михалко «заливался курским соловьём». На словах у него было поставлено аптечное дело на широкую ногу. На деле же у него была одна аптека, в которой хозяйничала жена и то - помещение они арендовали. Так что прибыль была мизерной. Вадим как замороженный слушал «трели» новоявленного друга и вдруг спросил:

- А у тебя какое хобби?

Мишка заулыбался и не задумываясь ответил:

- Я – рыбак. Если хочешь, поехали со мной, я знаю много мест, да и научить могу многому.

Вадим подумал: «А не заняться ли и мне рыбалкой? И отдых, и спорт ненатужный». Не дослушав длинные сбивчивые речи Мишки, Вадим попросил его поехать с ним в магазин «Рыбий глаз», приобрести кое-какие снасти, хотя бы для начала.

Упав по машинам, устроили маленькую гонку. И вот он – специализированный магазин. Отдел, где продаются невода и сети, называется «Старик и море», а в котором удилища и прочая мелочь, называется «Тянем-потянем». Мишка в этом дока. Купили удилище, спиннинг, мормышки, блёсны и всякой хрени – воз. Вадим раскошелится порядком. Ещё он послушал трёп товарища и на этом простился до назначенного дня.

Вскоре Мишка приехал к Вадиму домой .

Бейсболка козырьком назад, в ухе – серьга. Ходит по коттеджу на цырлах, как рысь бесшумно. Глаза на картины щурит, а на Вадимову жену сощурился как кот на солнышко. Сели обедать, а сами – тары-бары, о том, об этом. Вадим вдруг спросил:

- Зачем ты серьгу в ухо вдел?

Мишку понесло. Он собрал в кучу Гарика Сукачёва, Элтона Джона, вспомнил Мадонну и закончил Борисом Моисеевым. Вадим сказал:

- Знаешь, друг, когда показывают по ящику этих пидормонов, я даже канал переключаю.

Мишка, щурясь, ответил:

- Если бы у меня не было серьги, то и говорить было не о чем, а так меня считают продвинутым. Могу поспорить, что ты тоже серьгу повешаешь.

Вадим чуть не поперхнулся:

- Да я что – голубой? – и вдруг осёкся, взглянув на собеседника.

Мишка сделал вид, что ничего не понял, а настаивал на своём. Чтобы прекратить этот никчёмный разговор, Вадим сказал:

- Давай поспорим, что я никогда не вдену в ухо серьгу.

Заклучили пари, которое выгодно только Мишке. Если Вадим не вдевает серьгу - ну, и ладно, а если вдевает, то даёт место в своём магазине для Мишкиной аптеки. Друзья ударили по рукам и на этом закончили обед.

Вечером проверили снасти, машины. Утром, когда ещё и черти на кулачки не бились, они выехали со двора и помчались на рыбалку, в Алтайский край.

Вадим был ведомым. Мишка сказал, что знает все клёвые места. В рыбалке это хорошо и в прямом и переносном смысле. Часа через три заехали в кафе позавтракать. В кафе была хорошая отделка и мебель. Над раздачей бегущая строка указывала местное время, температуру воздуха и атмосферное давление. После этого шли частушки, и особенно одна смешила всех гостей:

«Леший, леший, где живёшь?

В кабаке за бочкой.

Чего ешь, чего пьёшь?

Сухари с примочкой».

После обеда они проехали пару часов и прибыли на озеро. Оно было километров пять в длину и от пятидесяти до двухсот метров в ширину. С одной стороны березняк и хорошо обжитый берег, а другая сторона дико заросла камышом и кустарником. То тут, то там плавила рыба, и волны разбегались кругами. Мишка засуетился:

- Ну, Вадим, нам повезло! Щука разыгралась – будем блеснить.

На всякий случай накачали резиновую лодку и оставили на берегу. Мишка первый начал блеснить, через несколько бросков ему попала щука килограмма на полтора. Вадим смотрел, как друг ловко орудует спиннингом и тоже приготовился метнуть блесну. Мишка

на время прервался, показал, как правильно это делать и, не дожидаясь, когда ученик начнёт рыбалку, схватил свои спиннинги и убежал подальше, чтобы не мешать друг другу.

Вадим закинул блесну, но недалеко. Другой раз замахнулся порезче, но блесна задела ветку берёзы и, как от лопнувшей пружины, летела на него. Вадим мотнул головой, и якорь блесны пробил ему мочку уха. Он завертелся выюном и, намотав на себя леску, упал на землю. Боль была невыносимая, и он стал звать напарника:
- Михалко-чёрт, иди сюда!

Мишка прилетел пулей и понял, что он выиграл пари. На ухе его друга болталась красивая серьга. Он достал складень, обрезал леску и сказал, что надо ехать в больницу – якорь просто так не снять.

Неподалёку расположилась супружеская пара. Мишка попросил их приглядеть за машиной и остальным добром. Посадил Вадима в свою машину и повёз в районную больницу. Благо, что до райцентра недалеко. В больнице хирург оказался на месте. Мишка ловко обрисовал ситуацию, и доктор пригласил пострадавшего. После осмотра он сказал:

- Вы, батюшка мой, серьгу себе повесили цветную, ну, и носите – вам идет, - хохотнул и велел медсестре подготовить инструмент, а сам вышел. Михалко не выходил из кабинета и всё слышал, говорит Вадиму:

- А ты про пари не забыл? Я ведь выиграл.

Вадим чуть в драку не кинулся, но вернулся доктор. Мишка обратился к нему:

- У нас вчера спор состоялся, он говорил, что никогда не вденет серьгу. Можно это считать серьгой?

Доктор весело взглянул на друзей и подтвердил:

- Конечно, видно Богу так было угодно, он шельму и пометил.

Доктор выгнал Мишку за дверь, а минут через десять вышел и Вадим с забинтованным ухом. Он походил на Полкана из мультика, и в руке держал блесну.

На озеро ехали молча. Только ночью, после выпитого и горячей ухи, Вадим признался, что пари проиграно.

На другой день Мишка ужем крутился вокруг Вадима, обучал его кидать блесну, и ученику подфартило – он поймал щуку на четыре кило. Он был весел и счастлив, что нашёл занятие по себе. А что касается пари, так он сдержал своё слово. Хотя друг и принёс ему лишние хлопоты.

ББК 84.3Р7

К 82

Михаил Александрович Кривошенин

Мама, прости...

Литературно-художественное издание

Оформление обложки В.А. Елесина

Графика А.М. Бабенко

Компьютерный набор Н.П. Широкова

Компьютерная верстка Е.С. Воробьева

Редактор В.С. Арнаутов

Подписано в печать 23.12.2010г.

Формат 60x84 1/32. Усл. печ. л. 18,04.

Печать ризографическая.

Бумага офсетная 80г/кв.м. Гарнитура Таймс.

Заказ № 0025. Тираж 500 экз. Цена договорная.

Отпечатано в Рекламно-полиграфическом агентстве Ректаймс

г. Кемерово, пр. Советский, 40

Издано по лицензии Союза писателей Кузбасса ЛР № 030775.

© Кривошенин М.А., 2011 г.

